

Уральский
федеральный
университет

имени первого Президента
России Б.Н. Ельцина

Уральский гуманитарный
институт

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ

Учебное пособие

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ

Учебное пособие

Рекомендовано
методическим советом Уральского федерального университета
в качестве учебного пособия для студентов вуза,
обучающихся по направлению подготовки
47.03.02 «Прикладная этика»

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2020

УДК 172(075.8)
ББК Ю70я73-1
Т338

А в т о р ы:

Н. П. Цепелева (предисловие, § 1.3, 2.2), *Т. С. Кузубова* (§ 1.1),
Р. В. Алашеева (§ 2.4), *И. С. Бельский* (словарь терминов),
Н. В. Городнова (§ 2.5), *О. Е. Дороненко* (§ 1.4),
Я. А. Макаенко (§ 1.3), *В. Т. Маклаков* (§ 1.2, 1.3),
К. В. Маклаков (§ 2.1, словарь терминов), *В. А. Медведев* (§ 1.5, 2.3)

Под общей редакцией *Н. П. Цепелевой*

Р е ц е н з е н т ы:

кафедра общей психологии и гуманитарных дисциплин
Уральского юридического института МВД России
(начальник кафедры кандидат философских наук, доцент *Е. В. Пенюонжек*);
В. В. Скоробогачкий, доктор философских наук, профессор
(Уральский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации)

Теоретические основания прикладной этики : учебное пособие /
Т338 *Н. П. Цепелева, Т. С. Кузубова, Р. В. Алашеева и др.* ; под общей редакцией *Н. П. Цепелевой* ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. – 155 с. : ил. – Библиогр. в конце глав. – 30 экз. – ISBN 978-5-7996-2950-2. – Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-7996-2950-2

В учебном пособии рассматриваются теоретические основания и линии развития неклассического этического дискурса, приведшие к появлению прикладной этики, различных ее направлений. Подчеркивается, что происходит не просто расширение горизонта этического знания и круга решаемых проблем, прикладная этика вырастает как новая методология, которая совмещает экспертное философское видение и включенность в повседневные практики.

Пособие адресовано студентам всех форм обучения, изучающим курс «Прикладная этика».

УДК 172(075.8)
ББК Ю70я73-1

На обложке:

Эмиль Дерстлинг. Обед у Иммануила Канта. 1893 (фрагмент).
Музей Канта (Калининград)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Глава 1. НЕКЛАССИЧЕСКИЙ ЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ЛИНИИ РАЗВИТИЯ	5
1.1. Становление неклассического этического дискурса: проблема концептуальных оснований	5
1.2. Исторические, антропологические и аксиологические основания морали и этики	10
1.2.1. Проблема оснований морали в культуре, философии и этике. Линии обоснования морали	10
1.2.2. Исторические формы иммориалистско-нигилистической критики морали	14
1.2.3. Антропологические и аксиологические основания морали ...	22
1.2.4. Этическое измерение: его трактовки и содержание. Этосфера – пространство глобальной и прикладной этики ...	24
1.3. Современный этический дискурс: определяющая дилемма и базовые линии развития	28
1.3.1. Определяющая дилемма этического дискурса	28
1.3.2. Базовые линии развития этического дискурса	30
1.3.3. Проблематизация прикладной этики	42
1.4. Антропологический контекст оснований прикладной этики	54
1.5. Социология морали как теоретико-методологическая основа прикладного этического проектирования	61
1.5.1. Социология морали	61
1.5.2. Особенности применения социально-гуманитарного знания в прикладном этическом проектировании	66
1.5.3. Особенности применения социологических методов в прикладном этическом проектировании	77
Глава 2. СФЕРЫ И ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ	90
2.1. Биологическая этика	90
2.2. Этика ответственности	96
2.3. Информационная этика	103
2.4. Гуманитарные технологии в деятельности прикладного этика: тренинг, деловая игра, фасилитация	116
2.5. Корпоративная культура и корпоративное поведение компаний ...	127
Словарь терминов	138

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современная этика как наука трансформируется под влиянием тенденций, заданных постнеклассической философией (М. Фуко, Ж. Делез и др.). Они фиксируют невозможность конституирования этики в традиционном ее понимании в силу аксиологического плюрализма и ацентризма (отказа от дихотомии), внеоценочной рядоположенности и практического сосуществования различных поведенческих стратегий, утверждающих «открытость», «множественность» этического, отказ от возможности конституирования канона. Происходит не просто расширение горизонта этического знания, круга решаемых проблем, но трансформируется само смыслотворческое поле этического. Этическое содержание актуализируется внутренними процессами развития разнообразных общественных практик, для своего анализа требующих принципиального изменения подходов, выработки новой методологии.

Задача учебного пособия – показать, как прикладная этика формируется в этом движении от трактовки этики как сферы должного к пониманию и изучению многообразия этических практик, нравов, новых традиций и т. п. Прикладная этика вырастает как новая методология, которая совмещает экспертное философское видение и включенность в повседневные практики. Содержательно учебное пособие поддерживает два раздела учебного курса «Прикладная этика».

Структурно пособие состоит из двух глав. В первой главе представлены теоретические основания и линии развития неклассического этического дискурса, приведшие к появлению прикладной этики. Во второй главе рассматриваются конкретные проблемы прикладной этики и разнообразные ее предметные модификации, обусловившие содержание и качество современного этического дискурса. В словаре терминов приведена небольшая часть терминов прикладной этики. Разделы пособия снабжены списками ссылок и контрольными вопросами для проверки усвоения материала.

Глава 1

НЕКЛАССИЧЕСКИЙ ЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ЛИНИИ РАЗВИТИЯ

1.1. СТАНОВЛЕНИЕ НЕКЛАССИЧЕСКОГО ЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ

*Этическое. Метафизика. Эссенциализм. Деструкция морали.
Трансцендентное. Этический дискурс.*

Формирование современного этического дискурса, в рамках которого сосуществуют и конкурируют различные теоретические инициативы, явилось результатом кризиса и деструкции классической европейской метафизики, с которой классическая этика неразрывно связана по своим основаниям. «Этическое», наряду с «эстетическим», «религиозным», «теоретическим», – одно из важнейших измерений человеческого существования. Согласно М. Буберу этическое предполагает фундаментальное «знание отдельного человека о том, кто он в подлинном смысле есть и каким он должен быть...» [1, с. 513], а также сравнение этого образца с тем, чем человек является на самом деле. Как известно, для античной и средневековой этики характерен субстанциализм: философы утверждали принцип тождества бытия и блага («бытие и благо обратимы»), этические характеристики включались в само понятие бытия.

И. Кант подытожил основную тенденцию философии Нового времени, разграничив и противопоставив сферы природы и нравственности, бытия и ценностей, науки и морали. Постулаты практического разума (свобода, бессмертие души, бытие Божие) были поняты не как бытие, а как требования, обращенные к человеческой воле. Тем самым открылся новый план вещей, которые «...не имеют бытия безотносительно к трансцендентальному субъекту, они

имеют лишь значимость...» [2, с. 496]. Этот дуализм в XIX в. получил продолжение в разграничении социологического и этического дискурсов, социальных и гуманитарных наук, а также в противостоянии тенденций натурализма и трансцендентализма в самой этике. Согласно К.-О. Апелью альтернатива объективизма науки и субъективизма веры и ценностных решений, позитивизма и экзистенциализма (в собирательном смысле слова) в западной культуре уходит корнями в разграничение публичной и приватной сфер жизни, которое привело к своеобразному вытеснению моральных норм и религиозной веры в область частных решений совести.

Основные фазы кризиса классической этики С. С. Хоружий описывает как своеобразную «серию изгнаний», происходивших в философии конца XIX–XX в. Это «изгнание Платона» (отбрасывание «онтологии Умопостигаемого»), «изгнание Декарта» («отбрасывание декартовой конструкции эпистемологического субъекта») и, наконец, «изгнание Канта» («смерть этического субъекта», которая последовала после Второй мировой войны). «Смерть этического субъекта», согласно Хоружему, «вела к необходимости отбрасывания всех эссенциалистских позиций, включая и такие фундаментальные принципы, как этическая норма... и сущность человека» [3, с. 86]. Следует отметить, что деструкция классической метафизики и этики, включающая все перечисленные «изгнания», была в основных чертах осуществлена Ф. Ницше, который считал принятую им критику морали эпохальным свершением.

Важнейшим шагом в ницшевской деструкции метафизики (устранения сверхчувственного мира в его различных вариантах) явилось разоблачение ее как морали. «Всякая метафизика типа введения сверхчувственного мира как истинного *над* чувственным как мнимым возникает из морали» [4, с. 6]. Мораль была понята как интерпретация сущего, порожденная человеческими потребностями, ее корень обнаружен в иррациональной воле к власти. Ницше лишил мораль сверхчувственного характера, устранив связь этического с трансцендентным. Мораль была перенесена из мира сущего, бытия, в мир феноменов, приобретая значение условия жизни. Такой подход, по сути дела, означал «устранение этического» (С. Кьеркегор). По замечанию К. Ясперса, из-за редукции морали

к воле к власти исчезает специфический смысл этического: мораль предстает как один из ее обликов, как один из способов интерпретации. Устранение этического, казалось бы, ведет к «радикальной необязательности», однако имморализм Ницше не означал оправдания неморальной «просто жизни». Осознавая, что устранение связи этического с трансцендентным означает упразднение прежнего образа человека, собственно человеческого в кантовском смысле, Ницше, при «полной закрытости в имманентном» его мышления (П. П. Гайденок), обнаружил стремление к выходу за феномены, трансцендированию «просто жизни». «Сверхморальное» требовало образа сверхчеловека, важнейшим моральным императивом которого становится «творчество без трансценденции» (К. Ясперс), этическое растворилось в эстетическом.

В критике априоризма Канта, в предприятии ниспровержения безусловного нравственного закона (как и вообще в философии Ницше) обнаруживается стремление «прикоснуться к тому, что лежит за пределами формы, закона, вербальной выразительности» [5, с. 239], которое во многом определит пафос философии постмодернизма. Деструкция классической этики, ситуация «после долга» (Ж. Липовецки), сложившаяся в современной культуре, диктуют необходимость поиска неклассических версий этического дискурса. В «Проблемах философии морали» Т. Адорно, представитель Франкфуртской школы, настаивает на ограниченности этики И. Канта, даже не предполагавшего возможность такого мира, в котором категорический императив нельзя исполнить. Философ признается, что его собственный критический пафос во многом был инициирован радикальной критикой морали, предпринятой Ф. Ницше. В современном мире «жизнь настолько искажена и изуродована», возможность свободы настолько уменьшилась, что вполне правомерен вопрос: «а имеют ли еще для нас категории морального какой-либо смысл?» [6, с. 112]. В последние десятилетия четко осознается, что природа нового этического дискурса «должна быть отлична от жесткого эссенциализма классической западной философии» [3, с. 88], однако достаточно убедительные современные альтернативы классическому этическому дискурсу пока не созданы.

Вместе с тем целый ряд теоретических инициатив свидетельствует о своеобразном возвращении этического дискурса в философию и научное познание. Предметом рефлексии становится фундаментальная связь этического дискурса с проблемами современной онтологии, социальной философии и социально-гуманитарных наук. Одной из таких инициатив является проект рационального обоснования этики и превращения ее в метод философии, предложенный К.-О. Апелем и Ю. Хабермасом в «этике дискурса». Следуя в русле кантианской традиции и учитывая аргументы феноменологии, философской герменевтики и позднего Витгенштейна, эти мыслители разрабатывают свои версии когнитивистской этики. При этом они стремятся уйти от упомянутого «жесткого эссенциализма» классического этического дискурса и монологичного кантовского трансцендентального субъекта.

Трансцендентально-прагматическое обоснование этики призвано преодолеть разрыв между «объективностью» научного познания и «субъективностью» этического, между «номологическими науками» и «науками о духе», показывая, что «“объективность” науки, свободной от ценностей, все-таки предполагает intersubjectивную значимость моральных норм» [7, с. 297]. Не только научная, но и любая рациональная аргументация подразумевает значимость универсальных этических норм, условием возможности логики выступает этика.

Этот тезис подрывает предвзгляд относительно иррациональности и субъективности моральных норм и оценок. Философ должен дать себе отчет о дотеоретическом знании и интуитивном обладании системой правил, на которых основаны порождение и оценка символических выражений и операций. Моральные феномены обнаруживаются до всякой рефлексии «в горизонте жизненного мира», в «коммуникативном действии», где люди выступают с притязаниями на значимость, а значит, на правильность и правдивость своих высказываний. Хабермас подчеркивает специфику социальной реальности в сравнении с порядком природы: эта реальность изначально внутренне связана с притязаниями на нормативную значимость. Практический этический дискурс встроен в коммуникативное действие, конституирует социальную реаль-

ность. Действенность предложенных этических норм проверяется в процессе аргументации всех участников коммуникации, а категорический императив выступает как правило дискуссии.

Таким образом, становление неклассического этического дискурса и многообразие подходов в современной философии морали обуславливают необходимость анализа концептуальных оснований этического дискурса в новых условиях. Плодотворным в этом смысле может стать как выявление эвристического потенциала классической этики, прежде всего в ее аристотелевском и кантовском вариантах, в современных условиях, так и осмысление новых инициатив, таких, как постмодернистская этика ответственности, «искусства существования» М. Фуко и др. Важным направлением исследования становятся теоретические основания прикладной этики. Как указывает Б. В. Марков, сегодня думают о построении таких дискурсов в науке, политике, бизнесе, в которые встроена положительная этика: «Этические требования из внешних осуждений становятся конкретными рекомендациями, определяющими производство результатов, они встроены в дискурс и действуют внутри него, способствуют таким решениям, которые являются не только инструментальными, но и этическими» [8, с. 335].

Библиографические ссылки

1. Бубер М. Два образа веры. М. : ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. 592 с.
2. Гайденко П. П. Научная рациональность и философский разум. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 528 с.
3. Хоружий С. С. Кризис классической европейской этики в антропологической перспективе // Этика науки / отв. ред. В. Н. Иванов. М. : ИФ РАН, 2007. С. 85–97.
4. Хайдеггер М. Время и бытие. М. : Республика, 1993. 447 с.
5. Ясперс К. Ницше: Введение в понимание его философствования. СПб. : Владимир Даль, 2004. 628 с.
6. Адорно Т. Проблемы философии морали. М. : Республика, 2000. 239 с.
7. Апель К.-О. Трансформация философии. М. : Логос, 2001. 344 с.
8. Марков Б. В. Мораль и разум // Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. : Наука, 2001. С. 287–377.

Контрольные вопросы и задания

1. Как трактуется соотношение бытия и блага в классической и современной этике?
2. В чем заключается кризис классической этики? Что такое «смерть этического субъекта»?
3. Каким образом Ф. Ницше осуществил деструкцию морали?
4. В каком направлении идут поиски неклассического этического дискурса?
5. В чем смысл проекта рационального обоснования этики, предложенного К.-О. Апелем и Ю. Хабермасом?

1.2. ИСТОРИЧЕСКИЕ, АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ МОРАЛИ И ЭТИКИ

Основания морали и этики. Линии обоснования морали в философии и этике. Формы имморалистско-нигилистической критики морали. Антропологические основания морали и этики. Ценностные основания этики. Этосфера – пространство глобальной и прикладной этики.

1.2.1. Проблема оснований морали в культуре, философии и этике. Линии обоснования морали

Тема оснований морали как первичной онтологической реальности и ее обоснования в этике в форме познавательного сопровождения пронизывает все стороны их онтогносеологического взаимодействия, и хотя часто не артикулируется в ясном вербальном предъявлении, может быть озвучена в формулах «основания морали» и «обоснование морали/этика». Тема глубоко инициируется метафизическим вопросом о человеке и его назначении, задачами развития моральной философии и этической теории, опытом повседневности. Поэтому она имеет внутреннюю сложность, даже иерархичность, включая в себя исторические, естественно-научные,

социальные, культурные, религиозные, философские, научные, логические, ценностные аспекты, переплетающиеся в лабиринтной картине человеческого жизнеустройства. Она также имеет свойство постоянно возобновляться в форме индивидуальной и социальной проблемы, когда человек или социальная общность сталкиваются с затруднениями и дилеммами, вопросами долженствования и ценностных ориентиров. Еще Г. Спенсер в работе 1892–1893 гг. «Основания этики» выделял в ней подразделения личной и общественной этики, имея в виду, что «основания» имеют место в любой морально-этической системе [1].

Прояснение оснований предполагает необходимость моралистической рационализации (не путать с «морализацией») и всегда сталкивается с недостаточностью логического закона достаточного основания, в частности, по причине беспредпосылочности и аксиоматичности морали, что показал в теоретической этике И. Кант своим исследованием «практического разума». Обстоятельства рационализации в сфере знания приводят к рассмотрению проблемы оснований в культуре, моральной философии и теоретической этике, вся история которых пронизана спорами, содержит широкий спектр подходов и решений по актуальным вопросам морально-этического характера, позволяет сделать хотя бы беглый обзор концептуальных приближений к заявленной теме.

Отметим генетически первичные основания морали, лежащие в плоскости мифологии и религии. Как показал А. А. Гусейнов [3, с. 103–105], двойная мотивация поведения мифологического героя между богами и людьми, переведенная в ракурс моральных (божественных) и неморальных (житейских, аффективных) мотивов, наиболее соответствует модели двойной мотивации человеческого поведения. Тем самым мифология задает морали, моральному сознанию архетипичность, подтверждаемую современными материалами этноантропологического изучения первобытных сообществ. Далее в монотеистических религиях (иудаизм, христианство, ислам) наблюдается своего рода «поглощение морали», где она есть часть божественного откровения и безусловная составляющая на пути благочестивого человека к цельности, нравствен-

ному совершенству и спасению (иначе, через снятие этического, этот путь выглядит в буддизме). Нравственные установления исходят от Создателя и даны в священных текстах: Декалог, Нагорная проповедь, Заповедь любви. Религиозный взгляд на беспредпосылочность морали был и остается одним из ключевых в культуре, более существенно – в моральной практике.

Каковы главные линии поиска оснований/обоснования морали в философии и этике? Оттолкнемся от высказанной Р. Г. Апресяном [2, с. 276] градации характерных подходов по критерию источников морали, объединенных в четыре линии. Их можно определить как апологетические, принимающие мораль в качестве бытийной и исторической данности.

1. Натуралистическая линия, выводящая мораль из тенет биологической эволюции, некой естественно сложившейся природы человека, связывающая ее с историей органического мира, сообществами животных и оформившаяся в итоге в направление этического эволюционизма (альтруистический эволюционизм П. Кропоткина, идея взаимопомощи В. Эфроимсона). Из тех же корней выводятся агрессивность и зло в более современных социобиологических версиях (К. Лоренц и др.).

2. Супранатуралистическая или трансцендентно-философско-религиозная линия, выводящая мораль из запредельного источника, божественного, несущего Откровение (Платон, Августин, Ф. Аквинский, русская религиозно-философская традиция, идея соборности).

3. Социологическая линия выводит мораль из общественных обстоятельств, рассматривая ее как технологию социальной дисциплинарности, форму социального «построения», как репрессию (Т. Гоббс, Дж. С. Милль, М. Вебер, З. Фрейд, этнологические теории).

4. Антропологическая линия, связанная с целостным самоопределением человека, формированием характера и индивидуальности, берущая начало в этике добродетели Аристотеля, далее Л. А. Сенека, И. Кант, Ж. П. Сартр, Э. Фромм. В этой связи уместно соотнести «Характеры» преемника Аристотеля Теофраста (Феофраста) и «Лекции по этике» Канта с его погружением в человеческий материал моральных явлений.

5. Культурологическая или, точнее, культур-антропологическая линия – уместная как добавление и продолжение, рассматривающая источник морали в контекстах культуры, ее исторических и цивилизационных формообразований, «на стыках», например, мифологии и религии в вышеназванном подходе Гусейнова к генезису морали. Эта линия прослеживается в «археологическом» методе М. Фуко, сложившемся на историческом материале возникновения новых институционально-поведенческих практик. Показательно в этой связи изменение им замысла цикла «Истории сексуальности» и приход в последней книге к этической теме «заботы о себе». Развитие культур-антропологической линии предполагает ее нарастание в связи с вызовами и рисками, перед которыми стоит современное электронно-цифровое общество, и новыми постановками морально-этических вопросов.

6. Для более полного уяснения предмета разговора, помимо условно «позитивных» или апологетических линий, нельзя не выделить «критические» или имморалистско-нигилистические линии обоснования морали. Поскольку бытовой стихийный имморализм сферы повседневности (обсценная лексика – мат, эротический фольклор, матерный/похабный анекдот, порнография) был, есть и так или иначе будет существовать как выражение неприятия нормативности традиционной морали и не ставит перед собой объяснительных задач, выделение его в отдельную линию выглядит формальным. Особый интерес имеет сложившаяся в конце XVIII – первой половине XX в. и потому относительно недавняя и молодая концептуалистская линия критики морали.

7. Линия имморализма и нигилизма (маркиз де Сад, Ф. Ницше, молодой и зрелый Маркс, русский нигилизм и русский марксизм – Ленин, Троцкий), для которой коренным стал вопрос деструкции, преодоления, нейтрализации или «смерти морали», представшей символом архаического прошлого, как полагали ее адепты. Перечисление имен позволяет говорить о «волнах» имморалистско-нигилистического пафоса, который из атмосферного состояния вошел в почву, плоть, культуру и моральные практики минувшего века.

1.2.2. Исторические формы иммориалистско-нигилистической критики морали

Первая волна. Творчество «безумного» маркиза (1740–1814) и долговременные последствия его открытия, освоения и влияния, пришедшиеся на XX в., позволяют рассматривать *де Сада* как пионера современного нигилизма и иммориализма. Он соединил и выразил в своем дискурсе экзотический жизненный путь, литературную плодovitость графомана и опыты концептуализации особой экстремальной морально-этическом программы. Об этом говорит само название главного сочинения маркиза «Философия в будуаре», жанровым определением «памфлет» подчеркивающее остроту идейного и морального вызова, который предполагал его автор. Текст содержит две части – беллетристическую, «будуарную», и философско-политическую, собственно «памфлетную», под именем «Французы, еще одно усилие, если вы хотите стать республиканцами», объединенные единым иммориалистским стержнем.

Литературно-концептуальные построения де Сада пропитаны идеями и настроениями своего времени – века Просвещения, галантного века, с безусловной добавкой «безумного» отклонения. Они являют причудливую смесь натуралистически истолкованного материализма, апеллирующего к природе как главному арбитру в решении всех вопросов, теории естественного человека в духе Руссо и «фортепианной клавиши» в духе Дидро, атеизма и антиклерикализма, мотивов свободы, справедливости, революционного обновления, обличения невежества, неприятия нравов аристократической элиты, всякой нормативности в морали и этике, критики добродетельности, романтизма и сентиментализма, пропитанных всепоглощающим эротическим переживанием. Оно и становится содержанием его сочинений. Пьер Клоссовски, проясняя связь фигуры де Сада с французской революцией, пишет, что он относился к той группе современников – либертенов привилегированного слоя, которые «надеялись, что им удастся заставить людей принять в качестве универсальной потребности свою собственную потребность в проблематизации, и ждали, что революция приведет к тотальной переделке структуры человека (таков, по крайней

мере, случай Сада, которому не давал покоя образ интегрального человека с полиморфной чувствительностью)» [4, с. 26]. Добавим, что подобный запрос в перерождении и появлении «нового человека» проступит впоследствии в связи с русской революцией.

В результате де Сад приходит к утверждению природной естественности зла и апологии всякого насилия и преступления (обман, воровство, растление, убийство), в том числе сексуального, как не подлежащих наказанию. Непосредственность желания, а вслед ему свобода мысли, слова и действия находятся в «убийственной» связи. Это нить республиканской идеи. Знаковые объекты его недовольства и критики – религиозные основы морали с ее запретами и заповедями, следовательно, отрицание всяких трансцендентных оснований морали, этика добродетели и принцип нормативности как основа возникающей светской этики, договорно-регулятивный характер моральных норм, выносимый за скобки, вопреки его популярности в просветительском кругу, ханжески-лицемерная практика моральной жизни французского общества.

Отношения/превращения добродетели и порока, желания и неограниченного гедонистического наслаждения, покорности и безжалостности, сексуально-ролевые игры «жертвы» и «мучителя-насилъника» стали предметом де садовских литературных экзерсисов – романов, малой прозы, драматургии, упомянутой первой части главного трактата. Как итог, творчество маркиза приобрело психокриминалогическую окраску. Впоследствии, в конце XIX – в течение XX в. и далее, интерес к изучению переходных состояний в поведении человека между нормой и ее нарушением, а также утверждение принципа нормативной относительности в морали и этике обернулись связанной с этими явлениями новой терминологией (сализм, садомазохизм, алголагия и т. д.), многочисленными художественными рефлексиями по мотивам де Сада (М. Эрнст, С. Дали, П. П. Пазолини, Л. Кавани, Р. Полански и др.), вариантами концептуально-философского прочтения «случая Сада» французскими интеллектуалами (А. Камю, С. де Бовуар, М. Бланшо, Ж. Батай, Р. Барт и др.) [5].

Вторая волна. Следующая, условно – вторая, историческая форма имморалистско-нигилистической критики морали идет

от *Фридриха Ницше* (1844–1900), ее сложение пришлось на последние десятилетия XIX в. В сравнении с первой волной она предстает несомненно более последовательной, аргументированной, концептуально целостной, отмеченной теоретическими новациями. В ее основе лежат:

а) культурологическая посылка в виде исторической оппозиции дионисийского и аполлонийского типов культуры, сквозь которую просматриваются различные по сути типы моральности: квазимораль доисторического времени, времени, по словам автора, «нравственности и нравов», и лишь начатая осознаваться подлинная мораль времени цивилизации, имеющая, судя по всему, размытые хронологические и территориальные рамки;

б) ценностная посылка в виде радикальной программы «переоценки ценностей», возможной только как нигилистический проект, в котором традиционные моральные ценности добра и зла, соучастия и милосердия, санкционированные христианством и предъявляемые в качестве подлинных, утрачивают прежний статус, и эта иллюзорная мораль/квазимораль становится главным адресом чреватой неизбежностью переоценки, о чем свидетельствует триада головных этических сочинений Ницше «По ту сторону добра и зла», «К генеалогии морали», «Утренняя заря»;

в) лингвистическая посылка в форме генеалогического анализа языка, мировых языков в той части их лексикона, значения и смыслы которого имеют морально-этическую нагруженность, например, связь значений слов «добро» и «зло» в начале их оформления в латинском языке со словами «бедный» и «богатый», позднее перечеркнутая библейской герменевтической традицией, утвердившейся в сознании большинства (допустим, известная фраза из Нового Завета «Блаженны нищие духом»);

г) наконец, натуралистическая или физиологическая посылка, выраженная в апелляции к набравшей обороты биологической науке, эволюционному учению Ч. Дарвина, которые подкрепляли Ницшеву формулу жизни, или «воли к власти» в качестве витально-энергетической основы его культурологических изысканий по поводу приоритетности «дионисийского духа» для утверждения истинной сверхчеловеческой моральности будущего. Садомазохистские

оргастические перверсии у Маркиза сменяются дионисийскими творческими фантазмами у Ницше, но мотив рождения и ожидания чего-то «нового», независимо от его терминологического именования, остается. Поэтому метафора «утренней зари» звучала провидением нового человека и новой индивидуалистической, конкурентной морали, к которой придет европейское человечество.

Эти послышки немецкий мыслитель конкретизирует по двум направлениям – социального и психологического анализа происхождения и функционирования моральных ценностей как аккумуляций сознания и действия, психики и языка. В обоих случаях его интересует механизм переворачивания, ценностных фальсификаций, когда в социально-историческом плане понятия добра, добродетели, сострадания и т. п., исходящие от «рабов», бедных и униженных, становятся господствующими и синонимичными иллюзорному существу морали, а более соответствующие ее рангу понятия чести, достоинства, самоутверждения, автономии, представляющие мораль «господ», игнорируются прежде всего христианской, церковной доктриной. Далее эта «подмена» закрепляется на психологическом и поведенческом уровне, как показывает Ницше своим психоанализом морали в концепции ressentiment (фр. *ressentiment* – злопамятство, злоба), когда состояние униженности и несостоятельности бедных получает компенсаторное утешительное разрешение в форме религиозных, мистериальных упований спасения и блаженства «на небесах», а в реальной жизни выражается в зависти, злобе, ненависти, угодничестве, принятии своей беспомощности перед «сильными мира сего». В этой части критика Ницше, ставшая аналитикой, выглядит наиболее пронзительной, точной и глубокой.

Последующие интерпретации наследия Ницше, имевшие, за немногими исключениями (Л. Шестов, Е. Трубецкой, М. Шелер), социально-политическую и идеологическую направленность, недооценили главное – акцент на приоритетности морально-этической тематики, его ценностно-аналитический потенциал.

Третья волна. Русский нигилизм в его полуторавековых трансформациях – особая национально-историческая форма имморалистско-нигилистической критики морали.

1) В антропологическом и этическом плане *русские нигилисты* срединных десятилетий XIX в., вышедшие из дворянской и разночинной городской интеллигенции, представляли молодую поколенческую генерацию «нетерпеливых», опирались на популярную в более-менее образованной среде теорию «разумного эгоизма» и продолжающую ее утилитаристско-прагматическую, рационалистическую этику (Н. Чернышевский, Н. Добролюбов, Д. Писарев и др.). Их идеалом был человек, сочетавший личный интерес с умеренным гедонизмом, социальную ангажированность с просветительской активностью, но отвергающий излишние социальные, государственные, гражданские, семейные обязательства и архаичные ценности. Он ориентирован на полемику, протест против казенных, религиозных устоев, в конечном счете на революционное насильственное действие. Тем самым первоначальный строй русского нигилизма на фоне инертности социально-политической системы страны неуклонно дрейфует в сторону анархизма (М. Бакунин), антимонархизма и народовольческой революционности.

Показательный пример такого смещения – появление, не без содействия Бакунина, организации «Народная расправа» С. Нечаева, особого этического кодекса под названием «Катехизис революционера» (1869), ее разоблачения и публичного судебного разбирательства, ставшего предметом внимания, художественно-публицистического и этического рассмотрения Ф. М. Достоевским в знаменитом романе «Бесы». По понятным причинам роман имел трудную подцензурную судьбу в советский период истории. «Катехизис...» – документ показательный. Это была программа широкомасштабной террористической деятельности, в которой центральной фигурой становился революционер как демиург «нового мира». Вот несколько характерных фрагментов о природе и сущности революционера, его отношении к самому себе, товарищам по революции, обществу и народу.

О себе: «§ 1. Революционер – человек обреченный. У него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Все в нем поглощено единственным исключительным интересом, единою мыслью, единою страстью – революцией. § 2. Он в глубине своего существа, не на словах только,

а на деле, разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, и со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями, нравственностью этого мира... § 3. Революционер презирает всякое доктринерство и отказался от мирной науки, предоставляя ее будущим поколениям. Он знает только одну науку, науку разрушения... § 4. Он презирает общественное мнение... § 7. Природа настоящего революционера исключает всякий романтизм, всякую чувствительность, восторженность и увлечение».

О товарищах, и не только: «§ 8. Другом и милым человеком для революционера может быть только человек, заявивший себя на деле таким же революционерным делом, как и он сам. Мера дружбы, преданности и прочих обязанностей в отношении к такому товарищу определяется единственно степенью полезности в деле всеразрушительной практической революции. § 13. Революционер вступает в государственный, сословный и так называемый образованный мир и живет в нем только с целью его полнейшего, скорейшего разрушения. Он не революционер, если ему чего-нибудь жаль в этом мире... Тем хуже для него, если у него есть в нем родственные, дружеские или любовные отношения; он не революционер, если они могут остановить его руку».

Об обществе: «§ 15. Все это поганое общество должно быть раздроблено на несколько категорий. Первая категория – неотлагаемо осужденных на смерть. Да будет составлен товариществом список таких осужденных по порядку их относительной зловредности для успеха революционного дела, так чтобы предыдущие номера убрались прежде последующих».

О народе: «§ 22. У товарищества ведь [нет] другой цели, кроме полнейшего освобождения и счастья народа, то есть чернорабочего люда. ...Товарищество всеми силами и средствами будет способствовать к развитию и разобщению тех бед и тех зол, которые должны вывести, наконец, народ из терпения и побудить его к поголовному восстанию... § 25. Поэтому, сближаясь с народом, мы прежде всего должны соединиться с теми элементами народной жизни, которые со времени основания московской государственной силы не переставали протестовать не на словах, а на деле против всего, что прямо или косвенно связано с государством: против

дворянства, против чиновничества, против попов, против кулака-мироеда. Соединимся с лихим разбойничьим миром, этим истинным и единственным революционером в России» [6, с. 244–248].

Христианское слово «катехизис» (лат. *Catechēsis* – поучение, наставление) в названии не случайно: благодаря ему понятие «революционер» как бы освящается, сакрализируется, приобретает мессианскую избранность. Именно революционер должен стать теургическим воплощением подлинной жертвы ради всего народа, ради его спасения и обновления мира. Это был манифест радикальной революционной имморалистско-нигилистической этики, который во многом стал основой деятельности русских революционеров-народовольцев и частично воспроизвелся в доктрине и практике левого марксизма. В связи с этим этическая составляющая марксизма особенно интересна.

2) *Ранний и зрелый марксизм/русский марксизм и марксизм-ленинизм: зловключения моральной идеи.* Молодой Маркс начинает свой путь с позиции романтического неприятия буржуазно-филистерской немецкой действительности, косность которой он усмотрел именно в этике, в духе морализаторства немецкой прессы и журналистики, в религиозной догматике, в консервативном стиле мышления, чему посвящены его ранние работы «Морализирующая критика и критицизирующая мораль», «К критике гегелевской философии права». Здесь же с позиции идеи отчуждения звучит образная критика религии – «сердце бессердечного мира», «вздых угнетенной твари» и т. п. – и ханжества христианской морали. Морально-этическая тональность, очевидно, задала вектор последующим политэкономическим исследованиям Маркса, но далее происходит удивительная метаморфоза: в теоретически оформленном, классическом марксизме, ставшем программой антикапиталистического революционного действия, происходит редукционистская переоценка статуса морали и этики с позиции социально-экономического детерминизма и классовой борьбы, сведение морали к «форме общественного сознания» и проявления классового интереса, исторически изменяющихся сообразно типу общественно-экономической формации. Под влиянием этой концептуальной схемы в первые советские десятилетия, разумеется через преломление

конкретных исторических обстоятельств глубинного общенационального российского кризиса, складывается практика и марксистско-ленинская идеология преодоления морали под флагом революционной целесообразности. Леворадикальное неомарксистское обоснование новой революционной морали дают В. И. Ленин («Задачи союзов молодежи») и Л. Д. Троцкий («Их мораль и наша»). Ее абсурдистским пределом явились массовые публичные акции поиска «врагов народа», «борьбы с космополитизмом», ревизионизмом, оппортунизмом, формализмом и прочим в СССР середины прошлого века. Далее уместно говорить о медленном и трудном преодолении нигилизма и *возвращении «блудного сына»* – подлинности морали и этики.

Первым, своего рода лингвистическим знаком возвращения было обращение И. В. Сталина к советскому народу в катастрофическом начале Великой Отечественной войны не со словами «Товарищи» или «Граждане», а фактически христианскими – «Братья и сестры». Последующие знаки идут по нарастающей: появление в 1963 г. малотиражного, самиздатовского и почти диссидентского сочинения Я. Мильнера-Иринина «Этика, или Принципы истинной человечности», относительная реанимация теоретической этики, издание книги «Понятие морали» О. Г. Дробницкого, работ других авторов, конечно, в условиях сохраняющегося марксистского теоретического канона. Даже попытка воссоздания морального стандарта «советского человека» в варианте его перезагрузки под названием «Моральный кодекс строителя коммунизма» можно оценить как движение в направлении реально происходящей этизации общественной жизни, своего рода возвращения моральной идеи. Моральная идея не конкретное морально-этическое предписание, а принцип первенства этического начала в человеке, которое может отодвигаться на периферию жизни, но в итоге всегда возвращается. Важным художественным свидетельством этой закономерности в контексте времени последних советских десятилетий стал фильм А. Тарковского «Солярис» (по одноименному роману С. Лема), где фантастическая ситуация встречи землян с неизвестным космическим Разумом акцентированно переведена режиссером в морально-этическую плоскость в отличие от сюжета романа.

Итоговым событием процесса преодоления нигилистических волн уже в постсоветский период явился, на наш взгляд, выход в 2001 г. фундаментального энциклопедического словаря «Этика» (ред. Р. Г. Апресян и А. А. Гусейнов), раскрывающего историко-культурную и понятийно-категориальную панораму мировой философско-этической мысли, в том числе забытой российской моральной философии, и обозначившего ее возвращение в русло моральной идеи [7].

Историческое рассмотрение нигилизма и имморализма открывает путь к иным уровням обоснования морали и пониманию обновляющегося содержания этики.

1.2.3. Антропологические и аксиологические основания морали

На основе дифференциации дисциплин знания, их систематизации и группировки, а также теоретического конструирования человеческой сложности складываются фундаментальные научно-философские программы изучения человека. Такие программы-проекты, в частности, получили воплощение в энциклопедических словарях «Человек» нового поколения, вышедших практически одновременно. Первый словарь подготовлен коллективом исследователей российского Института человека под руководством И. Т. Фролова [8], второй подготовлен двумя авторами, Ю. Г. Волковым и В. С. Поликарповым [9]. Сопоставление их структуры и содержания позволяет увидеть антропологические основания морали, место в этих программах этического измерения.

Отметим сходство и различие двух близких программ исследования человека. Сходство – в логике развертывания от космологии до глобалистики, в выделении биологического, социального и культурологического аспектов триединой человеческой природы; духовных – психологических, познавательных, этических – атрибутов индивидуального бытия. При этом программа-словарь И. Т. Фролова выглядит более традиционно, оставаясь в рамках привычного категориально-теоретического состава этики. Принципиальное различие между ними – в обозначении экзистенциального,

эссенциального и темпорального измерений в словаре Волкова–Поликарпова. Экзистенциальное измерение определяет интерес к повседневной эмпиричности и одновременно уязвимости, экстремальности человеческого существования; эссенциальное – к сущностным характеристикам его природы (телесность, индивидуальность, личностность, социальность, разумность, иррациональность, свобода, эстетическое отношение, коммуникативность и многое другое); темпоральное – к фактору времени в его внешних, объективных, и внутренних, субъективных, проявлениях. Заметим, что ценностная составляющая в обеих программах акцентируется недостаточно, поскольку органическим продолжением и дополнением антропологии является аксиология, теория и проблематика ценностей. Через антропологию аксиология приобретает в составе философии базисный статус и может рассматриваться в качестве новой/старой грани ее прикладного назначения – заниматься «переоценкой ценностей». Аксиология видоизменяет образ философии, ее онтологию, гносеологию, этику.

В тотальном вертикально-горизонтальном поле ценностей векторы движения и изучения разнообразны: социальные, этнические, групповые, профессиональные, культурные, гендерные, индивидуальные и проч. Главное, что сам человек как единичность и индивидуальность делает себя, свои личные качества и потенции, предметом анализа, вступая в область философско-практической аксиологии, морали и этики. Этика, будучи учением о должном в человеческом поведении и действии, является завершающим разделом аксиологии, собственно финализирующей частью философии в ее прикладном назначении. Это демонстрирует исторический процесс развития философии.

Сегодня, в начале столетия и тысячелетия, в условиях возрастания рисков, факторов неопределенности частного и общечеловеческого существования все активнее ставится вопрос об обновлении этической теории, обосновании этики ответственности. Одновременно наблюдаются своего рода реабилитация этического знания, расширение ценностно-этической проблематики, аккумуляция этих тенденций в понятие «этическое измерение», через которое прорастают все названные выше основания.

1.2.4. Этическое измерение: его трактовки и содержание. Этосфера – пространство глобальной и прикладной этики

Как отмечалось, истолкование этического измерения, именуемого «нравственно-мировоззренческие основы человеческого бытия», в программе Фролова представлено традиционным составом понятий: смысл жизни, свобода, ответственность, долг, честь, достоинство. В программе Волкова–Поликарпова оно предстает более объемно, проблематично, раздел включает 26 статей общеэтической и прикладной направленности. Выделим некоторые: Алчность. Биоэтика и плюрализм ценностей. Благоговение перед жизнью. Быть или иметь. Границы биоинженерии человека. Добро. Дружба. Жадность. Зло. Новый гуманизм. Нравы. Планетарная этика. Социальный гуманизм. Торговля человеческими эмбрионами. Феномен героизма. Феномен дегуманизации. Ханжество и лицемерие. Этика генной инженерии. Этическая революция. Этические границы трансформации человеческой телесности.

Специфика этического измерения для России конкретизируется в преамбуле к разделу как «революция в сердце человека», как один из самых фундаментальных параметров экзистенции индивида. В архаическом и традиционном типах общества этическое измерение связано с социальным и космическим измерением, тогда как западное индустриальное общество устранило космическое измерение в ходе промышленных революций. Потому современный человек столкнулся с целым спектром глобальных проблем, главная из которых – надвигающаяся экологическая катастрофа. Плюс проблемы биоэтики, связанные с бурным развитием генной инженерии. Этическое измерение сегодня приобретает все большую значимость также и потому, что модель потребительского общества уже неадекватна действительности и требуется преодоление глубокой нравственной деградации. К современному западному и российскому обществу вполне применима характеристика «растерянное общество». И, по мнению авторов, этическое измерение для России неразрывно связано с поиском национальной идеи, экзистенциальным началом россиянина [9, с. 354].

Иную трактовку этического измерения в духе неонатурализма, если вспоминать первоначальную типологию оснований морали, дает современный испанский беллетрист и моралист Дарио Соммэра в работе «Мораль XXI века», где излагается глобальный проект Новой Морали под названием «Физика Морали». Он пишет: «*Физикой морали (fisica moral)* я называю науку, позволяющую сознательно и добровольно взаимодействовать с Природой повсюду во Вселенной во имя достижения высшего блага, включающего в себя этическое и человеческое совершенство каждого... *Физика морали* – это путь развития более высоких уровней сознания, принятия высших ценностей и внутренней дисциплины, ведущих к наивысшему успеху и счастью. *Физика морали* требует понимания и методического подхода, проверки на собственном опыте механизма энергетических процессов взаимоотношений человека и Природы» (курсив автора цитаты. – В. М.) [10, с. 13].

О чем сигнализирует это толкование этического измерения? Еще в 1923 г. в книге «Мораль и культура» А. Швейцер сформулировал принцип «благоговения перед жизнью» как перспективный проект морали будущего. Это было этическое резюме по итогам Первой мировой войны. В период Второй мировой В. Вернадский завершает оформление концепции ноосферы, другого магистрального открытия XX в., которая в скрытом виде также содержит этический знаменатель. Рассмотрение этического измерения в варианте Соммера заставляет обратиться к введенному в оборот понятию «этосфера» [11], соединяющему Швейцера и Вернадского в новой ситуации целостного мира, так как практика минувшего века прошла мимо морали и этики. Этосфера – космическое и земное пространство человеческой деятельности и одновременно индивидуальной и совокупной этической ответственности за ее результаты, сфера глобальной и прикладной этики.

Первый полюс этосферы – глобальная этика. В 1993 г. по инициативе немецкого теолога Г. Кюнга была принята Декларация о глобальной этике в качестве дополнения ко Всеобщей декларации прав человека, фиксирующая иной, метаиндивидуальный масштаб человеческой ответственности. Мораль в качестве ее регулятора и ограничителя – это предельная система страховки, безопасности человека и человечества. Развитие через глобализацию,

иное качество рисков предполагают необходимость введения морально-этических страховочных регуляторов. На пути к единой базовой, всемирной этике складывается новая версия категорического императива. Ее существо – исключение взаимно несовместимых, антагонистических этик и моральных практик, компромисс и согласие в отношении приемлемых норм и ценностей, жизненных стандартов, межкультурный и межконфессиональный диалог. Важнейшим здесь является вопрос жизнеспособности проекта глобальной этики в ее связи с политической практикой.

Второй полюс этосферы – прикладная этика. Становление прикладной этики в конце XX в. – реальный процесс глобальной этизации. Экономический рост, научно-технологическая и информационная революция, экологические проблемы, этнические, политические и религиозные противоречия, кризисный характер протекания этих процессов предстают как цивилизационный вызов. Форма ответа – выделение различных направлений прикладной этики: биоэтика, экологическая этика, деловая и экономическая этика, информационная этика, техноэтика и ее дальнейшее ветвление. Такова тенденция движения от универсальности морали к ее партикуляризации, подкрепляемая развитием, умножением профессиональных и корпоративных этик. Для нее характерны реабилитация этикетности, создание этических кодексов, уставов, этических комитетов, комиссий и других форм партикулярно-корпоративной нормативности. В этой связи возникают проблемные вопросы: 1) как соотносятся классическая теоретическая и прикладная этики; 2) насколько близки полюса глобальной и прикладной этики или они подобны параллельным прямым, которые не пересекаются?

Библиографические ссылки

1. *Спенсер Г.* Основания этики : пер. с англ. Репринт. изд. 1899 г. СПб. : Альфарет, 2016.
2. *Апресян Р. Г.* Мораль // Этика : энцикл. слов. / под ред. Р. Г. Апресяна и А. А. Гусейнова. М. : Гардарики, 2001.
3. *Гусейнов А. А.* К соотношению морали и религии // Свобода совести и культура духовности (философско-этические, религиозные и культурные аспекты). Ч. 2 / ред. М. Г. Писманик. Пермь, 2011.

4. *Клоссовски П.* Сад и Революция // Маркиз де Сад и XX век / пер. с фр. М. : РИК «Культура», 1992.
5. Маркиз де Сад и XX век : пер. с фр. М. : РИК «Культура», 1992.
6. *Нечаев С. Г.* Катехизис революционера // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый: Документальная публикация / под ред. Е. Л. Рудницкой. М. : Археограф. центр, 1997.
7. Этика : энцикл. слов. / под ред. Р. Г. Апресяна и А. А. Гусейнова. М. : Гардарики, 2001.
8. Человек : философско-энцикл. слов. / под общ. ред. И. Т. Фролова. М. : Наука, 2000.
9. *Волков Ю. Г., Поликарпов В. С.* Человек : энцикл. слов. М. : Гардарики, 1999 (разд. 6 : Этическое измерение).
10. *Соммэр Д. С.* Мораль XXI века : пер. с исп. М. : Кодекс, 2014.
11. *Симкин Г. Н.* Рождение этосферы / Вопр. философии. 1992. № 3.

Контрольные вопросы и задания

1. Почему вопрос обоснования мотивов и поступков моральной деятельности является значимым, проблемным в индивидуальном плане и в этической теории?
2. Как объяснить, что мифологические и религиозные основания морали являются генетически первичными, согласно А. А. Гусейнову?
3. Выделите защитительные, апологетические подходы к обоснованию морали в этике. Что их объединяет и разделяет?
4. В чем существо нигилистических подходов в отношении к морали или чем мораль «провинилась» перед ними?
5. Усматриваете ли вы разницу между «нигилизмом» и «иммориализмом»? Назовите исторические обстоятельства появления этих «измов».
6. Охарактеризуйте представленные варианты морального нигилизма: подход де Сада, Ницше, молодого и зрелого Маркса, русского нигилизма и революционного марксизма. Что их объединяет и разделяет?
7. Как вы понимаете тезис о «возвращении к морали»?
8. В чем состоит специфика антропологического и ценностно-этического аспектов в рассмотрении и обосновании морали?
9. Каково место и содержание этического измерения в антропологических программах целостного изучения человека (коллектив под рук. И. Т. Фролова, Ю. Г. Волкова и В. С. Поликарпова), в подходе Д. С. Соммэра?
10. Что такое этосфера (в сопоставлении с биосферой) в единстве прикладной и глобальной этики?

1.3. СОВРЕМЕННЫЙ ЭТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ОПРЕДЕЛЯЮЩАЯ ДИЛЕММА И БАЗОВЫЕ ЛИНИИ РАЗВИТИЯ

Неклассический этический дискурс. Трансформации этического. Определяющая дилемма современного этического дискурса. Утилитаризм. Эволюционная этика. Психоанализ. Прагматизм. Феноменология. Прикладная этика. Традиционная и прикладная этика. Линии развития прикладной этики. Организационная этика. Проектно-ориентированная этика. Новообразования прикладной этики.

1.3.1. Определяющая дилемма этического дискурса

Трансформации этического. Современный этический дискурс приобрел разнообразие, имеет разные уровни и направления. Этика как наука проблематизируется, трансформируется, возможна лишь в смысле «открытой», «множественной» (Д. Мак-Кенс), т. е. отказавшейся от возможности конституирования канона. Происходит не просто расширение горизонта этического знания, круга решаемых проблем. Трансформируется смыслотворческое поле этики. Этическое содержание актуализируется внутренними процессами развития разнообразных общественных практик. Моральные феномены, обнаруживаемые «в горизонте жизненного мира» (Ю. Хабермас), для своего анализа требуют принципиального изменения подходов, выработки новой методологии.

Определяющая дилемма. Этика как знание (наука) о морали должна спешить, чтобы соответствовать неумолимой динамике современной цивилизации. Метаморфозы, что произошли с ней в течение минувших полутора столетий, фундаментальны: она как будто перестала быть базовой отраслью в составе философии, уходит из системы образования, замещается этикетом в крайнем случае, не вписывается в параметры научности, теоретичности, и склонна смещаться на орбиту здравого смысла – common sense. Эти изменения аккумулируются в констатации несостоятельности в наши дни принципов классической этики от Аристотеля до Канта.

Это одна сторона вопроса. С другой стороны, со стороны морального поведения, этоса как реальной данности, наблюдаются эрозия традиционной нормативности, рост нигилистических имморалистских установок или их апология с позиций того же здравого смысла. Де-этизация и де-морализация предстают по существу как дополняющие друг друга составляющие новой реальности.

Вместе с тем в последние десятилетия XX в. внутри этики в качестве традиционной философской науки о морали произошли существенные теоретические прорывы – прескриптивистская концепция Р. Хэара, этика справедливости Дж. Роулза, дискурсивная этика К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса, этика ответственности Х. Йонаса, которые подготовили, мотивировали радикальный поворот к переосмыслению изменившейся реальности и новому качеству этического дискурса. Этот поворот был подкреплен развитием теоретического потенциала широкого спектра социально-гуманитарных (экономика, юриспруденция, политология, культурология, менеджмент), технических, экологических, биомедицинских наук, которые столкнулись с проблемными этическими вопросами исследуемых ими усложняющихся сфер жизнедеятельности. Этическая проблематика все более настойчиво стучится и входит в пространство этих прагматических, ценностно-ориентированных наук. Ее неотвратимость получила выражение в возникновении новой, как будто нефилософской отрасли знания – прикладной этики с ее разнообразными предметными ветвлениями от экономики до биологии и медицины. Необходимо добавить, что осознание этой ситуации российским научным, образовательным сообществом происходило в условиях другой, изменившейся после 1991 г. страны, предпринявшей трудную конвертацию капиталистической модели развития. Поэтому важно учитывать зримую диалектическую разницу в 20–30 лет между отечественным и мировым опытом в этом направлении.

Но движение в сторону партикулярных, прикладных этик, думается, не является основанием для мемориальных торжеств в связи с кончиной «категорического императива» как парадигмальной моральной санкции. Пути этического неисповедимы, о чем свидетельствуют развивающийся процесс «возвращения к морали»,

содержательные и институциональные поиски в области глобальной этики, тенденции преодоления одиозных формул типа «политика вне морали», рост научных этических исследований, опыты реабилитации этической составляющей в сфере образования. Такова определяющая дилемма современного этического дискурса.

1.3.2. Базовые линии развития этического дискурса

Закономерно рассматривать основные линии, концепции и проблемы современной этики в контексте обсуждения вопроса о прикладной этике, поскольку в вопросе о генезисе прикладной этики мы имеем по крайней мере три варианта ее происхождения: прикладная этика появляется в противопоставлении метаэтике, формируется в противоречии с ней; прикладная этика возникает из ситуации, сложившейся в «науках об обществе» (речь идет прежде всего о психологии морали и социологии морали), провоцирующих столкновение «теории» и «жизни», поскольку в современном этическом дискурсе обнаружились фундаментальные противоречия между достижениями так называемой «теоретической этики» и конкретными жизненными ситуациями, в которых эти результаты показали свою полную несостоятельность; также появление прикладной этики можно рассматривать как закономерный этап исторического развития этической мысли. Последующее изложение будет полностью сориентировано на последний вариант. В силу этого следует рассмотреть некоторые направления этической мысли XX в.

Утилитаризм. Как разновидность моральной теории утилитаризм вошел в историю этики благодаря Джону Стюарту Миллю, который развил учение о морали, представленное его предшественником и учителем Иеремией Бентамом. Под утилитаризмом понимается такое направление в этике, согласно которому моральная ценность поступка определяется его полезностью. Согласно классической формуле утилитаризма любой поступок и любое действие считаются морально правильными, если они не влияют на совокупную выгоду, т. е. если сумма благ всех заинтересованных сторон максимизирована.

Существует несколько форм утилитаризма, таких как гедонистический утилитаризм (связывает понятие блага с понятиями удовольствия и отсутствия страданий в конкретных человеческих ситуациях и требует в конечном итоге удовлетворения индивидуальных человеческих предпочтений), а также эвдемонистический утилитаризм (ориентируется на принцип всеобщего благоденствия). Современные западные утилитаристы, как правило, отождествляют понятия счастья и пользы (блага), что делает подобные маркировки непринципиальными.

Утилитаризм является разновидностью консеквенциализма, поскольку рассматривает измерение человеческого поступка исключительно с точки зрения его последствий.

Классический утилитаризм предстает в виде своего рода морально-антропологической теории. Иеремия Бентам полагал, что удовольствие и страдание – это фундаментальные природные принципы человеческой жизни. Социальные институты, право и мораль должны ориентироваться и строиться в связи с этими принципами [1].

Для того чтобы это стало возможным, Бентам предложил специальную систему классификации и оценки полезности действий и благ. Он считал, что главное стремление человека – это стремление к счастью и оно связано с удовлетворением желаний, что одновременно является полезным и приятным для человека. При этом само понятие «счастье» он интерпретировал как результат непрерывного и длительного наслаждения.

Бентам дал предельно широкую трактовку принципам полезности и удовольствия, соединив их с понятием добродетели: благо есть то, что полезно и доставляет удовольствие или по крайней мере дает основание избегать того, что вредно и неприятно. Кроме того, благо есть то, что можно измерить и рассчитать, определив его качественные и ценностные параметры.

В концептуальном смысле утилитаризм как теорию оформил и представил Джон Стюарт Милль, который, так же как Иеремия Бентам, полагал, что все люди прежде всего стремятся к удовлетворению собственных желаний.

Милль рассмотрел это базовое стремление в контексте вопроса о высшей конечной цели человеческого существования, которая со времен Аристотеля связывалась с такими понятиями, как «счастье» и «высшее благо». При этом он исключил в рамках утилитаристской теории возможность достижения счастья и удовлетворения от осуществленных потребностей в чисто эгоистическом ключе: польза действительно заключается в счастье, но это не личное, а общее счастье, человек должен стремиться к тому, чтобы были счастливы все люди, и в такой ориентации на общее благо человек должен постараться обеспечить по крайней мере достижимость своего частного блага. Таким образом, согласно Миллю, цель моральной философии состоит в том, чтобы дать такие правила к руководству человеческими поступками, соблюдение которых должно привести человека к наиболее свободному от страданий и наполненному удовольствиями существованию, что имело бы при этом значение одновременно и для отдельного индивида, и для всего человечества.

Согласно представлениям Милля базовым принципом утилитаризма является принцип пользы (благо есть то, что полезно). Однако Милль не ограничился этим принципом и ввел второстепенные критерии, которыми человек руководствуется при совершении поступков: принцип справедливости, «не вреди», «соблюдай интересы другого человека» и т. п. Согласно Миллю в реальном пространстве совершения поступка люди по большей части руководствуются этими второстепенными принципами, однако при возникновении моральных дилемм, для получения адекватного решения, с необходимостью обращаются к главному принципу. В качестве же критерия, определяющего то, что полезно, Милль определял предпочтение одного удовольствия другому: то, которое предпочитается, совершенно очевидно является более ценным, чем то, которое игнорируется. И, поскольку здесь Милль исходит из индивидуальных предпочтений, можно предположить, что решающим фактором в определении того, что полезно, будет мнение большинства или (в идеальном варианте) всего человечества.

В настоящее время утилитаризм как теория востребован в рефлексиях и философских построениях, касающихся проблем, связан-

ных с таким направлением, как трансгуманизм. Наиболее интересными в этом контексте являются идеи Д. Пирса, который полагает, что достижения в области биотехнологий могут привести к ликвидации всех форм негативного опыта, полностью исключив из человеческой жизни страдание. Тем самым, согласно Пирсу, может решиться вопрос реального достижения счастья, что является безусловной конечной целью, к которой стремится человек.

Натуралистически ориентированные этические теории.

1. *Эволюционная этика.* С точки зрения эволюционной этики мораль является одним из моментов общей эволюции человека. Морально обоснованным в этой этической модели считается то, что соответствует общим принципам биологического развития и способствует сохранению и процветанию живых организмов. Эволюционная этика как теория формируется в рамках общей биологической теории эволюции и имеет научную основу.

Основные принципы эволюционной этики возникают и оформляются в трудах Чарльза Дарвина и Герберта Спенсера.

В вопросе о происхождении и обосновании морали Дарвин опирается на классические философские представления этических сентименталистов, утилитаризм Д. С. Милля и эмпиризм Д. Юма, совмещая их с учением о происхождении видов в результате полового отбора и естественной природной конкуренции или борьбы за существование [3].

Дарвин пытается дать научное обоснование таким понятиям, как «моральное чувство», «симпатия», «общественное и индивидуальное благо», обнаружив их основание в природных биологических предпосылках человеческого существования. Он полагает, что человеческое общество возможно на основании так называемого «социального инстинкта», наличие которого у человека (и животного) природно обусловлено необходимостью выживания. Так, забота о ближнем, например, является исключительным проявлением этого инстинкта и не несет в себе иных смыслов, кроме биологического. В результате эволюционного развития социальный инстинкт трансформируется в мораль, которая, будучи проявлением высокой биологической организации, служит гарантом сохранения и развития социальной организации. Кроме того, в результате

появления речи как особого момента биологической организации человека мораль получает возможность выражения в императивно-нормативном суждении, что, в общем, служит той же самой цели – цели сохранения и выживания вида.

Подобно Дарвину, Герберт Спенсер считает мораль результатом биологической эволюции, однако, в отличие от Дарвина, рассматривает ее не в контексте вопроса о социальной организации, но в аспекте человеческого поведения и его ценностных характеристик. В моральной философии Спенсера сочетаются несколько теорий, которые он объединяет на основании эволюционистской модели моральной психологии: ассоциативная психология, теория наследования приобретенных признаков Ламарка, интуиционизм и утилитаризм.

Согласно Спенсеру наилучшим вариантом поведения является тот, который приводит к наиболее качественным вариантам жизни, связанным с благом и удовольствием. Конечной целью человеческого существования, таким образом, является счастье, понимаемое как удовольствие и польза. В такой системе взглядов мораль становится необходимой как средство для разрешения возможных конфликтов между стремлением к частному, индивидуальному, и общему благу (т. е. как инструмент снятия возможного противоречия эгоистических и альтруистических устремлений).

Спенсер полагал, что наибольшего развития и процветания способны достичь только те общества, которые ориентируются на принцип всеобщего благоденствия, а принцип всеобщего благоденствия действует в наилучшей степени тогда и только тогда, когда индивид имеет возможность реализовывать себя в условиях равных свобод. В этом смысле своеобразный «эволюционистский утилитаризм» в варианте Спенсера можно назвать также «моральным либерализмом».

В современной эволюционистской этике благодаря открытиям, сделанным в области генетики и этологии, обсуждаются механизмы генетически обусловленного поведения в модели «альтруизм–эгоизм», объясняющие процесс эволюционного отбора. В этом контексте достаточно интересны работы русского эволюционного генетика В. П. Эфроимсона, который обсуждает генетически обуслов-

ленные механизмы сотрудничества и взаимопомощи в человеческом сообществе и утверждает, что в основе человеческого поведения лежит не принцип «выживания сильнейшего», но принцип альтруизма.

2. *Этика и психоанализ.* Основатель психоаналитической теории Зигмунд Фрейд пришел к необходимости осмысления нравственных проблем из анализа происхождения религии и религиозных верований, поскольку религиозные ценности напрямую связаны с нравственными идеалами и этическими нормами. В терапевтической практике Фрейд столкнулся с тем, что нередко у его пациентов невротические состояния возникали как результат конфликта религиозных норм и нравственных ограничений с сексуальным влечением. В результате Фрейд предпринял попытку дать психоаналитическое объяснение таким феноменам, как совесть, вина, раскаяние и т. п.

Анализируя проблему происхождения морали, Фрейд обращается к опыту пациентов-невротиков, состояние которых ставит в зависимость от культурных запретов и различных норм, которые довлеют над ними, сопоставляя индивидуальный опыт и общекультурный опыт формирования норм и табу в примитивных обществах. Фрейд утверждает, что в этом случае происходит своего рода «раздвоение» сознания, человек занимает амбивалентную позицию в отношении объекта желания, где проявляются одновременно ненависть и агрессия, так же как любовь и привязанность. В этой же самой ситуации происходит вытеснение объекта желания в бессознательное одновременно с наложением запрета на этот объект.

В результате анализа данных процессов Фрейд приходит к заключению о том, что индивидуальные и социальные запреты, имея одну и ту же природу и механику образования, выступают в качестве вполне определенного морального императива, которым человек руководствуется, совершая индивидуально и общественно значимые поступки. Моральный императив, о котором говорит Фрейд, наводит на мысль об аналогии с моральным законом Канта, который также имеет императивную природу. Однако, в отличие от Канта, Фрейд говорит о «законе», который фактически исключает вопрос об автономии воли и не имеет сознательных мотивировок.

В вопросе о происхождении морального закона Фрейд апеллирует к дарвинистским установкам во взгляде на общественную организацию, где индивид с целью выживания в борьбе за существование вынужден подчиняться воле более сильного индивида, которому проигрывает в конкуренции за доминирование. В результате социального давления, которое неизбежно возникает в этой ситуации, происходит «убийство отца», которое вызывает в «сыновьях» амбивалентное чувство удовлетворения от реализации ненависти и одновременное чувство родства и привязанности, что порождает стыд, вину и раскаяние. При этом фигура отца наделяется «ореолом святости» и становится символическим образом власти, что позволяет избежать дальнейшей конкуренции за «место отца» и тем самым сохранить общество. Мораль, таким образом, покоится на потребности примитивного общества и индивида в выживании. Кроме того, моральные чувства вины и раскаяния являются реакцией психики на преступное деяние, и именно это становится основанием морали.

Фрейд полагал, что мораль – защитный механизм психики, который включается в результате работы присущих всему человеческому роду конфликтов между инстинктами продолжения человеческого рода и самосохранения и индивидуальными, эгоистическими влечениями и служит гарантом сохранения общественной жизни. При этом общественная и «культурная» мораль является репрессивным механизмом, т. е. необходимым условием гармоничного существования человека в обществе, поскольку подавляется инстинктивная, природная сексуальность человека.

Такое подавление инстинктов также ставит вопрос о природе человека с точки зрения добра и зла. Фрейд заметил, что обуздание инстинктов и агрессивных влечений человека говорит скорее о том, что человек по природе зол, соответственно нуждается в «исправлении» собственной природы, однако это «исправление» приводит к появлению неврозов, «уходу в болезнь», но не к подлинному изменению человеческой природы, человек остается злым в своей сущности. Однако Фрейд не исключает также добрые и благородные побуждения, присущие человеку, т. е. не абсолютизирует в этом случае злое начало человеческой природы. Дурное, темное

и аморальное в человеке он уравнивает деятельностью по созданию духовных, художественных и прочих ценностей, что также является продуктом вытесненных в бессознательное влечений.

Психоаналитическая теория в наибольшей степени сблизилась с классической этикой в варианте неофрейдизма Эриха Фромма. Фромм сделал попытку найти рациональные основания в интерпретации добра и зла в рамках психоанализа, в результате чего создал вариант гуманистической этики, ориентированной на развитие индивидуальности, исключающей конформизм, авторитарность и безвольное послушание.

Согласно Фромму диктат «Сверх-Я», который провозглашался Фрейдом в качестве источника нормативности, это только начальный этап в формировании моральной личности в ее подлинном смысле. Личность должна трансформироваться и перейти из состояния, послушного авторитету, к состоянию, в котором открывается сознание подлинного «Я» с единственным моральным регулятивом, который Фромм называет «совесть».

Основой моральной жизни и центральным нравственным отношением Фромм считает любовь. При этом любовь к себе (в форме своего рода «разумного эгоизма» или «заботы о себе») является источником и основанием любви к ближнему, т. е. служит гарантом общественного порядка и гармонии.

Психоаналитическая этическая теория оказала широкое влияние на множество философских и общекультурных теорий современности. Среди них можно выделить экзистенциальный психоанализ, структурализм, постструктурализм, философию Франкфуртской школы, а также некоторые постмодернистские концепции.

Прагматизм и моральная философия. Возникновение прагматизма связывают с именем Чарльза Сандерса Пирса, его развитие и распространение – с именем Уильяма Джеймса, а создание прагматистской моральной философии – с Джоном Дьюи.

Прагматизм как философская теория методического толка ориентируется на соединение теории с практикой. В этике это осуществляется как своего рода рекомендация к сведению нормативных понятий к практической полезности, поскольку они имеют натуралистическую основу. В этом смысле можно сказать, что как

моральная теория прагматизм находит свои истоки в утилитаризме и эволюционизме. Так, например, У. Джеймс утверждал, что принципы утилитаризма вполне соответствуют общей позитивной теории, однако он также полагал, что человек вполне способен иметь идеалы, которые не связаны со стремлением получать удовольствие или избегать страдания, т. е. пытался таким образом отойти от чисто утилитаристских установок. При этом, согласно Джеймсу, эти идеалы порождаются сознанием, однако, в отличие от интуиционистов, с которыми он в этом вопросе достаточно плотно сближается, Джеймс определял сознание как то, что опосредовано практикой и исключает, таким образом, всякий априоризм в его содержании.

Ч. Пирс, исходя из тех же натуралистических интенций, что и Джеймс, пришел к выводу, что наше мышление в решении моральных вопросов может исходить из чистой интуиции, однако затем пересмотрел эту позицию, создав такую композицию этики и логики, которая предполагает, что этика изучает то, что хорошо в действии, тогда как логика – то, что хорошо в мышлении, которое есть своего рода действие. Таким образом, нормативная наука должна ориентироваться на изучение того, что есть благо само по себе, но не на то, является ли какое-либо конкретное действие благом.

Д. Дьюи, в отличие от Пирса и Джеймса, которые не исключали вопроса о благе как таковом, попытался представить моральный закон и всю нормативную часть этики как средство для анализа и объяснения индивидуальных моральных ситуаций, обозначив при этом моральное решение, выносимое индивидом, в качестве истока нормативности. Таким образом, можно сказать, что он придерживался позиции морального контекстуализма в рамках прагматического метода, поскольку искал определение поступка в качестве «правильного» или «неправильного» не в общем принципе или законе, но в специфике ситуации.

Прагматический элемент в его моральной теории выражается в том, что Дьюи провозгласил конечную цель или благо как то, что связано с вполне конкретной вещью, приобретающей свою ценность благодаря нашим желаниям и симпатиям. При этом характер

и ценность средств и целей взаимно определены, поскольку наши суждения о ценности цели неразрывно связаны с нашими «затратами» на ее достижение.

Дьюи полагал, что никакие фиксированные моральные правила и законы не могут быть адекватными в мире, где царят постоянные изменения и ценностный релятивизм. Обратившись к традиционным моральным теориям, таким как моральная телеология, деонтология и теория добродетели, он попытался увидеть их общий источник в человеческом опыте и пришел к выводу, что разрешение противоречий между ними может зависеть только от контекста, в котором эти противоречия возникают.

В соответствии со своими контекстуалистскими представлениями Дьюи рассмотрел исторические и социальные обстоятельства, в которых возникали различные моральные теории, и пришел к выводу, что в определенном историческом или социальном контексте любая теория является достаточно ограниченной: теория, которая имеет смысл в одном контексте, может совершенно его лишиться в другом. В таком случае, согласно Дьюи, следует обратиться к институциональным структурам и механизмам, которые влияют на способность людей проводить здоровые моральные решения в жизнь.

Таким образом, моральная эпистемология Дьюи естественным образом пришла к завершению в своего рода политической философии, поскольку он ратовал за реконструкцию установленных в обществе моральных законов и призывал к пониманию нормы как некой гипотезы, которую необходимо проверять на практике в каждом конкретном случае. В качестве средства для реализации своего этического проекта он видел создание прогрессивных школ, где обучали бы навыкам критического и экспериментального исследования, а также оценке этих норм с точки зрения последствий их применения.

В середине XX в. прагматизм начал утрачивать свое влияние, однако в 80-е гг., благодаря усилиям Ричарда Рорти, вновь стал обретать популярность. Рорти проводит параллель между прагматизмом и философской деятельностью Дьюи, с ницшеанским влиянием в континентальной философии, которое привело к появлению

основных школ европейской современной философии. Основной прорыв мысли Дьюи, Джеймса и Пирса Рорти видит в отказе от метафизических допущений о существовании неких универсальных начал, таких как «благо само по себе» или «истина». В этике это приводит к тому, что устоявшиеся моральные принципы и нормы начинают напрямую связываться с конкретными жизненными ситуациями и индивидуальными устремлениями человека, в силу чего мораль может мыслиться как выражение единства и многообразия индивидуальных решений в целом человеческого опыта.

Феноменологическая этика. Основатель феноменологического движения Эдмунд Гуссерль не оставил какого-либо развернутого учения об этике. Провозгласив в качестве исходного тезиса своей философии постулат «К самим вещам!», он сосредоточил внимание на анализе феноменов сознания. При этом в качестве основной характеристики сознания Гуссерль представил его интенциональность, а сами феномены предложил анализировать в их чистоте или предметной необусловленности.

В целом из всего объема философии Гуссерля можно извлечь несколько тезисов, которые лишь постольку-поскольку могут быть отнесены к этике. Прежде всего, пытаясь удостовериться в существовании других «эго», он пробует сконструировать мир «монадологической интересубъективности», что означает сведение всего возможного конститутивного содержания эго к самому этому эго. Очевидно, что такая позиция закрывает для эго всякую возможность выхода к Другому, таким образом снимая вопрос об этике в рамках феноменологии в принципе. Вторая крупная проблема этики в ее связи с классической феноменологией соотносится с проблемой жизненного мира. В зависимости от того, как она может быть решена и рассмотрена, получают возможность такие подходы к этике в рамках феноменологии, которые, с одной стороны, представляют ее беспредпосылочно, т. е. в качестве того, что может обосновывать саму себя, с другой же стороны, позволяют увидеть за ней некую онтологию.

Очевидно, что Гуссерль, не конструируя какой-нибудь стройной этической теории в рамках своего метода, ставит серьезные проблемы для последующих этических рефлексий феноменологов,

в силу чего феноменологический метод, видимо, и был адаптирован к анализу духовных, ценностных и моральных явлений многими его учениками.

В рамках феноменологической этики особого внимания заслуживают Макс Шелер и Николай Гартман, которые начали выводить проблему морали как таковую из аксиологического контекста.

Основным предметом рассмотрения в этике Макса Шелера являются ценности. Феноменология, согласно его представлениям, должна помочь в том, чтобы выстроить их иерархию, вскрыть основанные на них моральные нормы и требования, а также показать, как эти нормы могут быть адаптированы к жизни. Этика же должна указать пути к высшему благу и открыть конечную цель для всех волевых устремлений.

Подобно Шелеру, Гартман рассматривал этику в контексте вопроса о ценностях. Он полагал, что, поскольку мораль, как ценностный феномен, несет в себе все характеристики, которые присущи ценностям вообще, моральная теория должна быть частью общей теории ценностей. Кроме того, в силу ценностной природы мораль должна быть представлена как идеальный объект. И, поскольку ценностный идеальный объект так или иначе выражает должное, для человека (чисто в субъективном плане) мораль предстает в виде норм и требований, которые он должен исполнять в конкретных жизненных ситуациях [2].

Феноменология имеет определенные точки соприкосновения практически со всеми течениями современной западной мысли. Ее специфика заключается в том, что по своей сути она не представляет собой особым образом выстроенной теории, но является своего рода «практикой», направленной на выявление, раскрытие и осмысление первичного опыта сознания. Овладение феноменологическим методом возможно только в ходе феноменологического исследования в духе Декарта, подвергающего сомнению истинность того, что не представляется уму ясным и очевидным, и позволяющего посредством такого подхода избежать опрометчивости и предвзятости в суждениях. В этом смысле феноменологическая философия имеет серьезный потенциал для развития и обогащения современной этической теории.

Библиографические ссылки

1. *Бентам И.* Введение в основание нравственности и законодательства. М. : РОССПЭН, 1998.
2. *Гартман Н.* Этика. СПб. : Владимир Даль, 2002.
3. *Дарвин Ч.* Происхождение видов путем естественного отбора. СПб. : Наука, 1991.
4. *Джеймс У.* Воля к вере. М. : Республика, 1997.
5. *Дьюи Дж.* Демократия и образование. М. : Педагогика-пресс, 2000.
6. *Милль Дж. Ст.* Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии. М. : Эксмо, 2007.
7. *Милль Дж. Ст.* Утилитаризм. СПб. : [б. и.], 1900.
8. *Спенсер Г.* Основания этики. СПб. : [б. и.], 1899.
9. *Фрейд З.* Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии. М. : Эксмо, 1997.
10. *Фромм Э.* Психоанализ и этика. М. : Республика, 1993.
11. *Шелер М.* Избранные произведения. М. : Гнозис, 1994.

Контрольные вопросы и задания

1. Сформулируйте «классическую формулу» утилитаризма.
2. Почему утилитаризм можно считать консеквенциалистской моральной теорией?
3. Что представляет собой мораль с точки зрения эволюционной этики?
4. В чем заключается особенность психоаналитической этики?
5. Что такое прагматизм, в чем состоят основные особенности связанной с ним моральной теории?
6. Что такое феноменологическая этика, каким образом она получает свою возможность?

1.3.3. Проблематизация прикладной этики

Постметафизический поворот в этике привел к «перемене модальности этического мышления» (Р. Г. Апресян), отказу от сведения ценностно-императивного содержания морали только к «высшим ценностям», поиску обоснования морали через цели, лежащие за пределами самой морали. С позиций такого подхода мораль рассматривается в контексте различных общественных практик.

Центр внимания в этическом рассмотрении переносится с личности на ее взаимоотношения с другими людьми, на признание правомерности разнообразного морального опыта, на осознание людьми своей моральной ответственности за существующее положение дел в тех сферах общественной жизни, с которыми они связаны своей жизнедеятельностью и профессиональными интересами.

Прикладная этика как междисциплинарное знание возникает в конце XX в. в ответ на запрос постсовременного демократического общества, занимается осмыслением конкретных социально-нравственных практик, обнаруживает и фиксирует те изменения, что происходят в социально-нравственном опыте и нравственных требованиях современного общества. В начале XXI в. практически вся современная этика, т. е. этика постметаэтического периода, связывается с прикладной этикой (А. А. Гусейнов).

Произошедшие перемены обусловлены, как это уже было показано в предыдущих параграфах, неспособностью традиционной этики в рамках абстрактно-теоретического анализа решать актуальные моральные проблемы, возникающие в конкретных сферах человеческой жизнедеятельности, в повседневной жизни конкретного человека. Обращение к повседневности как к сфере и способу общественной жизни людей дает возможность уйти от идеальных схем и создать реальное представление об их жизни, реконструировать целостное бытие человека, осмыслить разнообразные связи, проступающие в реалиях повседневности. Поведение, нормы, ценности тех или иных социокультурных групп говорят о глубинных аксиологических процессах. Центральной фигурой любого процесса становится человек. Он перестает быть пассивным объектом, подверженным влиянию со стороны безличных социальных институтов, обретает статус действующего в своих интересах агента, наделенного собственным опытом, памятью, навыками и воображением. Человек вырабатывает значения и ценности действуя и действует успешно только тогда, когда его поступки имеют понятный ему смысл.

Прикладная этика – теоретически-практическое знание. Согласно Р. Г. Апресяну прикладная этика – это «область теоретического (т. е. систематизированного и внутренне обоснованного) знания,

а также практических разработок (консультирования, экспертизы, проектирования), предметом которых является императивно-ценностное содержание конкретных (профессионально и предметно определенных) отношений, в которые вступают люди, осуществляя различные виды деятельности, ее этос, ее этический режим (когда он есть), а также те социокультурные условия, в которых эта деятельность осуществляется, и те социальные институты, посредством которых обеспечивается действенность этического режима» [1, 2]. Изучая частные практики и ситуации, решая конкретные или типовые задачи, прикладная этика применяет *методологию* ситуационного анализа. Ее задача – «адаптация» общих этико-нормативных положений к конкретным ситуациям этической неопределенности, «выработка правил для нравственно ответственного принятия решений и профессионального поведения включенных в эти практики людей» [Там же].

Речь в данном случае идет о практиках, которые, подчеркивает Р. Г. Апресян: а) беспрецедентны, по поводу их не накоплен опыт ценностно-нормативного осмысления; б) их внутренние цели и мотивы которых специфичны и имеют тенденцию, в силу разных причин, к доминированию над другими (подрывая тем самым приоритетность нравственных мотивов); в) чреватые конфликтами, столкновением интересов, при одновременном дефиците времени и средств для их оперативного разрешения. Прикладная этика своими предварительными, ситуационно-аналитическими, ценностно-рефлексивными и нормативными разработками призвана компенсировать эти практические трудности и обусловленные ими этические неопределенности.

Согласно А. А. Гусейнову прикладная этика – это «область знания и поведения, предметом которой являются практические моральные проблемы, имеющие пограничный и открытый характер». Открытые, «так как имеют форму дилеммы, каждое из взаимоисключающих решений которой поддается моральной аргументации» [3, с. 155]. А. А. Гусейнов называет признаки этико-прикладных проблем: 1) «они возникают в публичных сферах жизни, предполагающих и требующих кодифицированного (юридического, административного, профессионального) регулирования и контроля,

в зонах институционального поведения, где поступки по определению имеют осознанный и общественно вменяемый характер»; 2) для решения этих проблем «требуется профессиональная строгость суждений»; 3) «по вопросу их нравственной квалификации среди специалистов и в общественном мнении господствуют противоположные по существу, но соразмерные по удельному весу и общественному статусу позиции»; 4) «они являются открытыми не потому, что не найдено логически безупречного обоснования, а потому, что не имеют его, они всегда единичны и требуют каждый раз частных, одноразовых решений»; 5) способ принятия решений «является публичным, процессуально оформленным, чаще всего он осуществляется через особые этические комитеты» [7, с. 156]).

Эта линия развития прикладного этического знания тесно связана с процессами демократизации и гуманизации общества. Отвечая на актуальные запросы, сделав разнообразную реальную моральную практику главным предметом своего изучения, прикладная этика, по словам А. А. Гусейнова, очень скоро превращается в «одну из самых активных точек роста этических знаний и накопления морального опыта» [3, с. 156]. Этические аспекты различных общественно значимых проблем исследуются сегодня в рамках разнообразных специализированных областей прикладной этики, таких как биомедицинская этика, экологическая этика, политическая этика, религиозная этика, гендерная этика, военная этика и др.

Прикладная этика становится важным инструментом поиска ответов на сложные вопросы современности. С ее помощью решаются задачи реализации «прав человека в сферах, где это прежде было невозможно», принимаются «моральные решения по проблемам, которые прежде рассматривались как нерешаемые» [3, с. 157]. Речь идет о тех сферах, где существуют угроза жизни человеку (человечеству), опасность ущемления его неотъемлемых прав и интересов [4]. Это прежде всего сфера биологического и медицинского эксперимента, вопросы войны и мира и др.

Еще одна линия развития этического дискурса базируется на идее инструментальной реализации социальных целей, связывает прикладную этику с *организационной этикой* (Н. Васильевне). Прикладное этическое знание технологизируется, включается в систему

социального управления. Данный подход получил свое развитие в деловой среде, в рамках прагматического, утилитарного, функционального дискурса деловой этики. Главная задача прикладной этики здесь – *активное созидание должных ценностей*, выработка методологически обоснованных инструментов для внедрения конкретизированных моральных ценностей в практику деятельности конкретных организаций. Цель – уход от морализаторства, этического нигилизма, *создание таких условий* для индивида, когда он сам поступает в соответствии с требованиями организационной культуры. Реализация этических ценностей, правил и норм на уровне организационных процессов, а также их координация, мониторинг, экспертиза, оценка (аудит) и соответственная коррекция обеспечивают действенность ценностей в жизни организации. Этот подход принципиально меняет методологию работы по управлению ценностями, поскольку *акцент переносится с индивида на организацию*. Ответственность за этическую практику в этом случае становится *«корпоративной ответственностью организации»*.

Организация «создает обстоятельства, мотивирующие людей поступать этично (ответственно, интегрально, принципиально)», подчеркивает Н. Васильевне [5, с. 84]. Такой подход, полагает исследователь, позволяет, во-первых, соединить *процессы операционализации* гуманистических целей (разработки нормативов должного поведения) и их *институционализации с процессами создания условий* для продвижения должного поведения. Он снимает жесткость противоречия между «сущим» и «должным» за счет принятия организационных мер, стимулирующих должное поведение.

Во-вторых, такой подход позволяет говорить об *управлении этикой* как о *гуманитарной технологии принятия эффективных решений*, способствующих достижению *стратегических целей* организации, целенаправленному созданию ресурсов для решения комплекса гуманитарных системных задач по организационному обеспечению социально ответственной деятельности, консолидации участников заинтересованных сообществ, а также мотивации сотрудников на достижение должного. Обеспечение реализации

этических ценностей, правил и норм «на уровне организационных процессов, их координации, мониторинга, экспертизы, оценки (аудита) и соответственной коррекции» дает возможность сделать ценности «действительно функциональными в практической профессиональной деятельности» [6, с. 82]. Только целенаправленная институционализация этики и управление этикой в организации оказываются в состоянии охватить весь комплекс операций по «продвижению нравственных ценностей в конкретную профессиональную деятельность, на каждое рабочее место» [Там же, с. 89].

В-третьих, такой подход позволяет рассматривать управление нравственными ценностями как элемент управления человеческими ресурсами. За этим стоит задача выявления, формирования и культивирования таких этических принципов и ценностей, которые соответствуют миссии компании и *разделяются сотрудниками, реализующими выбранные предприятием стратегии*. В этом смысле процесс управления ценностными установками ориентирован как на внешнюю, так и на внутреннюю среду организации, поскольку деятельность организаций направлена не только на выполнение рабочих функций внутри своей структуры, но также определяется взаимодействиями с заинтересованными лицами. Использование общих ценностей в политике управления организацией, в кадровой политике способствует интеграции всех категорий работников на основе приверженности стратегии, правилам и этическим нормам компании.

Многочисленные центры прикладной этики в прибалтийских странах, США, Канаде, Германии, Польше, Финляндии, Японии [7] занимаются сегодня разработкой конкретного инструментария (стандарты, нормы, правила поведения, кейсы) для этического тренинга сотрудников компании, для работы с так называемыми «стейкхолдерами» (заинтересованными в результатах деятельности компании сторонами), организуют публичные дискуссии, обсуждают вопросы этики организации, социальной ответственности бизнеса, а также конкретные задачи формирования партнерских отношений, ответственности и доверия. В рамках деятельности, к примеру, «The Carol and Lawrence Ziklin Center for business ethics research»

(Warton School, Philadelphia) последние десять лет активно разрабатываются темы «устойчивости» и «добросовестности» в аспекте социально-ответственной деятельности бизнеса (проект «Initiative for Global environmental leadership»). Решаются задачи институционализации и инструментализации этического содержания в профессиональной деятельности, в общении людей. Этика в этом случае оказывается дополнением к другим регуляторам социального поведения, нехватка которых в нынешних условиях делает этику существенной их опорой или заменой.

Это направление имеет свой реальный (или виртуальный) этос, конкретных носителей и одновременно заказчиков: профессиональные сообщества (депутаты, государственные служащие, менеджеры), общественные организации, предприятия, корпорации, образовательные учреждения, ставящие по отношению к работникам задачу нормативной идентификации, закрепления и продвижения своего имени/бренда, создания «этических кодексов». Зачастую подобные кодексы имеют характер служебного устава, административного регламента и к этике отношения не имеют; зачастую представляют соединение профессиональной и корпоративной составляющих; в редких случаях соединяют профессиональное и этическое (В. И. Бакштановский, М. Богданова, Ю. В. Согомонов). Создание работающего, эффективного кодекса предстает сложной поисковой задачей.

Еще один подход к пониманию прикладной этики базируется на представлении о том, что этическое знание «в своей практической исторически уже развилось до миссии и функции собственно этико-прикладного знания» (его авторы – В. И. Бакштановский, Ю. В. Согомонов [8]). *Прикладная этика здесь понимается как «проектно-ориентированная этика»*, она базируется на фронетических технологиях, обеспечивающих смыслотворческое взаимодействие двух сторон прикладной этики – конкретной *моральной практики*, сложившейся в так называемых «малых системах», т. е. сферах конкретизации общественной морали (сфера бизнеса, медицинская, педагогическая, юридическая и др.), и *этического знания*. Этическое знание есть теоретический результат исследования конкретных моральных практик и включает в себя, по мнению

авторов данного подхода, рациональный анализ ситуаций морального выбора, этическое проектирование, этическое моделирование, этическую экспертизу, консультирование и др.

Прикладная этика в таком понимании решает проективные задачи, разрабатывая теоретические модели морали конкретных нормативно-ценностных подсистем. С другой стороны, по мнению авторов данного подхода, она решает задачи технологические, конструктивные, т. е. задачи «этического проектирования и этического моделирования инфраструктуры нормативно-ценностных подсистем, разработки технологий связи этического знания с моральной практикой, проектирования целевых и инструментальных блоков социально-управленческих программ (например, кодексов и конвенций), институций экспертизы, принятия и исполнения решений (этических офисов фирм, этических комиссий, ассоциаций и т. д.) и т. п.» [8, с. 37]. В результате формируется специфическая система знаний, дающая понимание, с одной стороны, особенностей и социального смысла подсистемы, социокультурных условий ее существования, а с другой – спектра этических идей, необходимых для уяснения моральных проблем подсистемы и обоснования разрабатываемых конкретизированных норм и запретов [8].

Эти процессы требуют развития социально-гуманитарной экспертной деятельности как специфической формы социальной практики и социального аудита. Социально-гуманитарная экспертиза невозможна без развития гражданского самосознания и социальной ответственности, без признания многообразия систем ценностей, норм, стандартов, правил. Она требует четко выраженной гражданской позиции, привлечения широкой общественности к участию в оценке реализуемых различными социальными субъектами проектов. В процессе коммуникации между заинтересованными сторонами, в ходе общественного обсуждения и согласования позиций создаются оптимальные стратегии, укрепляются «гражданские добродетели», формируются «новый этос гражданского общества» (В. И. Бакштановский, Ю. В. Согомонов [9]), экспертное мышление. Социально-гуманитарная экспертиза способна решать задачи анализа и оценки конкретных ситуаций, существующих, например, в региональных локусах, анализа ценностных приоритетов

территории, транслируемых в ходе реализации региональных практик. Общество заинтересовано в оценке стратегий развития, в оценке гуманитарных последствий реализации проектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду или качество жизни человека, а также в организации публичного обсуждения такого рода проектов, в выстраивании системы коммуникаций с целью согласования интересов участвующих сторон.

Участвуя в разработке технологий решения проблем и выстраивания схем коммуникации, эксперты решают задачи не только диагностические, но и технологические. Практический этический дискурс здесь встраивается в коммуникативное действие, общение и взаимодействие людей, конституируя социальную реальность. В этом процессе формируются гражданское самосознание, гражданская позиция, общественное мнение.

Разные каналы связи этики и практики таким образом формируют различающиеся системы знаний, конкретизируют и верифицируют наличные этические теории и концепты, проясняют границы их применимости, создают новое знание о морали.

Как видим, практико-ориентированное этическое знание применяется не только для решения задач ситуационного анализа или обсуждения «открытых» проблем. По сути, происходит не просто расширение горизонта этического знания, этических исследований, круга решаемых проблем, но *трансформируется само смыслотворческое поле этического*. Прикладное этическое содержание актуализируется появлением новых общественных практик для анализа и решения возникающих в рамках этих практик моральных проблем, требующих принципиального изменения подходов, выработки новой методологии, которая совмещает экспертное философское видение и включенность в повседневные практики.

Современный этический дискурс приобрел или приобретает неожиданное разнообразие, имеет разные уровни и направления развития. Сохраняет и даже усиливает свою значимость рефлексия по отношению к традициям «большой» философской, метафизической этики, несмотря на ее констатируемую нефункциональность в новых обстоятельствах. Ее ресурс остается великим как в отношении принципов, так и жанров (философский афоризм,

исповедь, автобиография, мемуары), что подтверждает их нынешняя популярность. При этом возникает вопрос о ее большей фундированности, т. е. о разработке онтологии и антропологии морали в форме специализированных отраслей в аспекте истории морали (нравственности), истории и теории этоса, что вскрывает историко-культурный горизонт разнообразия морально-этического.

Произошло первичное выделение предметных новообразований в рамках прикладной этики, имеющих свою именную маркировку: экономическая или бизнес-этика, техноэтика, экологическая этика, биомедицинская этика. Этот ряд продолжает собственная внутренняя дифференциация: в техноэтике начинают просматриваться информационная этика как реакция на рост информационно-технологической сферы, энергетическая или ядерная этика, имеющие пересечения с экологической этикой; в биомедицинской этике конституируются этики здоровья, репродуктивного, танатологическая этика. Все очевиднее сплетение этических сюжетов и дилемм внутри и вокруг Internet-пространства. Названные «предметно-этические разновидности» возникают не по причине «языковой игры», а на основе соответствующих практик с их усложняющимся технологическим обеспечением, неопределенностями и рисками. Теоретические дискурсы, исходящие от конкретных наук, в экспликации новообразований прикладной этики, конечно, существенны, но играют вторичную роль.

Можно сказать, что в этом становлении первичен этос как онтологическая инстанция по отношению к этике и в том значении, которое в нем усмотрел Пифагор, говоря об устойчивом нравственном характере, и особенно Эмпедокл, видя в нем некую динамически направляющую величину. Это очень важно для понимания становления дискурсивности прикладной этики, потому ее тематизация начинает слышаться на уровне массового и специализированного сознания, проникая в СМИ, социальные сети, создавая общественную атмосферу проблемности и дискуссионности. Подобное состояние того или иного морально напрягшегося сообщества предстает как «озабоченность» (по Хайдеггеру) и может показаться внешним. Но уже следом идет аналитико-теоретичес-

кая реакция со стороны прагматических наук, обеспечивая задачу тематизации и экспертизы обозначившейся проблемы, ее решений. И это предмет внутреннего сущностного проникновения, подвластный науке.

Этический дискурс (или зачастую протодискурс) в содержании прагматических наук идет как нарастающий процесс. Он имеет разную степень зрелости в науках этого строя в зависимости от их теоретической оснащенности. Лидером среди них является экономика в силу более ранней институционализации. Развитие экономической теории от А. Смита до П. Самуэльсона, сложение теории коллективного общественного выбора, их формально-математическое обеспечение со стороны теории игр и теории принятия решений вывели в результате экономическое знание из объективистской/позитивистской парадигмы в ценностно-этическое измерение. Вопрос об отношении экономики и этики, оставшись дискуссионным, приобрел новый вектор (М. Блауг, Г. Корационари, Д. Мюллер, А. Сен), стал для экономики внутренним. В контексте той же теории коллективного выбора этот вопрос стоит перед политологией, где принципы свободы, справедливости, равенства не могут быть предъявлены и эффективно реализованы без имманентных этических оснований (Г. Алмонд, А. Янг). В означенном направлении имманентного прочтения через призму этики проблемного содержания своих отраслей знания и деятельности можно проследить развитие/становление техно- и информационной (Т. Байнэм, К. Горниак-Косиковская, Х. Ленк), экологической (О. Кинне, Х. Ролстон III), биомедицинской (Д. Ирвинг, В. Розин, Ц. Стронг) этики.

Однако вопрос о природе прикладной этики, несмотря на уже полувековую традицию западных и российских исследований, не получил своего завершения. Дискуссии продолжаются.

Библиографические ссылки

1. Апресян Р. Г. Философия морали и прикладная этика // iph.ras.ru : [портал]. Философская этика: ее перспективы в современном мире. URL: http://iph.ras.ru/uplfile/ethics/seminar/Apressyan_15_12_2010.html (дата обращения: 25.07.2019).

2. *Апресян Р. Г.* Вид на профессиональную этику // Вестник / Науч.-исслед. ин-т приклад. этики. Вып. 25 : Профессиональная этика / под ред. В. И. Бакштановского, Н. Н. Карнаухова. Тюмень : НИИПЭ, 2004. С. 160–181.
3. *Гусейнов А. А.* Размышления о прикладной этике // Там же. С. 148–159.
4. *Коновалова Л. В.* Прикладная этика (по материалам западной литературы). Вып. 1 : Биоэтика и экоэтика. М. : ИФРАН, 1998.
5. *Васильевне Н.* Внедрение этических ценностей переносится с индивида на организацию // Вестник / Науч.-исслед. ин-т приклад. этики. Вып. 35 : Парадигмы прикладной этики / под ред. В. И. Бакштановского, Н. Н. Карнаухова. Тюмень : НИИПЭ, 2009. С. 83–90.
6. *Васильевне Н.* Этика организации: институционализация ценностей в деловую жизнь // Там же. Вып. 32, специальный : Прикладная этика: «КПД практичности» / под ред. В. И. Бакштановского, Н. Н. Карнаухова. Тюмень : НИИПЭ, 2008. С. 82–108.
7. *Цепелева Н. П.* Прикладная этика как «точка роста» этического знания // Этика в современной философско-культурологической перспективе : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международ. участием (Екатеринбург, УрФУ, 25 апр. 2015 г.) / отв. ред. Н. П. Цепелева. Екатеринбург : УрФУ, 2015. С. 90–97.
8. *Бакиштановский В. И., Согомонов Ю. В.* Прикладная этика: идея, основания, способ существования // Вестн. философии. 2007. № 9.
9. *Бакиштановский В. И., Согомонов Ю. В.* Гражданское общество: новая этика. Тюмень : НИИПЭ ТюмГНГУ, 2003.

Контрольные вопросы и задания

1. В чем специфика современного состояния развития этической науки?
2. Какова определяющая дилемма современного этического дискурса?
3. Выделите и оцените сложившиеся трактовки существа прикладной этики.
4. Раскройте многообразие, линии развертывания дискурса прикладной этики в связи с развитием а) наук и б) форм практики.
5. В чем сложность вопроса о природе прикладной этики?

1.4. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ОСНОВАНИЙ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ

Теоретическая этика. Прикладная этика. Нравственное законодательство. Нравственный кризис. Антропологические основания этик. Субъект. Эссенциализм. Неэссенциализм.

Одним из важнейших вопросов прикладной этики остается вопрос о ее концептуальных основаниях, о самой возможности утверждать и разрабатывать именно концептуальные основания прикладной этики, о соотношении этих оснований с практической применимостью этических конструкций. В ряде подходов к решению данной проблемы прикладная этика прямо противопоставляется философской этике (на этом основаны, например, подход и разработки профессора В. И. Бакштановского, в практическом отношении сделавшего чрезвычайно много для актуализации этической составляющей высшего образования).

При другом подходе к проблеме *прикладной* аспект этики мыслится как «приложение» традиционных норм и ценностей (традиционных, как правило, для новоевропейской культуры) к решению широкого спектра социальных, политических, профессиональных и тому подобных проблем. «Приложение» шкалы ценностей в духе категорического императива И. Канта или тем более Библейских заповедей приводит к печальным выводам либо о неисполняемости нравственного законодательства в принципе, либо о неэффективности традиционной нормативной этики в прагматически ориентированных сферах деятельности, а таковыми становятся почти все социальные практики, включая систему образования и здравоохранения.

Первая позиция своим продолжением имеет либо тотальное осуждение мира с позиции нравственной гордыни – констатация тотального развращения нравов, системного кризиса, либо нравственный нигилизм – отрицание самого смысла и необходимости нравственного законодательства. Но именно это (скрытое или явное) отрицание актуальности традиционного нравственного законодательства в сферах социальной прагматики является основанием

для превращения прикладной этики в самодостаточную и независимую от нормативной этики дисциплину. У сторонников подобного подхода само отрицание превращается в разработку ненормативных или хотя бы вариативных этик, оправдание которых — в эффективности, прагматичности и т. д. В этом случае прикладную этику возможно осмыслить как вариант своеобразной «конструктивной проработки» нравственного нигилизма, как сознательное или бессознательное стремление низлагать и опровергать традиционные нормы нравственной жизни посредством создания множественности и вариативности прикладных этик. Нигилистическое отношение к традиционной нормативной этике в основаниях прикладной этики свидетельствует о том, что превращать прикладную этику в самостоятельную дисциплину, конечно, можно и нужно, но по происхождению своему она не может мыслиться как первичная и базовая. Она либо не имеет оснований в самой себе, либо изначально мыслится как безосновная.

Своим единственным критерием такая прикладная этика полагает эффективность и пользу. Как в данном случае решается вопрос об эффективности и пользе? Исторически этика прагматизма достаточно вариативна. Чем измерять пользу человека, насколько правомерно сведение критерия пользы к ситуационной (экономической, социальной, индивидуальной) полезности? Если мы все-таки подразумеваем необходимость специфически этического регулирования наряду с правовым, то само это допущение уже свидетельствует о том, что человек не сводится к «социальному животному», т. е. к физической и социальной телесности, а является существом, обладающим сознанием и волей, что в традиционной антропологии именовалось душой.

В стремлении к конструктивной, нравственно-эффективной проработке прикладных проблем обнаруживаются тенденции и интенции признания традиционных нравственных ценностей. Так, например, в Этическом кодексе Тюменского нефтегазового университета на уровне обязательной нормы зафиксирована уникальность университетской среды, статус преподавания как особой в нравственном отношении профессии, недопустимость повы-

шения (понижения) итоговой экзаменационной оценки по любым соображениям, кроме самой процедуры оценивания знаний. Оценка, на которую не может повлиять ничего, кроме самих знаний (разговоры об уважительных по семейным обстоятельствам пропусках, о длительной болезни, спортивных сборах, о грядущем красном дипломе и т. д.), еще не формирует тотальной честности и ответственности, но учит делать маленькие существенные шаги к исполнению девятой заповеди Декалога. Очевидно, что здесь невозможно не напомнить вечную истину: «Дорогу осилит идущий».

Возможно предположить, что решение этических проблем локального характера не сводится к сужению самого поля этической проблематики, не раздробляет (лучше сказать «не расхищает») этику как учение о морали на совокупность тех или иных профессиональных этик, мало связанных между собой и еще менее связанных с идеей о всеобщем нравственном законодательстве. Локальные практики вполне могут (должны) служить формированию «этического измерения» любой социальной или профессиональной проблемы, созданию своеобразной «этикометрии» любой деятельности.

Мы уже обратили внимание на то, что конституирование той или иной локальной нормы, создание той или иной локальной «этической среды обитания» при применении философского, культурологического, религиоведческого анализа все-таки обнаруживает в качестве своих предельных оснований те или иные мировоззренческие установки, базовые ценности культуры. Так, например, пафос профессии как *служения*, само активное использование этого понятия в Этическом кодексе Тюменского нефтегазового университета очевидно отсылает к духовным основаниям русской культуры и затруднителен для перевода на латинствующие языки, более проникнутые духом юридических конструкций.

Поставив рядом слова *служение* и *рейтинг*, можно вполне проводить диагностику на предмет соответствия или несоответствия устремлений человека базовым ценностям русской культуры или даже обнаружить скрытые устремления ее разрушить.

Предельные основания в любых локальных этических практиках обнаруживаются уже хотя бы потому, что слова и понятия, без которых они немыслимы, несут в себе ценностное содержание, традицию своего аутентичного или неаутентичного употребления. В этом смысле неадекватность той или иной практики, использующей в качестве своих базовых ориентиров слова с положительным ценностным содержанием, может быть раскрыта путем обнаружения неадекватного (исходному значению, традиции) употребления слов, т. е. подмены понятий.

Для подтверждения взаимосвязи любой локальной этической практики с базовыми ценностями культуры обратим внимание на то, что практики проводимых мастер-классов по этическому консалтингу свидетельствуют о том, что европейцы не принимают американскую юридическую практику формирования и применения этического кодекса, где этическое выступает как жестко-однозначное регулирование внешней стороны деятельности, формы общения и т. п. Этическое здесь – как юридически-этикетное, без всяких отсылок к нравственному содержанию. Европейцы, при всех современных трансформациях культурного самосознания, в реальной практике обнаруживают тяготение к «нравственному нарративу», экзистенциальному самосознанию. Этика в данном случае опускается до примитивного этоса, абсолютно безразличного нравственному содержанию, культуре и традиции. То, что безразлично культуре и традиции, совершенно очевидно способствует ее разрушению, даже если и преследует цель сохранения локальной общности. Выживание локальной общности в этом случае сопоставимо с выживанием первобытного племени и может оказывать негативное влияние на социум в целом. Примеров тому в современных практиках, к сожалению, достаточно.

Образцом философской нормативной этики остается этика И. Канта. Это факт не только истории философии, но и самосознания культуры. Многие другие выдающиеся произведения и этические программы («Оправдание добра» В. С. Соловьева, «Этика благоговения перед жизнью» М. Швейцера) читаются и осознаются «на фоне» кантовских построений. Уникальной является не столько

«Критика практического разума» сама по себе, сколько концентрация идей новоевропейского мировоззрения и начало их критического переосмысления в творчестве И. Канта. Для представителей классически понятой философской этики важна идея всеобщности нравственного закона. Именно к этой парадигме сводится позиция сторонников прикладной этики, мыслящих эту дисциплину как «приложение» всеобщего к частному.

Одновременно в кантовском учении идея всеобщности нравственного закона соединяется с идеей о том, что практический разум выше теоретического, соответственно нравственный закон существует и возможен только как способность его исполнять. И уже в этом смысле неокантианцами можно считать не только представителей Марбургской и Баденской школ, создавших еще один ряд теоретических разработок, но и всех представителей прикладной этики, отвечающих на вызовы повседневности созданием этических программ, воплощаемых в конкретные практики.

Однако у самого И. Канта способность исполнять нравственный закон – это способность действовать в соответствии с *идеей* чистого добра. В этом отношении прикладной этике становится ближе создатель последней великой версии философского идеализма Гегель, утверждавший, что нравственность состоит в следовании нормам и обычаям своего народа. Человеку сподручнее следовать обычаю, хотя при этом еще и окажется, что он участвует в объективации духа, но действовать в соответствии с чистой идеей почти невозможно, а кроме того, вряд ли радостно жить рядом с такими людьми.

Этим кратким напоминанием историко-философских истин мы попытались указать на то, что этика И. Канта остается теоретической конструкцией, в ней не реализовано его собственное стремление возвысить практический разум над теоретическим. В построениях самого И. Канта это стремление имеет критическое происхождение и критическую направленность, его этика эффективна как критический инструмент разоблачения видимости добра, социальных масок и манипуляций идеями добра. Попытка ее позитивного применения приводит к тупикам невыполнимости и не-

исполняемости нравственного законодательства. Но в применении к практике невозможность исполнять кантовские предписания становится утешительной, мало кому захочется жить среди людей, которые «исполняют долг с отвращением».

Означает ли кризис нравственного законодательства в духе философской этики И. Канта тотальный кризис нравственности вообще и является ли единственной альтернативой этому кризису утверждение полного плюрализма этических (далеко не всегда нравственных) практик? На наш взгляд, эта проблема решается только в результате актуализации антропологических оснований как кантовской этики, так и всех других этических построений.

Кантовская философия остается исключительно в рамках новоевропейской парадигмы, постулирующей идею автономного субъекта. Именно эта идея является предельным основанием, обеспечивающим возможность всех его «Критик». Редукционистский характер идеи автономного субъекта, самого понимания человека как субъекта аргументированно представлен М. Хайдеггером в критическом рассмотрении философии Р. Декарта.

Произведение М. Хайдеггера «Европейский нигилизм» можно считать образцом историко-философского и онтологического анализа негативных предельных оснований позиции, утверждающей человека как субъекта. Примечательно, что основания нигилизма автор находит не в учениях Ф. Ницше или А. Шопенгауэра, а в учении Р. Декарта, что еще раз подтверждает неизбежность кризиса гуманизма, программа кризиса заложена в самих его основаниях [1].

Еще раз подчеркнем, что понимание человека как субъекта (при строго аутентичном понимании термина и его греческого происхождения определение «автономный» – излишний плеоназм) становится предельной теоретической конструкцией, именно *идеей-образцом* всех построений новоевропейской философии, самого мировоззрения и основанных на нем социальных практик. Соответственно вся философская новоевропейская этика построена на этой парадигме, в кантовской этике эта идея выражена прямо и прежде всего в принципе автономии морали.

Если в религиозной этике основанием всеобщности нравственного порядка является принцип обратимости бытия и блага, то всеобщность нравственного закона, по Канту, становится безосновной. При таком понимании крайности сходятся. Если идея всеобщности нравственного закона основана на нигилистической по своему происхождению идее человека как субъекта, то ее оборотной стороной будет признание произвольности или хотя бы конвенциональности этических норм, соответственно плюрализма этических практик (третий подход).

Аргументы М. Хайдеггера примечательны еще и как чисто западная по происхождению составляющая широкого и разнородного по происхождению круга взглядов и учений, утверждающих, что понимание человека как автономного субъекта (полагание в самом себе основания всех своих действий) не только противоречит фундаментальной онтологии, но и не на пользу самому человеку.

Библиографические ссылки

1. *Хайдеггер М.* Европейский нигилизм / пер. В. Биbihина // Хайдеггер М. Проблема человека в западной философии : переводы / сост. и послесл. П. С. Гуревича ; общ. ред. Ю. Н. Попова. М. : Прогресс, 1988. С. 229–261.

Контрольные вопросы и задания

1. Прикладная этика имеет «предельные основания» или она всегда безосновна? Обоснуйте ответ.

2. Сформулируйте противоречие между практическими установками и теоретическим содержанием этики И. Канта.

3. На какой основной идее новоевропейской философии построена вся теоретическая и прикладная этика в новоевропейской культуре? В чем значение хайдеггеровской критики этой идеи?

4. Укажите на возможные связи прикладной этики с традиционными ценностями культуры. Приведите примеры (в том числе самостоятельные) культурологической обоснованности той или иной нормы прикладной этики.

1.5. СОЦИОЛОГИЯ МОРАЛИ

КАК ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПРИКЛАДНОГО ЭТИЧЕСКОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Социология морали. Прикладное этическое проектирование. Социально-гуманитарное познание. Антропологический поворот. Развитие общества. Философия и наука. Научный метод. Методы социальной диагностики. Качественная и количественная стратегии сбора, обработки и анализа данных.

1.5.1. Социология морали

Место социологии морали в структуре социально-гуманитарного знания. Социология морали – весьма необычная отрасль знания. С одной стороны, ее возникновение связано с исследованиями ряда весьма известных зарубежных и отечественных авторов еще столетней давности. Это работы Дж. С. Милля, Г. Зиммеля, А. Росса, Э. Дюркгейма, М. Вебера, Л. И. Петражицкого, П. И. Новгородцева, П. А. Сорокина. Причем социология морали разрабатывалась как одна из ключевых проблемных областей социологического знания. С концептуализацией морали, моральных норм, нравственных отношений связаны определение морального и уже, как следствие, социального факта Э. Дюркгеймом, его же концепция общественной солидарности, введенные им понятия аномии и девиантного поведения [1]. В этом же ряду стоит разработанная М. Вебером концепция социального действия и его «понимающая» социология в целом [2], а также предложенная П. А. Сорокиным концепция социальных норм и, шире, социального взаимодействия [3]. Названные наработки относятся к началу XX в., с тех пор проблемы социологии морали не переставали обсуждаться. Тем не менее среди огромного количества отечественных учебников и учебных пособий по отраслевым социологическим дисциплинам работ по социологии морали практически нет.

Более того, современные авторы констатируют, с одной стороны, безусловную актуальность изучаемых социологией морали проблем, которые в последние десятилетия становятся еще более

острыми, чем прежде, а с другой – кризисное состояние данной отрасли знания, усугубляющееся ее институциональной неопределенностью. Так, Т. Ю. Кирилина отмечает в одной из своих статей: «Социология морали – специфическая отрасль науки, которая находится на стыке социологии и этики. С последней ее связывает объект изучения – мораль». Это отраслевая социологическая дисциплина. Поэтому, в отличие от собственно этики, она изучает механизмы реального функционирования морали в обществе: как проявляются нравственные законы в социуме, согласны ли граждане исполнять нравственные предписания [4, с. 23], какого рода моральные нормы характерны для того или иного сообщества людей, как они функционируют и развиваются в рамках определенных культурно-исторических обстоятельств. Если этика говорит о должном, то социология морали делает акцент на действительном, формулируя собственные выводы с опорой на эмпирические данные (факты).

Как отраслевая социологическая дисциплина, социология морали взаимодействует, с одной стороны, с уровнем общих социологических теорий, а с другой – с рядом расположенными социологическими дисциплинами («теориями среднего уровня», если использовать терминологию Р. Мертона), среди которых стоит упомянуть социологию управления, социологию организации, социологию семьи, гендерную социологию, этносоциологию, социологию молодежи, социологию культуры и проч. Причем особенность ее положения заключается в том, что мораль, как отмечает Т. Ю. Кирилина, «оказалась самой “неуловимой” формой социальной практики, наиболее трудно поддающейся изучению эмпирическими методами исследования. Ее слитность, нераздельность с самыми разными общественными явлениями, ее “растворимость” в них явились причиной многих трудностей, которые сопровождали социологию морали с самого начала ее развития» [Там же, с. 17]. В нашей же стране это усугублялось еще и драматичной участью этики и социологии в истории СССР.

В отличие от других отраслевых социологических дисциплин социология морали изучает неинституционализированные формы проявления общественной жизни, что дает основания скептикам

сомневаться в ее самодостаточности, праве называться самостоятельной социологической дисциплиной (см., например, [5, 6]). Как отмечает профессор Г. С. Батыгин, «о морали легко судить, пока она не становится предметом социологического наблюдения. Опросные методы останавливаются перед моральной проблематикой в недоумении: те состояния сознания, которые можно назвать моральными (совесть, честь, стыд, доброе и злое намерения, самоотверженность, подлость, зависть, злоба), скрыты от самого сознания почти непроницаемым экраном защитных механизмов (рационализацией, трансфером, вытеснением, проекцией, замещением)» [7, с. 118].

Мораль является неотделимой частью общественного и индивидуального сознания. «Однако эта неотделимость, – утверждает Т. Ю. Кирилина, ссылаясь при этом на В. М. Соколова (Социология нравственного развития личности. М., 1986), – не означает, что данная часть не может рассматриваться как самостоятельный феномен. Моральное сознание... обладает известной самостоятельностью по отношению к общественному бытию и нравственной практике и может быть самостоятельным объектом исследования» [Там же]. Т. Ю. Кирилина полагает, что особенности морали как предмета изучения усложняют, но не исключают возможности их эмпирического исследования, а значит, использования фактических данных для построения соответствующих теоретических обобщений. И с этим, по-видимому, есть все основания согласиться.

Итак, социология морали, опираясь на этическое понимание изучаемых ею проблем, в центр своего внимания ставит исследование взаимосвязи морали как с системой общественных отношений в целом, так и с ее отдельными компонентами в частности [4, с. 21]. Сторонники социологии морали, отстаивающие ее право на существование в качестве отраслевой социологической дисциплины, указывают на то, что у нее есть свой собственный предмет, актуальность изучения которого оправдывает ее притязания на статус самостоятельной отрасли знания.

Предмет социологии морали. Социология морали – дисциплина, которая изучает реальное функционирование морали в обществе, что предполагает рассмотрение, с одной стороны, человечес-

кого сознания и лежащих в его основе нравственных ценностей, моральных норм, а с другой – наблюдаемых в конкретном социокультурном контексте нравственных отношений. Ее интересует как «внутреннее» (плоскость индивидуального сознания), так и внешнее (плоскость общественных отношений) проявление морали в жизни общества. Она изучает систему целеполагания, доминирующие в обществе типы личности, стандарты поведения, одобряемые и порицаемые модели взаимодействия людей, их отношение к традиционным ценностям и устоям, склонность следовать им и готовность создавать новые образцы. В центре ее внимания лежат проблемы общественной солидарности, конкретные механизмы ее поддержания в определенных сообществах людей, угрозы общественному доверию, векторы развития морали и нравственные недуги современного общества.

В Российской социологической энциклопедии констатируется: «Наметилась тенденция рассмотрения социологии морали как области знания, которая, с одной стороны, может выступать эмпирической основой этики, а с другой – обеспечивает соединение этической теории с процессом совершенствования моральной практики. Рассматривая реальное функционирование морали в бытии различных социальных субъектов – общества в целом, социальных групп, личностей, социология морали выявляет специфику каждого из этих уровней. В центре ее внимания оказываются: 1) особенности функционирования морали как необходимого системного элемента единой социокультурной системы, социологические аспекты взаимодействия морали с другими видами социальной регуляции поведения людей; 2) особенности функционирования морали в конкретных социальных группах (семья, трудовой коллектив и т. п.), в частности, под углом зрения этических проблем социализации; 3) особенности функционирования морали на уровне отдельного индивида, проявляющиеся в степени соответствия реального поведения и моральных норм, принятых в обществе» [8, с. 137].

Предметом эмпирического анализа, являющегося основой социологического исследования морали, могут выступать особенности нравственных отношений отдельных социально-демографических

и профессиональных групп; этические проблемы социализации, социальная эффективность действия морали (например, «проблема отцов и детей»); различные формы проявления аномии общества, в том числе и формы девиантного поведения, особенности формирования нравственного сознания на индивидуальном уровне [7, с. 118]. Как система знания социология морали опирается на изучение фактов реального проявления морали в обществе. При этом ее теоретические обобщения связываются воедино на базе фундаментальных принципов, объясняющих особенности функционирования морали как в обществе в целом, так и в отдельных социальных группах [Там же, с. 120].

Функции социологии морали. Функции социологии морали делятся на а) теоретико-методологические и б) прикладные. Первая группа функций отвечает за эмпирическое и методологическое обеспечение современных исследований в области прикладной этики, общей социологии и ряда других областей знания. Вторая группа функций связана с формированием знания об уровне нравственности общества, о реальном функционировании морали, о характере нравственных отношений, что позволяет принимать нравственно выверенные решения. Эффективное воздействие на нравственную обстановку в обществе возможно только в том случае, если достаточно глубоко исследованы способы сохранения нравственных ценностей, механизмы формирования морального сознания и закономерности развития морали в обществе. И в большинстве общероссийских социологических исследований последних десятилетий многие вопросы касаются именно морали и нравственности, т. е. спрос на развитие этой отрасли знания, безусловно, есть [4, с. 24]. Актуальность развития социологии морали как академической дисциплины объясняется также тем, что научный анализ социального феномена морали выступает предпосылкой выработки социальной политики, ориентированной на человека. Чрезвычайно актуальным становится мониторинг процессов, происходящих в нравственной системе общества, поэтому необходимо проследивать динамику ценностных ориентаций в различных социальных группах. Более того, любой социальный проект, связанный с развитием нравственных ценностей и ценностного сознания как тако-

вого с необходимостью требует проведения грамотной социальной диагностики с использованием теоретико-методологических разработок в области социологии морали.

1.5.2. Особенности применения социально-гуманитарного знания в прикладном этическом проектировании

Прикладное этическое проектирование: понятие и основные признаки. В научной литературе весьма дискуссионным является вопрос о том, считать ли прикладную этику разделом философии, социально-гуманитарной дисциплиной на стыке философии и науки или конкретной наукой. Еще большую неопределенность этот вопрос приобретает при обращении к прикладному этическому проектированию, поскольку академическая система координат в этом случае соотносится с внеакадемическими сферами деятельности. Прикладные этические проекты нередко реализуются безотносительно к академическим дискуссиям, не направлены на создание новых теоретических знаний. И хотя на первый взгляд практико-ориентированный и академический компоненты деятельности прикладного этика теснейшим образом связаны (вплоть до неразличимости), неспособность отделить одно от другого в рамках теоретического обсуждения соответствующих вопросов рождает серьезные противоречия, что нередко мешает конструктивной работе.

В этом отношении необходимо отметить, что прикладная этика как самостоятельная область знания и прикладное этическое проектирование как вид профессиональной деятельности – это разные вещи. Будем исходить из того, что данный вид деятельности является практико-ориентированным и, как будет показано ниже, функционально отличен от академически ориентированных исследований и исследовательских проектов по прикладной этике.

Подобным образом трактуемый процесс прикладного этического проектирования, во-первых, не является строго академическим и, во-вторых, не относится к разновидностям философских исследований. Прикладные этические проекты – это разновидность

социальных проектов, направленных на применение прикладных этических знаний, а также знаний из смежных социально-гуманитарных дисциплин, разного рода социально-гуманитарных технологий и методов для создания определенных социокультурных конструкторов в ходе решения практических задач в жизни современного общества. И даже в том случае когда одним из результатов прикладного этического проектирования служит получение знания о возможностях применения прикладной этики для решения практических задач, подобный результат неизменно является второстепенным. Основная цель социального проектирования – преобразование реальных условий жизнедеятельности людей, будь то ценности, мотивы, потребности, среда осуществления деятельности, нравственный климат, отношения людей.

Как отмечает В. А. Луков, определение социального проекта (а их существует достаточно много) зависит от реализуемой автором концепции социального проектирования. В современной научной литературе и профессиональной деятельности представлены как минимум три такие концепции (или подхода). Это, во-первых, социально-инженерный объектно-ориентированный подход; во-вторых, проблемно-ориентированный подход; в-третьих, ценностно-ориентированный подход, сторонником которого является В. А. Луков. Первые два подхода соответствуют классическим (сформировавшимся за первые две трети XX в.) представлениям о проектной деятельности, тогда как третий приобретает наибольшее распространение в последние десятилетия и относится не столько даже к социальному, сколько к социально-гуманитарному проектированию. Это связано прежде всего с тем, что в научной литературе социальные и гуманитарные дисциплины, а также производные от них виды деятельности более-менее четко разделяли до последней трети XX в. Начиная с этого времени социально-гуманитарное знание переживает ряд методологических «поворотов» (лингвистический, интерпретативный, антропологический и др.), в ходе которых был выработан комплекс идей и принципов, изменивших и современную познавательную ситуацию, и связанные с ней социально-гуманитарные практики, применяемые в самых различных

сферах общественной жизни и имеющие непосредственное отношение к проектной деятельности.

Как представляется, данные теоретико-методологические преобразования имеет смысл трактовать с позиции переосмысления исследовательским сообществом значимости «человеческого фактора» в истолковании социальных явлений, процессов, закономерностей и тенденций. Это дает основание характеризовать происходящие изменения в терминах антропологического поворота в современном социально-гуманитарном познании. Подобный «поворот» подразумевает изменение эпистемологических ориентиров, формирование принципиально новых тематических областей, разработку адекватного им концептуального аппарата, методологических стратегий и методов исследования.

Под новыми эпистемологическими (теоретико-познавательными) ориентирами в данном случае понимаются принципы организации познавательного процесса, связанные с принятием (или, более точно, интериоризацией) постнеклассического идеала рациональности. В частности, это принципы социокультурной обусловленности познания, следовательной, ценностной опосредованности познавательных практик, неотъемлемости субъектной, метатеоретической составляющей в структуре научного знания с вытекающим из этого обстоятельства признанием множественности методологически допустимых точек зрения, подходов, стратегий исследования и моделей интерпретации изучаемого предмета (теоретический и методологический плюрализм).

Другими словами, на смену объективистскому истолкованию знания и познания приходит гуманитарное понимание, ставящее во главу угла человеческое измерение соответствующих феноменов и процессов. И это особенно важно, коль скоро речь идет о методологическом сознании представителей конкретных научных дисциплин (причем не только социально-гуманитарного цикла, хотя в данном случае речь идет именно о нем), а не о философских дискуссиях по поводу научного знания.

Изменение принципов организации познавательного процесса, целей познания, представления о сути познавательного отношения, роли и возможностях субъекта познания с необходимостью

сопровождается переориентацией фокуса научных исследований, формированием новых тематических областей, выявлением целых классов научных проблем, которые прежде были скрыты от научного сообщества, не привлекали внимания исследователей. Внимание в данном случае фокусируется на человеческом сознании, деятельности, формах опредмечивания в культуре личностного самосознания индивида, его способности формировать свое жизненное пространство – мир смыслов, систему замыкающихся на нем связей и отношений, индивидуальных и групповых представлений, практик, навыков, умений и, что особенно важно, способов их связывания, интеграции в виде когнитивно-аксиологического, интеракционного и праксеологического содержания некой субъектно-организованной целостности – жизненного пространства личности, социального пространства группы, общности.

Исследование соответствующих явлений, процессов требует построения адекватного концептуального аппарата, разработки логико-методологических инструментов (начиная с «логических сеток», понятий и категорий и заканчивая конкретными интерпретативными, измерительными, аналитическими процедурами – алгоритмами когнитивного действия).

Когда во главу угла ставят «человеческое измерение» общественной жизни, социальных явлений, процессов, когда человеческое сознание, человеческое существование, деятельность становятся основополагающими критериями рассмотрения, исследовательское сообщество сталкивается с необходимостью смещения фокуса рассмотрения от целого к части, от состояния объекта к процессуальности отношений между субъектами, от данности к неопределенности, от объективного содержания к intersubjectivному смыслу, от знака к символу и т. д.

Меняются представления о таких феноменах, как социальный институт, социальная система, социальные отношения, социальная общность, личность, социальное действие и взаимодействие, не говоря уже о социальном пространстве и времени. Охарактеризованные тенденции являются общими, по крайней мере для социально-гуманитарного познания. И когда речь заходит о том, что социаль-

ная реальность раскрывается обозначенным выше образом, подразумевается не только развитие способности «видеть» (осознавать, осмысливать, понимать и др.), т. е. рост теоретико-методологического потенциала науки, но и возникновение в самом объекте исследования потенции проявить себя в «новом» качестве (подробнее см. [9]).

Антропологический поворот предполагает изменение модели субъектности человека, осознания им себя в качестве ответственного за происходящее, за свою деятельность, свои открытия, технологические внедрения. В этом контексте необходимо отметить, что проблематизация человеком себя в этом качестве – это сам по себе процесс достаточно неоднозначный. Он предполагает, во-первых, распространение определенных векторов коммуникации, постановку проблем в философии, научной сфере, образовании, средствах массовой коммуникации; во-вторых, выработку соответствующих практик, форм взаимодействия со средой, другими людьми; в-третьих, формирование материальной и духовной культуры, которая выражает соответствующие модели субъектности, мироотношения, мировосприятия. По сути, речь идет о формировании структуры жизнедеятельности, форм и способов взаимодействия между людьми, стратегий их самореализации и форм опредмечивания всего вышеназванного в материальной культуре общества, которые не столько отражают, сколько воплощают собой новый тип мироотношения человека. Это прослеживается на материале развития коммуникативных процессов, на примере развития технологий (прежде всего информационных технологий, затем технологий производства, социальных технологий), через развитие социальных отношений, складывающихся в современном обществе.

Далее, происходящие в современном мире процессы сопутствуют и нередко являются следствием изменения «пропускной способности» или, иначе, скорости движения человеческого сознания, т. е. изменения его гибкости, адаптивности, информационной емкости, изменения способности современного человека к обучению, развитию, формированию нового. Формируются новые способы кодирования и декодирования, интерпретации социального знания,

как следствие, происходят трансформация всего массива наличного знания, формирование новых способов его получения, накопления, трансляции. Меняются горизонт восприятия, соответствующая ему (определяющая его) система представлений о мире, месте в нем человека, самом человеке. Наряду с новыми представлениями формируются новые идеалы и ценности, трансформируются базовые системы ценностей, связанные с ними интересы людей, основные потребности, а точнее, доминантные кластеры потребностей, мотивационная сфера человеческой деятельности.

Содержательный аспект трансформации горизонта восприятия современного человека предполагает также и структурные изменения его когнитивного опыта, что, наряду с обозначенными выше параметрами развития человеческого мышления, предполагает также трансформацию перцептивного аппарата, физиологически заданных способностей человека воспринимать, распознавать различного рода воздействия, «раздражители». Названные когнитивные трансформации сопровождаются (и во многом поддерживаются) преобразованием основных институциональных «матриц» человеческой жизнедеятельности: формы взаимодействия, алгоритмы деятельности, обеспечивающие их реализацию нормы, санкции; в праксеологической плоскости происходит формирование новых (и преобразование существующих) способов коммуникации, видов деятельности, меняются содержание и характер, формы структурирования социального, культурного опыта.

Таким образом, антропологический поворот предполагает преобразование когнитивно-аксиологической сферы, оснований самосознания, мышления, восприятия, действия. Меняются ориентиры общественного развития, жизнь человека, сам человек, общество, частью которого он является, формируемый, возделываемый им (и возделывающий его) мир культуры [10].

Большинство социальных исследований, связанных с ними социальных технологий становятся в этом контексте немыслимыми без гуманитарной составляющей. Во главу угла ставится человеческое измерение общественной жизни, равно как и социальные, социокультурные, культурно-исторические измерения человечес-

кого существования. Другими словами, большинство современных социальных проектов носят сегодня социально-гуманитарный характер, а следовательно, являются ценностно-ориентированными. То есть тезаурусный подход профессора В. А. Лукова, являющийся разновидностью ценностно-ориентированной концепции социального проектирования, находится в пределах основного методологического направления развития социального проектирования. Более того, именно это направление (ценностно-ориентированная концепция) в наибольшей мере отвечает целям и задачам практического применения прикладной этики, поскольку сама она возникает и развивается в связи с «гуманитаризацией» общественности и «гуманизацией» профессиональной деятельности (в сфере бизнеса, в широких слоях общественной жизни).

Итак, В. А. Луков, выделяя в социальном проекте его ценностную природу и ведущую роль субъекта проектной деятельности, определяет его как сконструированное инициатором проекта социальное нововведение, 1) целью которого является создание, модернизация или поддержание в изменившейся среде материальных или духовных ценностей; 2) которое имеет пространственно-временные и ресурсные границы; 3) воздействие которого на людей признается положительным по своему социальному значению [11, с. 36]. Им также дается и более простая формулировка, согласно которой «социальный проект – это целевая авторская конструкция позитивного социального нововведения при ограниченности ресурсов его осуществления» [Там же, с. 37]. При этом под «положительным», «позитивным» автор понимает «полезное», «благое», «прекрасное», «желаемое» и т. д. в зависимости от конкретного содержания проекта.

Применительно к целям и задачам практической деятельности прикладной этики данное определение уместно будет преобразовать следующим образом: прикладной этический проект – это комплекс мероприятий, предполагающих применение социально-гуманитарных технологий и методов, который направлен на развитие (и/или сохранение) человеческого потенциала в рамках определенного сообщества людей. Проектный характер соответствующий

щей деятельности предполагает ее определенность в плане объекта, предмета, пространственно-временной локализации, условий и ресурсов проектирования.

Под объектом проектирования понимается целевое сообщество людей – организация, профессиональная, социально-демографическая, национальная, территориальная группа и т. д. Это те, на кого направлено проектное воздействие. Предметом проектирования, в свою очередь, являются ценности людей в самом широком понимании этого слова, а следовательно, связанные с ними потребности, интересы, мотивы поведения, ценностные ориентации и социальные установки, модели поведения, терминальные образы и т. п. При этом предмет проектирования не стоит путать с продуктом проектной деятельности. Предмет проектирования – то, что проектируется, на него непосредственно указывает цель проектирования, т. е. основной результат, который авторы проекта планируют получить в итоге. В свою очередь, продукт проектирования создается для того, чтобы достичь подобного результата. Так, реализация социально-гуманитарного проекта направлена на создание ценностей, которые как раз и являются предметом проектирования, однако достижение этого результата опосредуется проведением определенных мероприятий, оказанием услуг, созданием материальных объектов и т. п.

Применительно к социальному проектированию в целом, как отмечает В. А. Луков, формами, в которых ценность предстает в ходе реализации проекта, бывают: 1) новая вещь; 2) новые свойства старой вещи; 3) услуга, т. е. результат полезной деятельности отдельных лиц, а также организаций, направленной на удовлетворение определенных потребностей людей; при этом социальными услугами обычно признаются такие, которые направлены на оказание поддержки и помощи слабозащищенным слоям населения (это характерно, например, для волонтерских проектов); 4) организация (масштабы таких проектов бывают различными – начиная от малых организаций и заканчивая отраслями производства, международными консорциумами и пр.); 5) мероприятие; 6) законопроект; 7) невещественные свойства и отношения.

Сам В. А. Луков не проводит четкой границы между предметом проектирования и его продуктом, он лишь отмечает, что есть ценности людей, а есть формы, в которых и через которые они воплощаются в нашей жизни. Однако для прикладного этика такое разграничение является достаточно важным, поскольку позволяет понять и впоследствии сохранять понимание того, что создаваемые им продукты, будь то комплекс мероприятий (например, ценностный тренинг, мероприятия по развитию корпоративной культуры), этический кодекс, социальная услуга, этическая экспертиза, рекомендации, оценки и т. д., нужны не сами по себе, а как средство формирования, сохранения нравственных ценностей, гармонизации общественных отношений и, как следствие, развития социокультурного, человеческого потенциала соответствующего сообщества.

Далее, прикладное этическое проектирование – это неакадемический вид профессиональной деятельности, для которого характерно следующее. Во-первых, он предполагает опору на этико-философские знания, используемые в качестве концептуально-мировоззренческой «рамки» для построения теоретических моделей, лежащих в основе проектной деятельности. В горизонте подобной системы координат сугубо определенным образом высвечиваются общественные проблемы и способы их решения, интерпретируются межличностные коллизии и социокультурные ситуации, с которыми прикладному этику приходится иметь дело в ходе разработки и реализации соответствующих проектов. Во-вторых, он предполагает активное использование фундаментальных научных знаний о человеке и обществе. Прикладное этическое проектирование осуществляется в реальных социокультурных контекстах и требует конкретизации этико-философского знания на материале конкретных социально-гуманитарных наук (социологии, социальной психологии, культурологии). В-третьих, разработка и реализация прикладного этического проекта требует способности эффективно применять методы социальной диагностики, социального прогнозирования, разного рода социально-гуманитарные технологии, знание о которых разрабатывается на уровне приклад-

ной науки (в ходе разработки вопросов применения конкретно-научной методологии к решению практических задач в жизни общества).

Обращаясь к сфере проектной деятельности, прикладному этику важно понимать, что существует по крайней мере два функционально разных вида проектов, реализуемых в институциональном поле его дисциплины. Речь идет, с одной стороны, об академических *исследовательских проектах*, а с другой – о *практико-ориентированных проектах*. Прикладное этическое проектирование как вид профессиональной деятельности в этом отношении стоит отличать от исследовательской деятельности прикладного этика.

Другими словами, «прикладной этический проект» и «исследовательский проект по прикладной этике» – это разные вещи. Первый из них является практико-ориентированным видом деятельности, тогда как второй представляет собой деятельность теоретическую. Основные цели практико-ориентированных проектов существенно отличаются от академических, исследовательских целей. Это связано с тем, что всякий практико-ориентированный и, в частности, прикладной этический проект направлен на решение общественных проблем, тогда как в исследовательских проектах решаются научные проблемы.

Социальные проблемы – нечто нежелательное. Они связаны с трудностями, опасностями, рисками. Решение одной социальной проблемы нередко порождает другие, но это ни в коей мере не должно быть целью профессионалов, берущих на себя ответственность за реализацию социального проекта и, следовательно, за решение (или сглаживание) соответствующей проблемы. Социальные (в том числе прикладные этические) проекты направлены на минимизацию трудностей, рисков, опасностей, на улучшение жизни людей, сглаживание конфликтов, гармонизацию отношений. Другими словами, их осуществление направлено на минимизацию социальных проблем (хотя не всегда ведет к этому).

Совсем иначе дело обстоит с научными проблемами, решаемыми прикладными этиками. Целью подобной работы является рост социально-гуманитарного знания, а следовательно, как об этом

говорил еще Сократ, расширение сферы «неизвестного» – знания о том, что лежит перед человеком в качестве все расширяющегося (по мере роста знания) горизонта непознанного. А ведь научная проблема – это знание о том, что мы чего-то не знаем (аспект новизны), сопровождающееся пониманием необходимости постичь это нечто (аспект актуальности). Другими словами, работа над решением научных проблем непосредственно направлена на увеличение их количества. И это не подспудный, нежелательный результат, а именно одна из основных целей исследовательской деятельности.

Впрочем, сказанное выше не означает, будто практико-ориентированные проекты прикладных этиков по определению лишены исследовательской составляющей. Большинство из них немыслимы без проведения социальной диагностики, создания социальных прогнозов и теоретических моделей развития ситуации. Реализация прикладного этического проекта невозможна без разработки и обоснования его концепции, что, в свою очередь, предполагает активное вовлечение в проектную деятельность существенной теоретической и эмпирической исследовательских составляющих. Однако использование в профессиональной деятельности прикладного этика (так же как и любого другого специалиста) научных, философских знаний и методов еще не превращает ее (эту деятельность) в научный или философский исследовательский проект. Критерием для различения двух обозначенных выше типов проектов является основная цель и соответственно характер решаемых прикладным этиком проблем.

Практико-ориентированная деятельность и деятельность теоретически-ориентированная функционально различны. В ходе создания и реализации проекта это имеет принципиальное значение, поскольку предполагает разные целевые показатели деятельности, что служит стержнем для координации всех основных работ и последующей экспертизы достигнутых результатов. И хотя на практике один и тот же комплекс проектных мероприятий (с незначительными дополнениями) нередко служит основой для реализации авторами проекта и практических, и теоретических задач, тем

не менее на уровне целевых показателей их, как правило, не смешивают. То есть по результатам реализации практико-ориентированных проектов авторы довольно часто пишут книги, статьи и даже защищают научные диссертации, но в целевые показатели проектных работ соответствующие научные достижения не входят, функционально являясь содержанием совсем другой деятельности. Качество выполнения работ в рамках подобного проекта (за малым исключением) не теряет и не выигрывает от того обстоятельства, напишет ли автор по следам его реализации книгу или нет. А учитывая, что суть проектной деятельности связана с умением решать поставленные задачи в условиях ограниченности наличных ресурсов, способность профессионала четко определять ключевые показатели эффективности разрабатываемого им проекта имеет определяющее значение.

1.5.3. Особенности применения социологических методов в прикладном этическом проектировании

Прикладной этик чаще всего задействует в своей профессиональной деятельности теоретико-методологические ресурсы эмпирической социологии, когда ему необходимо решить практические задачи. В рамках исследовательской деятельности он, как правило, обобщает результаты уже реализованных проектов, эмпирических и теоретических исследований. Академически ориентированные исследовательские работы прикладных этиков носят по преимуществу теоретический характер. Эмпирические же методы социологического исследования необходимым образом присутствуют в деятельности прикладного этика там и тогда, когда ему необходимо решить конкретные практические задачи. В частности, в ходе создания и реализации прикладного этического проекта, будь то разработка этического кодекса, формирование комплекса ценностно-мотивационных мероприятий, разработка рекомендаций по развитию нравственного климата, корпоративной культуры и т. д., прикладной этик никак не может обойтись без социальной диагностики, основой которой, как правило, являются социологи-

ческие методы сбора и анализа данных. Это могут быть также социально-психологические методики, однако их использование чаще всего носит вспомогательный характер.

Понятие метода социологического исследования. Конкретно-научное знание, в том числе знание социологическое, отличается от философского тем, что в его основе лежат научные факты (и/или логико-математические расчеты и доказательства). Научный факт – это зарегистрированное средствами науки событие, произошедшее в рамках ее предметной области. Исходя из этого становится понятным особенный интерес основателей социологии морали к проблеме определения морального факта. Только строго определившись, что считать моральным фактом, Э. Дюркгейм получил возможность разрабатывать методы (и, шире, методологию) сбора социологической информации, т. е. возможность регистрировать эти самые факты. При этом ему, его коллегам и последователям, новым поколениям исследователей было принципиально важно не просто установить, что такое моральный, шире – социальный факт, но определить, каким образом он может быть выявлен и зафиксирован.

Систематическое применение научных методов позволяет ученым претендовать на достоверность получаемых ими данных. Именно поэтому первая половина XX в., период активного роста эмпирической социологии, сопровождается непрерывным поиском и совершенствованием методов сбора, обработки и анализа социологической информации. Этому были посвящены и работы классиков (Э. Дюркгейм, М. Вебер, П. Сорокин), и работы ученых следующей волны (Чикагская школа социологии – Р. Парк, Э. Бёрджесс, Дж. Дьюи, У. Томас и Ф. Знанецкий; представители социальной феноменологии, символического интеракционизма и структурного функционализма). В этот период активно развиваются методы интервью и наблюдения, анализа документов и социального эксперимента. Исследователи скрупулезнейшим образом подбирают ключи к тайнам функционирования и развития общественной жизни в условиях ее активного преобразования, к тайнам сознания и поведения людей, мышления и деятельности.

В ходе этой непростой работы постепенно проявляются две основные линии развития эмпирических методов социологического исследования, две основные методологические стратегии, первая из которых служит доминирующему в социологии стремлению объяснить происходящие в обществе явления и процессы исходя из понимания его как единого целого, сложноорганизованной системы, функционирующей и развивающейся по своим внутренним законам. Вторая из этих стратегий отвечает потребности социологов осмыслить реальную жизнь людей во всем ее многообразии, неповторимости и уникальности. Первая из них имеет в своей основе установку на использование закона больших чисел, социальной статистики и математического аппарата, который так эффективно используется в естествознании. Вторая делает упор на уникальности человеческой культуры, невозможности формализовать нравственные отношения и духовные ценности, эстетическое восприятие и творчество как необходимые и, более того, конститутивные компоненты человеческой жизнедеятельности. Соответственно первая из этих стратегий получила название количественной методологии, вторую принято называть качественной.

Обозначенные методологические стратегии предназначены для достижения разных целей, позволяют решать разные исследовательские задачи, предоставляют разные возможности и предъявляют различные требования к профессиональной подготовке исследователей. Последний из названных пунктов предполагает, что количественная стратегия требует прежде всего высокой методической подготовки исследователя, поскольку все основные его задумки должны быть грамотно формализованы, воплощены в методическом инструментарии.

После того как инструментарий подготовлен, работы по сбору, обработке и даже первичной эмпирической интерпретации данных могут и зачастую реально осуществляются людьми, не имеющими специальной профессиональной подготовки. Поэтому методические ошибки, допущенные на этапе разработки методического инструментария, никак не смогут быть компенсированы на последующих этапах.

Принципиально иначе дело обстоит в случае с качественной стратегией. Здесь «центр тяжести» смещен с инструментария на непосредственного участника или участников исследовательского процесса – на тех, кто собирает, обрабатывает и интерпретирует социологическую информацию. При этом профессиональные и личные качества этих людей, их теоретическая подготовка и жизненный опыт важнее методической подготовки. Она, безусловно, необходима, но при этом носит второстепенный характер. В реальной (не учебной) ситуации осуществления качественного исследования выпускать в поле человека, профессионально не подготовленного, если и допустимо, то нецелесообразно. Как следствие, данная стратегия оказывается крайне ресурсоемкой и уже поэтому не является массовой как с точки зрения количества работающих в этой стратегии профессионалов, так и с точки зрения выборочных совокупностей, охватываемых в качественных исследованиях. Несколько человек не смогут провести массовый опрос, а большое количество хорошо подготовленных специалистов данного профиля привлечь, как правило, невозможно. И самое главное, в этом нет необходимости, потому что обработать слишком большие объемы качественных данных, не формализуя их, практически невозможно, а в конечном счете это и не нужно.

Для того чтобы понять, какие методы сбора и анализа социологической информации необходимы прикладному этику для решения его профессиональных задач в той или иной ситуации, нужно четко представлять себе цель и условия, в которых ему в данном конкретном случае предстоит работать. Если речь идет о прикладном этическом проектировании, о сборе данных для разработки и реализации комплекса прикладных этических мероприятий, направленных на решение конкретной социальной проблемы, то ему, как правило, нет необходимости последовательно реализовывать количественную стратегию исследования по той простой причине, что он чаще всего не имеет возможности и необходимости собирать такие массивы социологической информации, на которых проявляются основные преимущества данной методологической стратегии, начинают работать закон больших чисел и статистические методы факторного анализа.

При разработке и реализации практико-ориентированных проектов прикладной этики, как правило, имеет дело с небольшими сообществами людей и использует социологические методы для решения точечных задач социальной диагностики. Ему необходимо почувствовать ситуацию, погрузиться в контекст взаимодействия, понять, что движет людьми в данном конкретном случае. И для этого лучше всего подходит качественная методология. С другой стороны, те профессиональные требования, которые связаны с реализацией данной стратегии и делают ее труднореализуемой для решения социологических задач, для прикладного этика оказываются оптимальными в силу особенностей его профессиональной подготовки.

Прикладные этики чаще всего уступают социологам в методической подготовке (в силу структуры и логики построения соответствующих учебных планов в высших учебных заведениях) и при этом существенно превосходят их в плане социально-гуманитарной и общетеоретической подготовки. Философская направленность прикладной этики позволяет готовить высококлассных интерпретаторов, в то время как вопросы психологической подготовки, так же как умения и навыки, необходимые для сбора качественной социологической информации, – это то, что приобретается исключительно на практике и мало связано с конкретной социально-гуманитарной специальностью.

Это, конечно, не означает, будто количественные, формализованные методы социальной диагностики не должны (или не могут) использоваться прикладным этиком, но предполагает, что, в силу самой логики прикладного этического проектирования, они носят в данном контексте второстепенный, вспомогательный характер. Тем более что один из существенных недостатков качественной стратегии, связанный со сложностью использования получаемых на ее основе данных для истолкования макросоциальных явлений и процессов, что весьма существенно для социолога, для прикладного этика в ходе решения им практико-ориентированных задач не является важным. Его обычно интересуют микросоциальные процессы в рамках локальной ситуации взаимодействия.

Стоит подчеркнуть, что речь идет о принципах, а не о правилах, которым должен следовать прикладной этик. Это означает, что выбор стратегии и конкретных методов социальной диагностики зависит от конкретной ситуации проектирования и не предопределен заранее. Качественная методология не является единственным возможным вариантом осуществления социальной диагностики. Если решаемые задачи требуют проведения массовых опросов, привлечения больших массивов социологической информации, обследования больших совокупностей людей, то выбор профессионала останавливается на количественной стратегии и требует привлечения соответствующих методов, ресурсов и специалистов для эффективной реализации запланированного проекта, точно так же, как и в случае с качественной стратегией или гибридными формами сбора и анализа социологических данных.

Векторы взаимодействия социологии морали и прикладной этики. Подводя итог всему вышесказанному, необходимо отметить: несмотря на то, что прикладное этическое проектирование является по сути своей практико-ориентированной деятельностью, которую следует отличать от академически-ориентированной исследовательской деятельности прикладных этиков, названные виды работ тем не менее теснейшим образом связаны друг с другом и постоянно друг друга обогащают. С точки зрения взаимодействия социологии морали и прикладной этики это имеет принципиальное значение, поскольку создает интересные перспективы взаимодействия данных дисциплин в формате прикладного этического проектирования и последующего (или сопутствующего) теоретического осмысления полученных результатов.

Современная социология имеет дело с очень интересным, во многом непостижимым и в то же время настойчиво требующим концептуального освоения объектом исследования. В самом общем приближении этим объектом являются общество, социальная реальность – мир смыслов, межличностных и межгрупповых отношений, продуктов цивилизации, мир, который уместно рассматривать в качестве освоенного сообществом людей («деланного своим», превращенного в социальную реальность) пространства

жизнедеятельности. Этот мир объективно существует и в то же время чем дальше, тем меньше поддается истолкованию в терминах детерминистской картины мира, которая определяла видение ученых, в том числе социологов, по крайней мере до второй трети XX в. Мир человека – социальная реальность, общество – это не физическое или, скажем, географическое пространство, характеризующееся неизменной системой координат, с одной стороны, и однонаправленная и равномерная последовательность событий, разворачивающаяся во времени, которое представляло бы собой устойчивую физическую величину – с другой. Метафоры классической механики для современного социолога приемлемы куда менее, чем смысловые конструкторы здравого смысла, о чем весьма красноречиво свидетельствуют исследования феноменологов. Социология имеет дело с многомерным, многосоставным, неравномерно распределенным пространством социальных связей и отношений, «метрика» которого все время преобразуется, будучи к тому же различной в разных социокультурных, институциональных контекстах.

Для современного этапа общественного развития характерно нарастание, с одной стороны, темпов социальной и культурной (включая материальную, технологическую культуру) динамики, а с другой – масштабов происходящих изменений. Именно в этих условиях очевидным становится то, что пространство человеческой жизнедеятельности способно расширяться (или сужаться) в различных, казалось бы, самых фундаментальных своих измерениях. Так, современные информационные технологии, новые средства и способы коммуникации, становясь неотъемлемой составляющей жизни общества, перекраивают сегодня саму ткань социальной реальности. Современный исследователь становится свидетелем того, как социальное пространство искривляется, сжимается и растягивается, умножается и разворачивается во все новых и новых конфигурациях. Этого, конечно, можно не замечать, но никак нельзя игнорировать того обстоятельства, что реальности, с которой имела дело классическая социология или, скажем, наука середины XX в., сегодня уже не существует. Те эффекты, явления и процессы,

с которыми сталкивается современная социология, необычны настолько, что «стандартная концептуальная оптика» (традиционные схемы описания) зачастую просто не способна их зафиксировать, оставляя исследователя с чувством интуитивной неудовлетворенности наличными описаниями и интерпретациями.

Не случайно в этом отношении стремление современных исследователей к изменению самого стиля социологического мышления, к формированию так называемых «реляционных» (П. Бурдьё) моделей концептуализации социальной реальности. На первый план в данном случае выходят человек, формы существования человеческого сознания и деятельности, формы и уровни его самореализации в качестве активного, деятельного начала, в качестве субъекта формирования пространства собственной жизнедеятельности – мира, проявляющегося в виде физически, социально и духовно освоенного человечеством универсума.

Здесь речь вновь заходит об антропологическом повороте, только теперь уже в современной социологии – процессе, который сопровождается формированием новых тематических областей, поиском адекватных меняющимся реалиям стратегий исследования, трансформацией теоретико-методологической «стилистики» познавательного процесса. В то же время новые идеи, ракурсы рассмотрения, способы формулирования научных проблем и подходы к их решению становятся содержанием социологического познания при условии их актуализации в рамках предметной области современной социологии, в пространстве исторически сформированной системы социологических понятий, способов описания, институционально заданных форм воспроизводства социологического сообщества.

В этом отношении необходимо отметить, что социологический дискурс, обладая огромной концептуальной устойчивостью, движется предметно и функционально обусловленным путем теоретико-методологического развития. Его преобразование носит поступательный, но при этом очень умеренный (вплоть до инертности) характер. Новые веяния в структуре социологической мысли влияют на исторически сложившийся вектор развития науки в очень

ограниченной мере. К примеру, весьма активно критикуемый постмодернистской социологией принцип социоцентризма, а вместе с ним прагматический пафос классической науки, отказ от которого в явной форме декларируется значительной частью современного исследовательского сообщества, несмотря ни на что сохраняются в современной социологии. Соответствующие познавательные установки настолько глубоко укоренены в концептуальное «тело» науки, что теоретико-методологическое напряжение между гуманитарной и сциентистской составляющими социологического дискурса сохраняется вопреки всякой критике, какой бы крупномасштабной и повсеместной она ни была.

Как следствие, развитие социологического познания сопровождается нарастанием тенденции к сохранению наукой собственной идентичности за счет утраты способности к восприятию кардинально нового, несоразмерного устоявшейся категориальной системе. Важно в этом отношении подчеркнуть, что изначально социология возникает как наука, ориентированная на постижение неизведанного. Именно непонятность происходящих в обществе изменений становится условием рождения социологической мысли в интеллектуальной культуре европейского Просвещения. Однако развитие социологии как науки, процесс ее институционализации в качестве самостоятельной области знания с необходимостью сопровождается утратой ею тех функций, которые традиционно являются достоянием философии. Речь идет о способности науки перестраивать свои основания, выходить за пределы «устоявшейся» предметной области.

Первоначально социология, как и любая другая выделяющаяся из философии область знания, обладает весьма существенной теоретико-методологической степенью свободы. Пока предметная область, понятийный аппарат, система методологических принципов и конкретных методов исследования еще только складываются; теоретико-методологическая подвижность, а в некотором смысле – аморфность, низкая степень структурированности позволяют науке очень чутко реагировать на изменения изучаемого объекта, меняя свой теоретико-методологический облик подобно небезыз-

вестному Янусу. Чтобы понять особенности этого процесса, достаточно обратиться к тому концептуальному многообразию, теоретическому богатству, которое характеризует русскую дореволюционную социологию. Не случаен в этом отношении энциклопедизм социологов XIX – начала XX в. – качество, которым среди более поздних поколений исследователей способны похвастаться лишь немногие.

Развитие науки сопровождается все большей специализацией исследователей, институционализацией познавательной деятельности. «Мощь» науки как целого в этом процессе неизменно возрастает, однако ее пластичность, способность к изменению столь же устойчиво уменьшается. Наука, достигшая высокой степени своего развития, очень вяло (или, наоборот, крайне непримиримо) реагирует на необходимость перестраивать свои основания. Применительно к физико-математическим дисциплинам этот процесс очень хорошо анализируется Т. Куном, И. Лакатосом. Исследования данных авторов являются общеизвестными, и специально останавливаться на них нет необходимости. Важно лишь подчеркнуть, что в философии науки второй половины XX в. фиксируется то обстоятельство, что «шаг» конкретной науки в неизведанное, выход ее за пределы своей предметной области и, как следствие, акт преобразования ее теоретико-методологических оснований есть не что иное, как научная революция, осуществление которой требует обогащения конкретно-научного дискурса познавательными ресурсами философии.

За счет своих собственных теоретико-методологических ресурсов ни одна наука (будь то социология, физика или языкознание) осуществить упомянутые преобразования не способна. И, более того, степень концептуальной и институциональной инертности сформировавшейся системы знания такова, что, строго говоря, никакая научная революция не способна вызвать кардинальные изменения в структуре понятийного аппарата конкретной науки, следовательно, ее концептуальной сетки, соответственно «просвечивающей» сквозь подобную «сетку» предметной области. Именно в этом плане оправданными становятся идеи эволюционной эпистемологии и, в частности, убеждение многих современных исследова-

дователей в поступательности развития научного знания, даже если речь идет о полипарадигмальных науках, находящихся к тому же в процессе непрекращающейся перестройки их концептуальных, теоретико-методологических оснований.

Итак, современная социология стоит перед лицом неизведанного. Ее развитие осуществляется в пространстве нередуцируемых, несводимых к какому-то конкретному образцу возможностей конституирования социальной реальности. Стремление к постижению подобного объекта исследования предполагает попытку распознать лик неизведанного в предметной плоскости узнаваемого, ухватить средствами своего понятийного аппарата нечто, зачастую ему несоразмерное, – то, о чем и помыслить было нельзя, когда соответствующие понятия вводились в научный оборот. Вполне закономерен в этом контексте поиск новых средств выражения, новых метафор, мыслеобразов, разработка понятий, позволяющих уловить связанные с новыми средствами выражения смыслы, сделать их достоянием научной коммуникации (а не просто интуитивного восприятия, художественного выражения). Это весьма непростая работа, потребность в осуществлении которой ведет к развитию в современной социологии целого пласта метатеоретических, теоретико-методологических исследований, требует более интенсивного, чем в прошедшем столетии, взаимодействия социологии и философии.

И в этом отношении прикладная этика оказывается для социологии в целом и социологии морали в частности весьма ценным спутником на пути к новым свершениям, поскольку прикладные этические проекты оказываются весьма перспективным с методологической точки зрения пространством взаимосогласования (в ходе работы над конкретными социокультурными ситуациями) разных эпистемологических дискурсов, типов знания, форм познания. При этом прикладной этик, в силу особенностей его профессиональной деятельности, чаще всего уступая социологам-эмпирикам методически, как правило, превосходит их с точки зрения концептуально-теоретической, общегуманитарной, философской подготовки и, как следствие, имеет преимущества при реализации интерпретативных исследовательских стратегий и практик.

Особое положение прикладной этики позволяет ей привносить в развитие социологии морали как академической дисциплины крайне необходимые ей концептуальные и методологические ресурсы, связанные, во-первых, с развитием качественной стратегии исследования; во-вторых, с возможностями взаимообогащения дискурсов философии, конкретной науки и практической деятельности. Прикладной этик в ходе разработки и реализации проектов имеет исключительную возможность для применения в своей работе качественной стратегии сбора и анализа социологической информации. Он работает в плоскости перманентного взаимосогласования философских концептуально-интерпретативных ресурсов, социологических знаний и методов, а также практико-ориентированной проектной деятельности. И это та уникальная ситуация, которая дает ему возможность крайне эффективно применять качественную методологию и, шире, решать наиболее сложные задачи, стоящие перед современной социологией морали, проходя в своих социально-диагностических практиках сквозь «экран» защитных механизмов сознания, скрывающих от формализующего взгляда количественной методологии наиболее интересные процессы функционирования и развития морали в живых социокультурных системах, претерпевающих сегодня (на заре рождения нового цивилизационного уклада) крайне динамичные и очень глубокие структурные преобразования.

Библиографические ссылки

1. *Дюркгейм Э.* Определение моральных фактов // Теоретическая социология : ант. : в 2 ч. М. : Книжный дом «Университет», 2002. Ч. 1. С. 11–30.
2. *Вебер М.* Основные социологические понятия // Западно-европейская социология XIX – начала XX века. М., 1996. С. 455–491.
3. *Сорокин П. А.* Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. М. : Астрель, 2006.
4. *Кирилина Т. Ю.* Отечественная социология морали: прошлое, настоящее, будущее // Социол. исслед. 2013. № 6.

5. Бакиштановский В. И., Согомонов Ю. В. Социология морали: нормативно-ценностные системы // Социол. исслед. 2003. № 5.

6. Батыгин Г. С. Как невозможна социология морали // Оправдание морали : сб. науч. ст. : к 70-летию профессора Ю. В. Согомонова / Центр приклад. этики и НИИ приклад. этики ТюмГНГУ. М. ; Тюмень, 2000. С. 108–119.

7. Кирилина Т. Ю. Теоретико-методологические основы эмпирического исследования морали // Вестн. ВятГУ. 2009. № 1.

8. Кирилина Т. Ю. Зарубежные ученые о социологии морали // Социол. исслед. 2009. № 7.

9. Медведев В. А. Антропологический поворот в современном социально-гуманитарном познании // Социальная реальность как жизненный мир личности : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 19 нояб. 2012 г.) / отв. ред. Н. П. Коновалова. Екатеринбург : УрФУ, 2012. С. 240–245.

10. Медведев В. А. Антропологический поворот в развитии современной цивилизации // Деятельное понимание культуры как вида человеческого бытия : материалы IX Междунар. науч. конф. (Нижневартовск, 23–24 нояб. 2012 г.). Нижневартовск : Изд-во НГТУ, 2013. С. 93–96.

11. Луков В. А. Социальное проектирование. М. : Флинта, 2007.

Контрольные вопросы и задания

1. В чем заключаются особенности социологии морали как отрасли научного знания?

2. Что такое прикладное этическое проектирование?

3. Почему прикладные этические проекты по преимуществу относятся к социально-гуманитарным, ценностно-ориентированным проектам?

4. Что представляет собой антропологический поворот в современном социально-гуманитарном познании и деятельности?

5. Назовите основное различие между практико-ориентированным и академическим исследовательским проектами?

6. Что такое метод социологического исследования?

7. Какие социологические методы и для чего используются в прикладном этическом проектировании?

8. Какие основные стратегии сбора социологической информации обсуждаются в данной главе? Дайте их общую характеристику.

9. Какие возможности прикладного этического проектирования представляют сегодня особую ценность для развития социологического знания и почему?

Глава 2

СФЕРЫ И ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ

2.1. БИОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА

Биоэтика. Деонтология. Проблемы биоэтики. Методология решения проблем биоэтики.

Биоэтика (биологическая этика) – междисциплинарная область знания, охватывающая широкий круг этических проблем на стыке новых технических возможностей и старых философских вопросов, возникшая в связи с бурным развитием медицины, биологических наук и использованием высоких технологий в здравоохранении, биологии и экологии.

Демографическими причинами возникновения биоэтики в конце XX в. стал демографический переход в виде массового увеличения продолжительности жизни в развитых странах, регуляции и сокращения рождаемости и, как следствие, увеличения ценности человеческой жизни в любом возрасте. Другой причиной послужило увеличение технических возможностей здравоохранения не только по продлению человеческой жизни, но и по ее зарождению, физиологическому (трансплантация) и генетическому вмешательству.

Как философская дисциплина биоэтика происходит от деонтологии, терминологически предложенной Дж. Бентамом – создателем учения «этического утилитаризма» на основе понятия «блага». По сути, это учение является разновидностью консеквенциализма (моральная оценка по последствиям), которому противопоставляется деонтология – учение об исходно должном моральном поведении. Поэтому деонтология переросла в правила профессиональной этики для медицинских работников.

В отличие от профессиональных этических правил медицинских работников в виде врачебной этики, этики сестринского дела,

этики фармацевтов, медицинского бизнеса, страхования и менеджмента биоэтика не ограничивается профессиональным сообществом, а перераспределяет права на принятие решения между всеми участниками процесса. В конфликтных ситуациях современной биомедицины участниками, совершающими ответственный выбор и поступок, являются не только медики и управленцы, но и пациенты, члены их семей, попечители над недееспособными гражданами, представители общественности и политики. Биоэтика – это практика гражданского взаимодействия профессионалов и непрофессионалов с участием всех заинтересованных лиц и институтов, которая реализуется в виде системы комитетов по этике или юридических правил [1, 2].

Подход, признающий решающую роль «общественного обсуждения» при выработке морально обоснованной национальной политики в области здравоохранения, формулируется в Конвенции Совета Европы «О защите прав и достоинства человека в связи с использованием достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине» (1996), первоначально называвшейся «Конвенция по биоэтике».

Этические проблемы возникают при несоответствии новых возможностей прежним, закрепленным в культуре, этическим правилам. Так, контрацепция осуждается многими традиционными религиями, так же как и аборт; главным этическим вопросом при этом является вопрос о том, на какой стадии беременности у плода-ребенка появляется право на жизнь. Решение этого вопроса, как правило, находится опять же в соответствии с культурной традицией: когда, по обыденным представлениям, ребенок начинает «жить сам», т. е. шевелиться (обычно на 12-й неделе беременности), когда начинает работать периферическая нервная система. Соотношение прав женщины и прав ребенка также определяется культурной традицией. В развитых странах женщина имеет право на аборт по медицинским показаниям.

Другие этические вопросы появления нового человека, прихода человека в эту жизнь, появляются с развитием репродуктивных технологий (экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО), суррогатное

материнство, определение пола и генетический анализ плода). Экстракорпоральное оплодотворение, являясь процедурой искусственного оплодотворения, ставит этическую проблему (помимо религиозной) выбора «наиболее удачного» эмбриона из нескольких имеющихся и является необходимым этапом для суррогатного материнства. При суррогатном материнстве проблемой оказывается наличие у ребенка двух матерей – генетической и физиологической. Договорные отношения по причине врожденной поведенческой программы материнства у генетической матери вступают в конфликт с той же программой у суррогатной матери. Помимо этого создается благоприятная среда для эксплуатации женского тела и торговли детьми. Поэтому во многих странах рынок суррогатного материнства запрещен или строго регламентируется. Практическим решением этого вопроса признается бескорыстная услуга в качестве суррогатной матери со стороны близкой родственницы генетической матери. Таким образом, помимо проблем генетической совместимости матери и плода, обе матери оказываются членами одной с ребенком семьи и выполнение их материнских программ не нарушается.

Технология ультразвукового исследования (УЗИ), позволившая определять пол будущего ребенка на ранних стадиях беременности, привела в некоторых странах к тому, что из-за культурных особенностей аборт чаще проводится при условии женского пола у будущего ребенка, что проявляется в демографической диспропорции между полами в пользу мужского пола. Неинвазивная генетическая диагностика плода на ранних стадиях позволяет выявлять генетические нарушения и наследственные болезни и также ставит вопрос с этически неоднозначным ответом о праве родителей на прерывание беременности или выборе эмбриона при ЭКО.

В области здравоохранения вместе с демографическим переходом и ростом среднего уровня образования населения происходит смещение ценностей от телесного благополучия пациента, в условиях медицинского патернализма определявшегося врачами, к ценности автономных прав пациента в принятии касающихся его медицинских решений.

Два этических принципа врача, бывших изначально, а именно «не навреди» и «облегчи страдания пациента», дополнились еще двумя: «автономность пациента в принятии решений» и «информированность пациента». Эта тенденция привела к возникновению в развитых странах прав пациента сначала в виде принятого Американской ассоциацией врачей и хирургов в 1990 г. списка свобод пациента, а в 1995 г. – в виде Билля о правах пациента. В нем содержатся права на информацию о диагнозе и прогнозе собственного заболевания, на выбор врача, на сохранение конфиденциальности медицинской информации и неприкосновенности частной жизни, на обеспечение правила информированного согласия и т. д. Основным правом пациента является основанное на двух последних этических принципах право на добровольное информированное согласие пациента с предлагаемым врачом планом лечения, остальные права так или иначе вытекают из него. Сейчас оно юридически закреплено и в России. Информированность пациента может быть ограничена его дееспособностью и компетентностью. Право пациентов-детей на информированное согласие на лечение принадлежит их родителям и опекунам, как и право недееспособных взрослых в связи с их возрастом или психическим заболеванием передается близким родственникам или опекунам. При этом недееспособность взрослых рассматривается и юридически заверяется медицинской комиссией. Законодательно оформляются также особые права психиатрических больных, беременных женщин, эмбрионов, доноров органов и т. д. Теперь проведение медицинских экспериментов возможно только при участии добровольцев. Есть попытки этическими правилами ограничить проведение экспериментов на животных.

Поскольку люди различно понимают идею блага, то согласие, необходимое для их солидарности, возможно только при открытом, честном, публичном обсуждении социального контракта, оформленного в виде формальных процедур и правил социального взаимодействия в конкретных ситуациях. основополагающее правило добровольного информированного согласия не диктует, каков должен быть выбор пациента или врача, но подробно регламентирует

процедуру их согласованного решения. Поэтому при обсуждении и других проблем в биоэтике, например проблем распределения дефицитных ресурсов здравоохранения или прав государства на ограничение прав граждан в условиях карантина, наибольшим влиянием пользуются идеи «процедурной» справедливости Дж. Ролза, Р. Нозика, Ю. Хабермаса и др.

При постмортальной трансплантации встает проблема определения критериев состояния смерти, социально признана граница конца человеческого существования, а именно смерть мозга, определяемая независимой (от проводящих трансплантацию) экспертизой. После этого момента человек теряет права этического субъекта и признается обществом в качестве «труп», от которого, при соблюдении определенных юридических правил можно совершить забор органов для пересадки другому человеку. К другим биоэтическим проблемам ухода человека из жизни относятся эвтаназия и паллиативная помощь. Поскольку активная эвтаназия противоречит религиозным представлениям и традиционной этической ценности жизни, то она запрещена в большинстве стран. На практике широкое распространение имеет пассивная добровольная или недобровольная эвтаназия. Оказание паллиативной помощи создает этическую проблему ограниченности ее доступности, и государство, как правило, не берет на себя такую обязанность, передавая эту функцию коммерческим организациям.

В условиях чрезвычайной ситуации эпидемии интересы и права государства могут вступать в конфликт с правами и свободами человека в виде ограничений свободы передвижения при объявлении карантина, в виде принудительного обследования и лечения инфекционных заболеваний, обязательной вакцинации. В данном случае государство должно исходить из соотношения рисков для общества и для отдельного индивида. Так же оно должно поступать при выборе демографической стратегии, влияющей на частную жизнь граждан (законодательство, регулирующее рождаемость). Рациональное решение в выборе той или иной стратегии предлагает теория игр, позволяющая вычислить наибольший общий выигрыш для обеих сторон.

Многие этические проблемы являются надуманными из-за общественных стереотипов и низкой информированности. Вызывает вопросы появление новых организмов в виде ГМО или в результате клонирования. Так, вредное влияние на здоровье употребления в пищу продуктов из генетически модифицированных организмов до сих пор научно не обосновано и статистически не подтверждено. Этически недопустимым является клонирование человека в медицинских целях, но этот процесс настолько долг и дорог, что это лишает его практического смысла.

Актуальным философским императивом для биоэтики оказывается универсальный принцип А. Швейцера «благоговения перед жизнью», который соответствует медицинским принципам «не навреди» и «облегчи» и применим как в медицинской, так и в экологической сфере. Его широкое применение распространяет этические правила и на другие биологические виды, и на будущие поколения людей, заставляя решать глобальные экологические проблемы [3–5].

В решении возникающих биоэтических проблем можно рекомендовать следующую методологию:

- 1) определение технической возможности, вызывающей возникновение проблемы;
- 2) определение причин, по которым люди вынуждены прибегать к этой возможности;
- 3) формулирование этической коллизии, возникающей между участниками процесса;
- 4) поиск технических способов разрешения коллизии на существующем уровне развития технологии;
- 5) поиск юридических (социально-процедурных) способов разрешения коллизии по существующим культурным стандартам.

Практика показывает, что наиболее этически оптимальным является не нарушающее актуальные культурные стандарты техническое решение биоэтических проблем, т. е. «вход» в этическое культурное поле находится там же, где и «выход» – в технологической сфере.

Библиографические ссылки

1. Биоэтика: принципы, правила, проблемы / отв. ред. Б. Г. Юдин. М. : Эдиториал УРСС, 1998.
2. Введение в биоэтику / отв. ред. Б. Г. Юдин. М. : Прогресс-Традиция, 1998.
3. Engelhardt Tristram Jr. The Foundations of Bioethics. 2nd ed. Oxford : Oxford U. P., 1996.
4. Poller Van R. Bioethics: Bridge to the Future. Englewood Cliffs. NJ : Prentice-Hall, Inc, 1971.
5. Potter Van R. Global Bioethics. Michigan State U. P., 1988.

Контрольные вопросы и задания

1. Что представляет собой биоэтика, какие сферы деятельности она охватывает?
2. Когда и по каким причинам возникли проблемы биоэтики?
3. Назовите этические проблемы пограничного состояния человеческого бытия.
4. Какими путями решаются биоэтические проблемы?
5. Как этический принцип «благоговения перед жизнью» связан с биоэтикой?

2.2. ЭТИКА ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Неклассические концепции ответственности. Этика ответственности. Моральный выбор. Культура ответственности.

В XX в. происходит отказ от классической концепции ответственности. По мысли Р. Г. Апресяна, меняется понимание «природы моральной ответственности (ее субъекта и объекта), роли взаимности в морали, смысла самооценности, а соответственно и моральной значимости, происходят перемены в прикладном нормативно-этическом мышлении» [1]. Этика ответственности формируется на иных, нежели этика кантовского типа, основаниях. Внимание фокусируется не на идее автономии морального субъекта, не нарушаемой «эмпирическими» обстоятельствами («этика убеждений»), но на реальности, вырастающей из «живой ткани мораль-

ной жизни» (термин С. Л. Франка) и предполагающей ответственный выбор личности (этика ответственности). Новая этическая теория строится на идее самодостаточности ответственного выбора личности, на учете эмпирических условий, в которых совершается действие, и его последствий, на идее соответствия свободы морального поступка и его эффективности (Т. Адорно). Центр ответственности сместился в сторону личности, ее ответственности за собственное бытие, за свои мысли и действия (М. М. Бахтин), за осуществление своих смыслов («ответственность смысла», Ж.-Л. Нанси) перед другими (Ж. П. Сартр), за Другого (Э. Левинас), за все живое (Г. Йонас). Ответственность связывается с умением личности «действовать и включаться в дискурс» (Ю. Хабермас), делать «ответственный выбор» (А. А. Гусейнов), с ее готовностью «нести ответственность за последствия своих рискованных решений» (З. Бауман).

В неклассической концепции ответственности особую значимость приобретает вопрос о согласовании интересов людей, о соотношении личностного и общественного. Рассуждая о трансформации отношения личности и общества, об «ответственном выборе» индивида, А. А. Гусейнов подчеркивает, что в современных условиях уже «не норма является нравственной границей, а решение личности относительно нее», что «абсолютная граница не предзадана и устанавливать ее для себя – суверенное право каждой личности» [2, с. 158]. Следовательно, этическое отношение полагается самой личностью, моральное решение принимает сам индивид как нравственно-автономный и ответственный субъект. И если в классической этике ответственность налагалась на индивида со стороны авторитетной моральной инстанции, то теперь человек, осознанно «выбирающий собственное бытие», «выбирающий одновременно с собой и все человечество», «не может избежать чувства полной и глубокой ответственности» [3, с. 325]. Ответственность за выбор оказывается обратной стороной свободного самосуществления человека. Так формируется новая *личностная этика*, раскрывается новый ракурс понимания ответственности – *аксиологический*. Ответственность при таком подходе осознается

как основополагающий мотив человеческой деятельности, и сама она утверждается в качестве интегральной ценности.

Критикуя классическую («метафизическую») этику, кантовский разрыв между «теоретическим миром» и миром должного, основанный на активности воли субъекта, М. М. Бахтин в работе «К философии поступка» строит свою концепцию «бытия-события», соединяя онтологию и этику. Человек преодолевает «частичность» своего существования в событии поступка. Поступая так или иначе, личность утверждает ценности, обретает возможность нравственно реагировать на все, что попадает в фокус ее внимания и ответственного поведения. Конституируя свое уникальное бытие, обретая целостность и ответственность за свои мысли и действия, личность становится «сплошь ответственной» [4, с. 5]. И это не абстрактная, исчезающая в своей всеохватности ответственность, а «единая и единственная нравственная ответственность» как поступок «изнутри в его ответственности» [5, с. 121]. В этой монологической трактовке философии поступка еще нет Другого. Ответственность формулируется М. Бахтиным как ответственность личности за свое собственное бытие, «за свою единственность» [Там же, с. 113]. Лишь позднее, в работе «Автор и герой в эстетической деятельности», Бахтин напишет, что без Другого основная задача восстановления целостности личности, которая только и может совершить поступок, невыполнима. Я нуждается в Другом. Другой конституирует Я, дарит Я целостность. В работе «Проблемы поэтики Достоевского» М. Бахтин отождествляет бытие и общение. Его знаменитый тезис «Быть – значит общаться диалогически» [6, с. 293] несет в себе мысль о полифоническом сосуществовании и взаимодействии личностей.

Впоследствии этот тезис превращается в методологический инструмент для построения новой концепции социальности [7], а идея полифонии становится основанием современной транскультурной этики (G. Nielsen). Диалог в таком контексте означает нового рода организацию связи между людьми, социумами, культурами, где одно связано с другим и каждое суть то, что оно есть, только будучи связанным с другим. В этой связи есть места соединений,

узловые пункты, но нет централизации. Форма взаимодействия рождается в конкретной ситуации, тексте, контексте с участием конкретных субъектов, с учетом их многозначности и соотносительности с конкретной социальностью, множественностью смыслов, интерпретаций. Диалогика, трансформируясь в форму полисубъектности, фиксирует сложность, многоуровневость социальной связи и самих социальных субъектов, актуализирует потребность «искать соразмерность» в разных взглядах и учиться слышать друг друга (К.-О. Апель и др.).

Еще одну версию трансформации классической этики в русле темы ответственности представляет Э. Левинас. Пытаясь обогатить метафизику с помощью этики, он рассматривает человека как укорененного во встрече и отношениях с другими людьми. Э. Левинас пишет о признании значимости Другого, об открытости Другому и, в отличие от М. Бахтина, об ответственности не за себя, а за Другого. Ответственность лежит в основании свободы субъекта и открывается в ситуации «отнесенности к Другому», т. е. «лицом к лицу» [8, с. 79–81]. Другой – это тот, за кого Я принимает ответственность.

Ответственность неразрывно связана с выбором субъекта. Выбор характеризуется объективной возможностью выбирать и субъективной способностью выбирать не только между добром и злом, но между «злом большим» и «злом меньшим» [9]. Конфликты и компромиссы в ситуации морального выбора требуют от субъекта осознания возможности применения логики наименьшего зла и понимания границ морально допустимого, т. е. особой культуры ответственности. В результате границы ответственности становятся подвижными, а горизонт ответственности расширяется. Ответственность оказывается важным регулятором не только моральных отношений, но также действий человека на политической и правовой арене, в медицине, образовании и других общественно значимых сферах человеческой активности, для которых принципиально важно учитывать возможные последствия принимаемых решений, поскольку от них зависит жизнь большого числа людей. Впервые об этом, как известно, заговорил М. Вебер, критикуя бази-

рующуюся на вере этику кантовского типа. Подчеркивая первичность и самодостаточность ответственного выбора личности, Вебер закладывает тем самым основы новой этики – «этики ответственности».

Этическое измерение ответственности ориентирует не только на учет предвидимых социальных последствий действий человека, но и на построение «долгосрочной моральной стратегии» сотрудничества для урегулирования конфликтов на «консенсуально-коммуникативных» основаниях. К.-О. Апель, автор дискурсивной этики, говорит об этике дискурса как об этике ответственности. Отталкиваясь от рассмотрения проблем применения чистого формально-процедурного принципа этики дискурса в реальном жизненном контексте, в конкретно-исторических обстоятельствах, Апель формулирует базовые положения «трансцендентально-прагматического» истолкования этики. И подчеркивает, что для обоснования «общей солидарной ответственности человечества за сохранение условий дальнейшего существования человеческого рода» в эпоху глобализации и экологического кризиса человек «вынужден обращаться к нормативным принципам этики» [10, с. 40]. Чтобы этика дискурса могла предстать как этика ответственности, полагает Апель, основной принцип этики дискурса (принцип универсализации, являющийся принципом обоснования и легитимации моральных норм) должен быть дополнен «вспомогательным принципом этической ответственности» [Там же, с. 103–104]. Он необходим, поскольку «общественные условия для применения практических дискурсов для разрешения конфликтов на всех уровнях еще не сформированы». И, следовательно, надо «действовать так, чтобы способствовать, насколько возможно, устранению различия между сообществами идеальной и реальной коммуникации» [11, с. 6]. Осуществляя поиск и обоснование всеобщих (универсальных) норм коммуникации, присущих человеческому общению и взаимодействию, вырабатывая ценности и способствуя достижению консенсуса, практический дискурс становится необходимой основой этики ответственности.

Последняя четверть XX в. – период стремительного развития этики ответственности, понимаемой как «этика для техногенной

цивилизации». Она представлена в работах Х. Ленка, К. Байертца, Г. Йонаса, В. А. Канке и др. Анализ современной ситуации, характеризующей практически безграничной властью человека над природой и собственной сущностью, представленный указанными авторами, показал, что в сферу этического сегодня необходимо включить ряд новых объектов моральной ответственности. Если в традиционной этике этически значимая область была ограничена сферой общения между людьми, то в современных условиях этика с необходимостью должна расширить горизонт ответственности, включив в него ответственность человека и человечества за существование природы, за ее целостность, ответственность за будущие поколения, а также и за отдаленные последствия человеческой деятельности.

Ответственность за будущее, согласно Г. Йонасу, представляет собой органическое единство объективной трансцендентной ответственности и субъективного, имманентного человеку, чувства ответственности. Анализируя современное состояние, Йонас ставит вопрос о планетарном балансе человека и природы, исключая катастрофы, поскольку любые безответственные действия могут дать начало катаклизмам глобального характера [12]. Это принуждает нас к более ответственному отношению к окружающей среде. Новый императив, выдвинутый Йонасом, звучит так: «Действуй так, чтобы последствия твоей деятельности были совместимы с поддержанием подлинно человеческой жизни на Земле» [13, с. 34]. Возросшие возможности человеческой деятельности позволяют также воздействовать на природу самого человека, опровергая представления об ее неизменности. Все это по-новому ставит вопрос о масштабах и формах ответственности человека и человечества, о коллективной ответственности, о необходимости трансформации традиционной морали, приведения ее в соответствие с нравственными процессами современности.

Этика ответственности как актуальное течение современной этической мысли достаточно разнородна. Многочисленные ее версии синхронизированы с современными тенденциями развития социального и гуманитарного знания, общими процессами гуманизации человеческой жизнедеятельности, утверждением гума-

нистических тенденций в самой этике. Их суть – в обосновании морали через обращение к живой человеческой индивидуальности и конкретным взаимоотношениям, к поступкам человека и социальным результатам его деятельности, к персонализации ответственности и созданию условий для социально желательного и ответственного поведения людей и др.

Ответственность как основополагающий социокультурный принцип несет в себе перспективу коренных изменений в отношении к человеку, обществу, природе. Происходит расширение горизонта ответственности, а также смена вектора ответственности. Ответственность принимает все чаще характер коллективной ответственности. Происходящие изменения в жизни людей, понимание общественно значимых событий и их последствий стали толчком к более глубокому анализу проблемы ответственности в современной этике, прежде всего в таких ее конкретизациях, как биоэтика, социальная этика, экологическая этика и др.

Библиографические ссылки

1. *Апресян Р. Г.* Философия морали и прикладная этика // iph.ras.ru : [портал]. URL: http://iph.ras.ru/uplfile/ethics/seminar/Apresyan_15_12_10.html (дата обращения: 25.07.2019).
2. *Гусейнов А. А.* Размышления о прикладной этике // *Ведомости / Науч.-исслед. ин-т приклад. этики. Вып. 25 : Профессиональная этика / под ред. В. И. Бакштановского, Н. Н. Карнаухова.* Тюмень : НИИПЭ, 2004. С. 148–159.
3. *Сартр Ж. П.* Экзистенциализм – это гуманизм // *Сумерки богов.* М. : Политиздат, 1989. С. 319–344.
4. *Бахтин М. М.* Искусство и ответственность // *Эстетика словесного творчества.* М. : Искусство, 1979. С. 5–7.
5. *Бахтин М. М.* К философии поступка // *Философия и социология науки и техники : Ежегодник, 1984–1985.* М. : Наука, 1986. С. 80–160.
6. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. М. : Сов. Россия, 1979. С. 293.
7. *Tsepeleva N. P.* Dialogue as a form of social construction in everyday life // *European Journal of Science and Theology.* 2018. Vol. 14, №4. P. 131–143.
8. *Левинас Э.* Время и Другой. Гуманизм другого человека. СПб., 1999.

9. Прокофьев А. В. Выбор в пользу меньшего зла и проблема границ морально допустимого // Этическая мысль. Вып. 9. 2009. С. 122–145.

10. Апель К.-О. Дискурс и ответственность: проблема перехода к пост-конвенциональной морали / [пер. с нем. В. Куплина]. Киев : Дух и литера, 2009.

11. Бусова Н. А. К.-О. Апель об этике дискурса как этике ответственности // Вісн. ХНУ ім. В. Н. Каразіна. № 952. Сер. : філософія. Філософські перипетії. 2011.

12. Козлова Н. П. Этика ответственности в условиях техногенной цивилизации Ганса Йонаса : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2007.

13. Йонас Г. Принцип ответственности. М. : Айрис-Пресс, 2004.

Контрольные вопросы и задания

1. На каких теоретических основаниях строится неклассическая концепция ответственности?

2. Назовите отличия подходов к трактовке ответственности в концепциях М. М. Бахтина и Э. Левинаса. Как трансформируется отношение Я и Другого?

3. Как, по К.-О. Апелью, следует трансформировать практический дискурс, чтобы он стал основой этики ответственности?

4. Каковы масштаб и формы ответственности современного человека согласно Г. Йонасу? В чем смысл нового нравственного императива?

5. Чем обусловлен коллективный характер ответственности в современных трактовках этики ответственности?

2.3. ИНФОРМАЦИОННАЯ ЭТИКА

Информационная этика. Развитие предметной области. Коммуникативные среды. Новый технологический уклад. Проблемы информационной этики.

Информационная этика и предмет ее изучения. Под информационной этикой будем понимать дисциплину, изучающую принципы, нормы и модели поведения, взаимодействия людей в современных условиях формирования и развития новых высокотехнологичных информационных сред. Подобные информационные сре-

ды интегрированы сегодня на основе интернет-технологий, в то время как Интернет по праву считается одним из величайших изобретений человечества [1]. Величайшее это добро или величайшее зло – вопрос крайне дискуссионный, но то, что это основа технологического уклада, который качественно меняет жизнь современной цивилизации, едва ли подлежит сомнению. Это изобретение, которому менее половины столетия. И хотя в историческом масштабе это едва осязаемая величина, содержательные изменения общественной жизни, вызванные появлением соответствующих технологий, умопомрачительны. Именно поэтому большой интерес вызывает разворачивающаяся перед взглядом современных исследователей история развития интернет-технологий и связанных с ними социальных практик, культурных феноменов. Причем информационную этику интересуют прежде всего формы проявления морального сознания и нравственных отношений, которые возникают в новых информационных средах и во многом ими определяются.

Информационная этика – новая отрасль знания, изучающая явления и процессы, которые возникают в настоящее время, до конца еще не осмыслены и постоянно преобразуются. С точки зрения исследования данной предметной области это дает достаточно широкую степень свободы, позволяет в полной мере реализовать творческий подход к изучению данного предмета как в исследовательской деятельности, так и в учебном процессе, поскольку учебной литературы по данной теме крайне мало, ортодоксальных, сложившихся, утвердившихся в течение многих десятилетий подходов не существует, а имеющиеся исследовательские позиции во многом равноправны.

Информационная этика имеет дело с принципиально новой реальностью, которая постоянно преобразуется, качественно меняя самого человека, условия его жизни. Причем эти условия не обязательно становятся лучше: они становятся совершенно иными, невиданными прежде, и этого более чем достаточно. Отказаться от изменений современный человек не имеет возможности. Нас всех можно представить в качестве пассажиров поезда, который

несется под уклон, все время набирая ход. Спрыгнуть с поезда невозможно, а хоть как-то влиять на имеющие место процессы можно, только находясь в авангарде происходящих изменений, непосредственно участвуя в наращивании скорости осуществляемых преобразований. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Условия проявления информационно-этической проблематики. Современный человек живет в условиях, когда мир вокруг него, общество, частью которого он является, меняются столь стремительно и настолько существенно, что трансформации, воспринимавшиеся прежде в качестве революционных по своему значению и масштабам, перестают замечать. Подобные изменения становятся повсеместным фоном, который воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Это жизнь в условиях перманентной революции, когда изменения, динамику начинают отслеживать не по факту их наличия или отсутствия, а по характеру интенсивности прироста темпов развития.

Сравнивая последние две – две с половиной тысячи лет человеческой истории с десятками тысячелетий, которые им предшествовали, исследователь имеет все основания говорить о качественном приросте темпов развития. Точно так же путь, пройденный человечеством за несколько последних столетий, если верить ортодоксальным историческим знаниям, многократно превосходит все то, что было достигнуто, пройдено за предшествующие этим столетиям два с лишним тысячелетия. Изменения, произошедшие с человечеством в ходе XX в., несопоставимы по своему значению и масштабам с преобразованиями, которые имели место за последние 400–500 лет. Наконец, последняя пара десятилетий ознаменовалась трансформациями, которые превосходят все то, что было в ходе XX столетия. И темпы изменений все увеличиваются.

Наиболее ощутимо, наглядно динамика современной жизни проявляется в технологической сфере, в сфере развития материальной культуры современного общества. Прежде всего это касается информационных технологий, которые буквально пронизывают сегодня жизнь общества. Однако информационные технологии лишь одна из составляющих развития технологической сферы –

развития техники, способов производства, преобразования искусственно формируемой «среды обитания» современного человека. Предметный мир меняется сегодня столь стремительно и настолько непредсказуемо, что порой не хватает воображения, чтобы представить себе даже ближайшие изменения. Что уж говорить о сколько-нибудь отдаленном будущем. Более того, проблемой в этом отношении является не столько прогнозирование, сколько осмысление происходящих процессов.

В этом контексте важно, что, наряду с трансформациями предметно-атрибутивного содержания общественной жизни, проявляются менее заметные с точки зрения повседневного мировосприятия, но от этого не менее значимые, процессы нарастания интенсивности социальных коммуникаций, взаимодействия между людьми. Так, в жизнь современного человека незаметно вошли и постоянно наращивают свое присутствие разного рода телекоммуникации – сотовый телефон, различные информационные сети, включая категорию социальных информационных сетей. И это только наиболее контрастные примеры, анализ которых способствует формированию представления, во-первых, об изменении интенсивности социального взаимодействия; во-вторых, о появлении принципиально новых его форм, качественном изменении содержания многих социальных процессов. Ведь, скажем, сотовый телефон – это не просто удобное средство общения, но мощнейший инструмент изменения образа жизни. Современный человек почти постоянно находится «на связи». Он работает, учится, организует досуг (дома, на улице и даже выбираясь на природу), активно задействуя в этих процессах информационные и технологические ресурсы, требующие для своей реализации постоянного или хотя бы периодического подключения к сети Интернет или ее аналогам. Более того, появляются формы взаимодействия людей, которые возможны исключительно в виртуальном пространстве (on-line-игры, социальные сети, интернет-форумы и т. д.). Это меняет параметры локализации индивида в социальном пространстве, трансформирует структуру его личностной сферы, на порядок увеличивает количество доступных ему и практически реализуемых им коммуникаций. Новый технологический уклад меняет темпоритм жизни современного человека.

Стремительный рост темпов общественного развития с необходимостью привлекает к себе внимание. Долгое время интерес к этой проблематике был сосредоточен в сфере философских исследований. Однако в XX столетии (особенно во второй его половине) вопросам нарастания темпов социальной и культурной динамики все больше внимания уделяют представители конкретных социально-гуманитарных наук. И связано это с тем, что общемировоззренческий, теоретический интерес к этой теме, пробуждаемый все более активно проявляющимися процессами, преобразуется в практический интерес, связанный с необходимостью решения политических, демографических, экологических, психологических и многих других проблем, вызванных невиданным прежде ускорением темпов общественного развития.

Так, вслед за исследованиями А. Тойнби, О. Шпенглера, П. А. Сорокина, К. Ясперса появляются работы представителей Римского клуба, Д. Белла, А. Тоффлера и др., наконец, исследования И. Пригожина, перекидывающие «мостик» между естественным и социально-гуманитарным знанием. Во главу угла ставится вопрос о способности человека адаптироваться к реалиям постоянного нарастания темпов социальной и культурной динамики – вопрос, который со всей остротой встает перед самыми разными направлениями социально-гуманитарного знания и перед информационной этикой не в последнюю очередь.

Тенденции развития предметной области информационной этики. Культурно-историческая рефлексия обозначенных выше процессов движется 1) через осмысление перехода от общества модерна к обществу постмодерна, затем 2) через репрезентацию современности в качестве информационной эпохи к 3) истолкованию существующих реалий в терминах «общества знания». Соответствующие интерпретативные модели имеют много общего и в то же время предполагают акцентирование различных аспектов наблюдаемого процесса. В каждой из них фиксируется увеличение темпов общественной жизни. Однако роль человека в этом процессе понимается по-разному.

В частности, постмодернистский анализ фиксирует проблему «растворения» личности в интегрирующем ее социокультурном

контексте. Индивид в этом случае воспринимается в качестве пластичного в отношении постоянно меняющихся реалий агента социального взаимодействия, агента многосоставных коммуникативных процессов. Причем технологически такое понимание воплотилось в ранних формах существования информационных сетей. Специалисты характеризуют идеологию соответствующих решений и основанную на них конфигурацию высокотехнологичных коммуникативных процессов термином «web 1.0». Это парадигма организации сети Интернет по принципу доминирования производителя высокотехнологичной продукции, программистов и администраторов информационных сетей. Именно они являются в данном случае основными субъектами формирования информационного пространства и, следовательно, несут основную долю ответственности за происходящее. Как следствие, формирующиеся в этом контексте представления об информационной этике связывают ее предметную область с профессиональной деятельностью данных субъектов.

Далее, представление о «пластичности» индивида, его способности оперативно реагировать на меняющиеся реалии, выстраивать эффективную стратегию жизнедеятельности в условиях постоянного дефицита информации еще более углубляется в исследованиях, посвященных концептуализации современного общества в качестве общества информационного [2]. Причем предлагаемая в этом контексте интерпретация все больше акцентирует внимание на проблемах, связанных с адаптационными способностями современного человека, его способностью к изменению и в то же время сохранению себя в условиях, когда сохранение человеческого в человеке все больше становится делом его индивидуальной заботы о собственной самости. Здесь прослеживается противоречие, связанное со стремлением к утверждению новых гуманистических идеалов в условиях продолжающегося влияния на умы исследователей старой парадигмы мышления.

Так, проблема адаптационных способностей человека предполагает рассмотрение его в качестве объекта, подверженного влиянию происходящих процессов, а представление о нем как о само-

стоятельно созидающем себя в условиях, когда внешние механизмы конституирования личности отступают под напором перемен, требует акцентирования его субъектных характеристик: тот, чье основное призвание – созидание, ставится здесь перед лицом разрушающего воздействия мира, в котором созидание «не предусмотрено». Результатом подобной постановки вопроса становится развитие катастрофического сознания, поскольку важнейшая для современного общества проблема формулируется изначально неразрешимым образом. Как следствие, крайне важным представляется обоснование тезиса, согласно которому новые реалии общественной жизни требуют новых подходов к анализу соответствующих процессов, иного понимания проблем, встающих перед современным обществом в условиях, когда оно приобретает качественно новые очертания.

Соответствующие интенции, по-видимому, созвучны ориентации на концептуализацию современной действительности в качестве «общества знания» (см., например, [3]), когда во главу угла ставится способность человека к развитию, формированию нового, конструированию пространства собственной жизнедеятельности. Человек в рамках заданной перспективы рассмотрения трактуется как субъект формирования своего жизненного пространства. Актуальный для него универсум – это физически, социально и духовно освоенное им (т. е. «сделанное своим») пространство жизнедеятельности. Его жизнь – перманентный, непрекращающийся процесс развития.

При этом для информационной этики данное обстоятельство имеет решающее значение, поскольку влияет на изменение ее предметной области в силу воплощения обозначенных идей и тенденций в информационно-технологической форме – на уровне новой идеологии организации информационного пространства на текущем этапе развития телекоммуникаций и сети Интернет в частности. Специалисты утверждают, что это парадигма «web 2.0» (термин предложен Тимом О’Рейли), которая приходит на смену предшествующей в 2000-х гг. и определяет развитие информационных коммуникаций в течение последних 10–15 лет. Суть данной

парадигмы заключается в перераспределении «авторских», субъектных функций в ходе формирования виртуальной конфигурации сети Интернет. Авторами контента становятся обычные пользователи, которые с каждым годом принимают все большее участие в определении формы и содержания информационных коммуникаций. И речь идет не только об авторских страничках в Интернете, но об авторизованных матрицах поисковых запросов, потребительских профилях, самостоятельно настраиваемых по своему вкусу в личных кабинетах, профилях в социальных сетях и пр. Другими словами, активными участниками, субъектами воспроизводства и развития информационного пространства виртуальной коммуникации становится большая часть пользователей сетей.

Рядовые участники коммуникативного процесса начинают коллегиально вырабатывать конвенционально признаваемые правила и нормы поведения в Сети: на различных форумах, в on-line играх, в ветках социальных сетей и пр. Начинается стихийное развитие интернет-сообществ и соответствующих этосов. Следовательно, предмет информационной этики становится значительно шире, приобретают актуальность все новые и новые проблемы. И это лишь реальность уже сформировавшейся технологической парадигмы, в то время как специалисты грезят о новой модели – так называемой «web 3.0»*, в основе которой лежит формирование программных (мета)машин, приближающихся по своим возможностям к стандартам самообучающихся систем (то, что принято называть искусственным интеллектом).

Как следствие, появляется целый класс новых проблем, которые пока еще обсуждаются сугубо гипотетически, но уже сегодня вновь расширяют проблемную область информационной этики. Возникают новые формы взаимодействия, новые сферы ответственности, что непосредственным образом влияет на взаимодействие людей, лежащие в его основе социальные нормы, модели

* Идея сформулирована руководителем «Netscape.com» Джейсоном Калаканисом еще в 2007 г. Однако ее воплощение в жизнь, как представляется, становится практически реализуемым только в последние годы.

поведения, связанные с ними системы ценностей, стратегии самореализации личности в самых различных сферах ее жизнедеятельности.

Основные проблемы информационной этики: контуры предметной области. Реальность, с которой имеет дело современный человек, качественно отличается от всех тех социокультурных и технологических образцов общественного бытия, которые нам известны из истории. Формируется новый цивилизационный уклад, и задача современной философии и науки состоит в том, чтобы осмыслить происходящее и, если не выявить законы, закономерности, дать хотя бы более-менее адекватное истолкование наблюдаемым явлениям и процессам. Нужно понять, что же это за эпоха, что за уклад и что приходит в жизнь современного общества вместе с развитием телекоммуникаций, средств и способов общения, организации нашей жизнедеятельности.

Для человека, начинающего знакомство с предметной областью информационной этики, большое значение в этом отношении имеет то обстоятельство, что перед ним раскрывается зарождающаяся область знания, в рамках которой от него требуется не только и не столько усваивать новые знания, сколько участвовать в процессе их формирования.

Этот тезис в принципе касается сегодня самых разных отраслей знания, но к зарождающимся дисциплинам, предметная область которых складывается на глазах современного человека и при его непосредственном участии, он имеет самое прямое отношение. Тем более что рост научного знания в условиях формирования и развития современных высокотехнологичных информационных сред все больше характеризуется появлением разнообразных внеакадемических дискурсов, участниками которых становятся обычные люди, способные внести свой вклад в науку, зачастую даже не имея диплома о высшем образовании. Такова, к примеру, современная волонтерская наука.

Сегодня миллионы людей по всему миру не представляют себе жизни без Интернета. Ведь посредством связанных с ним технологий большая часть знаний, накопленных человечеством, стано-

вится достоянием каждого, кто обладает доступом к этим технологиям. Имеет место качественное изменение интеллектуальной культуры. Основным критерием участия в исследовательском процессе становится в этих условиях желание осмыслить происходящее, внести свой вклад в развитие научного знания, хотя, конечно, доверие людей, профессиональных сообществ к результатам исследовательской деятельности и сегодня в значительной мере зависит от квалификации исследователя и накопленного им опыта работы, связанной с обсуждаемыми вопросами. А поскольку современные информационные среды – явление новое, крайне динамичное и малоисследованное, в том числе на уровне социокультурных и гуманитарных обобщений, то стартовые условия у большинства исследователей, включающихся в работу над осмыслением происходящих в связи с развитием интернет-технологий изменений, по большому счету не сильно различны.

Дисциплины «Информационная этика» это касается самым непосредственным образом, поскольку дает возможность довольно свободно размышлять в рамках ее предметной области об окружающих явлениях и процессах – размышлять об опасностях, которые возникают вследствие развития информационных технологий, обращаясь к проблемам информационной и кибербезопасности, безусловно, входящим в круг интересов информационной этики; рассуждать о новых возможностях, которые открываются перед современным исследователем и самими обычными людьми.

В этом контексте обнаруживаются очень интересные точки соприкосновения информационной этики и этики науки, поскольку современная наука, с одной стороны, имеет высокотехнологичный характер и большинство протекающих в ней процессов связано с развитием информационных технологий, а с другой – сами информационные технологии в существенной мере определяются в своем развитии деятельностью ученых, осуществляемыми ими научными открытиями и научно-техническими изобретениями. Наука меняет информационное пространство, но и оно меняет науку и формы ее существования в современном обществе, меняет их

порой до неузнаваемости. В этой связи вспоминается высказывание проф. В. Е. Кемерова на одном из научных форумов. Современная философия с точки зрения классической науки, утверждал он, совершенно точно не является наукой, но ведь и современная наука с точки зрения классических критериев научности тоже, строго говоря, наукой не является. И вся проблема в том, что чем дальше, тем актуальнее становятся эти слова, поскольку, скажем, с точки зрения этики науки совершенно непонятно, как сохранить модели ответственного поведения исследователя, воспроизводимые на уровне профессионального этоса, в условиях, когда в современном информационном пространстве граница между наукой и «профанной» познавательной деятельностью все более размывается. Здесь появляется целый класс проблем на стыке этики науки и информационной этики. И этим их точки соприкосновения не исчерпываются.

Далее, информационная этика смыкается со сферой информационной безопасности, которая сегодня включает в себя вопросы личной информационной гигиены. Она непосредственно соприкасается с этикой средств массовой информации, которые «живут» сегодня в высокотехнологичных информационных средах, поэтому этика журналистики, этика репортерской деятельности, этика сетевых и тому подобных СМИ напрямую связаны с информационной этикой.

Она также связана с этикой маркетинга, поскольку маркетинговая деятельность задействует новые информационные и социально-гуманитарные технологии, влияющие на развитие информационных коммуникаций и нравственную составляющую этих процессов.

Проблемные области этих дисциплин не перекрывают друг друга, но пересекаются, образуя междисциплинарные сферы исследования. Кроме того, информационная этика включает в себя профессиональную этику программистов и производителей высокотехнологичных продуктов (прежде всего информационных: компьютеры, разного рода инженерная техника, цифровые устройства

и пр.)*, киберэтику, компьютерную этику, виртуальную этику, сетевую этику, нетикет и др. (ср.: [4]).

Здесь стоит отметить, что в научной литературе исторически сложились два крайних подхода к определению предметной области информационной этики. Первый из них возник на заре «информационной эпохи» (термин М. Кастельса) и связан с узким пониманием, которое фокусируется на деятельности профессионалов-компьютерщиков, производителей цифровых продуктов и технологий, а также людей, специализирующихся на хранении, сортировке, классификации информационных баз данных (архивариусы, библиотекари, делопроизводители и т. д.). Второй возникает в последние годы и связан с предельно широким пониманием, суть которого заключается в утверждении, что в условиях информатизации и цифровизации современного общества информационная этика постепенно замещает собой традиционную этику, охватывая все основные формы существования морального сознания и реализации нравственных отношений между людьми (см., например, [5]). Вероятнее всего, истину следует искать где-то посередине, поскольку, с одной стороны, предметная область информационной этики развивается вместе с развитием современного информационного пространства и образующих его информационных сред, все глубже проникая в самые разные сферы жизнедеятельности общества, а с другой, ландшафты социокультурного пространства современного общества представлены богатым многообразием форм и видов жизнедеятельности людей, которые отнюдь не сводятся к типам коммуникации, взаимодействия, типам отношений, возникающим в связи с развитием современных высокотехнологичных информационных сред.

Итак, информационная этика – междисциплинарная область исследования, существующая на стыке специализированных этических дисциплин, на стыке теоретической и прикладной этики, общей социологии и философии, социально-гуманитарного и тех-

* Именно эта область обозначается в ряде источников термином «инфозтика» и соотносится со сложившимся в последней трети XX в. узким пониманием информационной этики.

нического знания. Ее предметная область сегодня охватывает собой этические проблемы взаимодействия людей в новых информационных средах, возникающих и развивающихся в связи с формированием в современном обществе компьютерных и, шире, цифровых технологий. Ее интересует: 1) как то новое, что появляется в сфере информационных технологий, влияет на мышление людей, их мораль и нравственные отношения; 2) как в связи с этим преобразуются основные сферы общественной жизни; 3) как это влияет на формирование и развитие новых социальных общностей и реализуемых ими видов деятельности.

Библиографические ссылки

1. *Херцог В. О.* Интернет! Грезы цифрового мира. США, 2016 // youtube.com : [портал]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=aha18sFSkRE> (дата обращения: 22.03.2019).
2. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : Изд-во ГУ ВШЭ, 2000.
3. *Ефременко Д. В.* Концепция общества знания как теория социальных трансформаций: достижения и проблемы // *Вопр. философии.* 2010. № 1.
4. *Манжуева О. М.* Основные составляющие информационной этики // *Мир современной науки.* 2014. № 3(25).
5. *Баева Л. В.* Этика информационного мира: проблемы становления и развития // *Философия и культура.* 2016. № 4(100).

Контрольные вопросы и задания

1. Когда и как возникает информационная этика?
2. Что она изучает?
3. Каковы основные факторы возникновения ее предметной области?
4. Как парадигмы развития интернет-технологий («web 1.0», «web 2.0») влияют на изменение предметной области информационной этики?
5. Назовите основные проблемы, которые изучает информационная этика?
6. Что представляют собой два крайних подхода к определению предметной области информационной этики? Почему первый из них оказывается сегодня слишком узким, а второй – слишком широким?

2.4. ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИКЛАДНОГО ЭТИКА: ТРЕНИНГ, ДЕЛОВАЯ ИГРА, ФАСИЛИТАЦИЯ

Гуманитарные технологии. Деловая игра. Этический тренинг. Фасилитация.

В современном мире растет востребованность таких форм организации командной работы и обучения, как тренинг, деловая игра и фасилитация. Они находят все более широкое применение в проведении совещаний, стратегических сессий, воркшопов, обучающих мероприятий. Особенно незаменимы данные технологии в работе специалиста, работающего в области прикладной этики, деятельность которого заключается по сути в переводе положений теоретической этики и моральных принципов в «гуманитарные технологии преобразования нравственной практики» (Л. А. Громова).

Этико-прикладное знание технологично: оно носит «исследовательский» характер (П. Г. Щедровицкий). В концепции В. И. Бакштановского оно предстает как «фронезис», т. е. «особое этическое знание-умение», «умение уметь», ценность которого раскрывается прежде всего в особом «методе передачи знания-умения от субъекта к субъекту» [1, с. 124]. Это знание, которое осуществляется в ситуации морального выбора и «проявляется в мягком теоретизировании (например, в этике воспитания)... и в технологиях связи первого со вторым» [Там же]. «Система технологий этико-прикладного знания» (Бакштановский) включает в себя этическое проектирование, этическое конструирование, этическую экспертизу, этическое консультирование, технологию управленческого воздействия на нравственно-воспитательную деятельность, а также технологии учебного «кейс-стади» и находящееся в фокусе нашего внимания этическое моделирование, к которому относятся этико-прикладные игры и тренинги. Как отмечает Бакштановский, технологии прикладной этики взаимодополнительны: этическое моделирование, будучи самостоятельной технологией, часто становится инструментом других технологий прикладной этики – экспертизы, консультирования, проектирования. Например,

управление ценностями организации (Н. Васильевне) сегодня уже немыслимо без использования таких форм, как фасилитационная сессия с целью диагностики ценностей сотрудников компании, этический тренинг по внедрению положений этического кодекса, деловые игры, направленные на работу с этическими проблемами, и т. д.

Здесь следует отметить, что фасилитация, которая представляет собой совокупность техник, облегчающих групповую работу и принятие командных решений, не может быть отнесена лишь к этическому моделированию, скорее фасилитация выступает как «вспомогательная» для других технологий. В связи с этим она может использоваться прикладным этиком как техника, облегчающая, оптимизирующая реализацию других технологий: например, в случае этического конструирования, а именно при создании документов этического содержания, она обеспечивает эффективный сбор мнений и идей. Что касается технологии учебного «кейс-стади», то она часто выступает элементом деловой игры или этического тренинга, реализуя принцип взаимодополнительности технологий. В целом данная система, представляющая своего рода «арсенал» специалиста по прикладной этике, является системой гуманитарных технологий.

Уточняя понятие «гуманитарные технологии», следует отметить, что оно разрабатывалось в рамках системомыследеятельностной методологии (СМД-методологии) отечественного философа Г. П. Щедровицкого (1929–1994) и его последователей – В. В. Мацкевича, П. Г. Щедровицкого и др. В данной традиции гуманитарные технологии – это особые технологии «воздействия» и «управления», направленные на «создание, изменение и обработку рамок и правил поведения людей» (по П. Щедровицкому). Специфика гуманитарных технологий (в отличие от производственных, где объекты и материал независимы от человека) заключается в том, что это технологии, имеющие дело с «человеческим материалом» и зависимые от человека. Их можно назвать технологиями «мягкого» человеческого влияния, социальной инженерии. Они носят «неманипулятивный», недирективный характер. По Щедровицкому,

предметом гуманитарных технологий «являются правила и рамки, задающие актуальные и потенциальные пространства для человеческого самоопределения и действия» [2]. Речь идет о создании такого рода условий, в которых человек мог бы совершить самостоятельный выбор, связанный с установками, ценностями, поведением. Цель гуманитарных технологий – реализовать жизненные интересы человека и повысить качество жизни: помочь ему самоопределиваться и адаптироваться к среде.

Понятие «гуманитарные технологии» было конкретизировано исследователями инновационного проекта Герценовского университета: «Создание инновационной системы подготовки специалистов в сфере гуманитарных технологий» (2008). Авторы проекта отмечают, что гуманитарные технологии – это ресурсоемкие технологии, где в качестве ресурсов могут представлять «этика, ценности, междисциплинарные знания, идеи, полиэтническое, поликультурное, межконфессиональное, транспрофессиональное и межличностное взаимодействие, доверие, толерантность и ответственность, перевод их в разряд деятельностных целей и задач, программ, проектов и технологических решений; наличие специалистов, способных разрабатывать и реализовывать развивающие проекты и программы; а также наличие финансов и современной информационно-материальной базы и среды» [3]. Важным представляется то, что перевод идей в деятельностную плоскость осуществляется на основе современного гуманитарного знания.

Востребованность гуманитарных технологий связана с обострением проблем взаимодействия между людьми в современном поликультурном обществе, а также с трансформацией форм этого взаимодействия. В частности, предыдущие способы регулирования коммуникации людей, основанные на манипуляции, субъектно-объектном подходе, на монологичности и авторитарности, в настоящее время себя дискредитировали. Сегодня и сознание, и организационные структуры претерпевают значительные трансформации и требуют применения новых, гуманитарных технологий, направленных на гармонизацию отношений «человек–человек», «человек–группа», «человек–организация», «человек–общество». Так,

в ситуации постоянного «серфинга» на рынке труда, когда важным становится HR-бренд, компании и организации особенно заинтересованы в привлечении и удержании сотрудников, бизнес наконец-то начинает поворачиваться «лицом» к человеку: руководство стремится понять мотивацию, ценности и даже внутренний мир сотрудника [4, с. 47]. Формами такой работы, ориентированными на выявление и работу с глубинными установками и потребностями работников организации, на интеграцию ценностей компании и ценностей сотрудников, выступают стратегические сессии, тренинги, деловые игры, фасилитации, а также такие техники, как «исторителлинг», глубинные интервью, анкетирование, посвященные исследованию лояльности, мотивации, степени удовлетворенности работой.

Особенно данные технологии востребованы в так называемых «бирюзовых организациях» (Ф. Лалу), наиболее полно воплощающих в себе тот «гуманистический» тренд современной деловой культуры, о котором идет речь. «Бирюзовые» организации автор данной концепции Ф. Лалу считает «организациями будущего», через них и в них проявляет себя новый этап в развитии сознания и общества – «бирюзовая парадигма». Данную парадигму можно определить как «тип мировоззрения, предполагающий на индивидуальном уровне стремление к самоактуализации и самоидентичности», а на уровне организационном – «задающий модель сотрудничества, основанную на принципах самоорганизации, целостности и следования эволюционной цели» [Там же, с. 49]. В своей деятельности «бирюзовые» компании ориентируются на такие ценности, как «свобода, ответственность, доверие и творчество» [Там же], а их организационная структура становится более «плоской», принципы организации и работы команд – более гибкими (agile).

В некоторых случаях взаимодействие и управление строятся по холакратическому принципу (холакратия, holacrasy, организационная модель, предполагающая децентрализацию власти, влияние каждого сотрудника на управление организацией). В данных компаниях технологии фасилитации, тренинга и деловых игр зачастую становятся ключевыми технологиями этического менеджмента

и реализуются как в формате этического моделирования, так и в форме этического проектирования или этического конструирования. Ф. Лалу в своем исследовании «Открывая организации будущего» (2014) приводит многочисленные примеры эффективного применения подобных техник: начиная с фасилитационной сессии «Поиск будущего» для совместного проектирования всеми сотрудниками компании видения дальнейшего развития и заканчивая такой, пока что «экзотической» для российской деловой культуры практикой, как медитация, ориентированной на то, чтобы услышать «голос компании».

В данном контексте деятельность специалиста по прикладной этике, использующего гуманитарные технологии для преобразования нравственной практики, представляется особенно актуальной. Технологии прикладной этики, о которых идет речь, создают пространство для проблематизации и «морального творчества» (Бакштановский). Этическое моделирование предлагает «потенциал испытания выбором», создавая, «моделируя» ситуации, в которых личность должна самоопределиться в отношении ценностей, решений, действий и результатов. «Мыследеятельностный» характер технологии предполагает целенаправленное проектирование и организацию «деятельностных полей», в которых будут осуществляться принятие решений и их рефлексия, конфликт идей и разрешение конфликта, аналитика и рефлексия поведения и мышления, новый виток в понимании собственной идентичности и в конечном итоге личностная самоидентификация.

Рассмотрим более подробно специфику данных гуманитарных технологий и их применение в деятельности специалиста по прикладной этике.

Деловую игру можно определить как метод организации активной работы в игровой форме, направленный на диагностику или смену установки и поведения участников (в отличие от игры, имеющей только развлекательную цель). Игра имитирует тот или иной аспект деятельности, нося условный характер: задает пространственно-временные характеристики моделируемой деятельности, роли участников, которые определяют различие их интересов

и побудительных стимулов в игре, регламентирует игровые действия системой правил.

Деловые игры в сфере прикладной этики или *«этико-прикладные игры» (Э-ПИ), по Бакштановскому, представляют собой «средство имитации процесса принятия решений в искусственно организованных ситуациях выбора».* Важно отметить, что Э-ПИ являются «гуманитарно ориентированными играми», т. е. «чистые» Э-ПИ достаточно редки. В связи с этим этические конфликты, ситуации морального выбора в целом присутствуют здесь скорее «в ткани» других интересов или их конфликтов. Специфика Э-ПИ состоит в то, что они моделируют конфликт не только профессиональных ролей, но и моральных субъектов. Игра задает экзистенциальный контекст, а не только помогает осваивать какой-то вид деятельности. Бакштановский отмечает, что «конфликтная природа самой игровой деятельности, закодированность в правилах игрового поведения принципов и норм культуры разрешения конфликта, конкуренции и сотрудничества, успеха и поражения сопрягаются с конфликтностью нравственных норм и правил ее разрешения в ситуации выбора» [5, с. 167]. Столкновение традиции и инновации, конфликт ценностей, риск морального выбора выступают важными элементами игрового моделирования.

Игры сегодня широко используются в области управления нравственной культурой организаций для диагностики и трансформации ценностей сотрудников и их реализации, для мотивации и тимбилдинга, для интеграции ценностей организации и сотрудника, для связывания ценностей компании и модели компетенций, а также многих других задач. Кроме того, Э-ПИ способны осуществлять «ценностный контроль», «постановку и реализацию действительно гуманных целей экспертизы, обучения, проектирования, воспитания, выбор соответствующих средств, критику прагматической «технологии управления» (Бакштановский).

Для эффективного управления нравственной культурой организации с помощью технологии Э-ПИ специалист по прикладной этике должен понимать специфику Э-ПИ, знать классификацию игр по видам, форматам, результату, типу взаимодействия; уметь созда-

вать дизайн игры, ориентированный на конкретный «запрос» участников (в дизайн входят такие элементы, как цель, концепция, портрет игрока, механика, динамика, эстетика, игровые удовольствия); проводить сопровождение игры (преддиагностику и постдиагностику), а также понимать и реализовывать роль тренера в проведении этико-прикладных игр.

Здесь следует отметить, что в Э-ПИ, как и в этическом тренинге и фасилитации, подготовка и проведение мероприятия должны осуществляться на основе глубоких знаний в области прикладной этики, а также умения применять технологии управления нравственной культурой с учетом этической «техники безопасности». Речь идет о создании в ходе мероприятия «безопасной» среды для взаимодействия и самоопределения. Так, в случае с *этическим тренингом*, в начале мероприятия происходит обязательное коллективное принятие правил взаимодействия. Эти правила должны обеспечить уважение достоинства каждого участника, вежливое отношение, конструктивную критику, добровольность и другие важные для участников принципы взаимодействия. В этом также проявляется гуманитарный характер рассматриваемых технологий, поскольку они, во-первых, создают открытое и доверительное пространство для самовыражения и взаимодействия; во-вторых, делают это опосредованно (а не директивно – предписывая правила).

Тренинг – запланированный учебный процесс, предназначенный для совершенствования имеющихся навыков и получения новых на основе собственного опыта и знаний с целью изменения поведения и (или) установок. Появившись в конце 40-х гг. прошлого века, благодаря деятельности учеников известного психолога К. Левина, сегодня тренинговая технология достаточно популярна и применяется в разных областях – от общения и досуга до личностного развития, образования и бизнес-сферы.

Этическим тренингом или, лучше сказать, «тренингом этической направленности» можно назвать тренинг, предполагающий специфические этические цели и содержание, а также, как уже было отмечено выше, этически безопасный способ взаимодействия

участников между собой и с тренером. В этическом тренинге совершенствование навыков и изменение установок и поведения – это индивидуальный проактивный процесс, хоть условием для него и является групповой формат взаимодействия. Тренинги этической направленности условно можно разделить на два типа. Первый тип – это *обучающие тренинги*, ориентированные на расширение умений, где тренер чаще всего выступает в качестве носителя готовых образцов поведения. Речь идет о тренингах по обучению поведению в конфликтных ситуациях, антикоррупционной деятельности, правилам внутренних коммуникаций, принципам и нормам делового этикета. Однако в том случае когда предстоит работать с ценностями, доверием, уважением, мотивацией и т. д. (например, в целях определения принципов и норм корпоративной этики или разработки и внедрения миссии организации и положений этического кодекса), можно говорить о втором типе тренингов, условно назовем их *«со-творческими»*.

В случае если тренинг имеет целью совместную выработку группой и отдельными участниками некоего продукта, это могут быть серьезные изменения на уровне индивидуальных установок, ценностей и мотивов участников, предполагается процесс со-творчества. На таких тренингах ведущий может выступать уже не в роли учителя, «гуру», а скорее в роли «гида» и со-исследователя в пространстве сложных и неоднозначных этических ситуаций и моральных дилемм. В некоторых случаях его роль даже может приближаться к роли фасилитатора, т. е. того, кто помогает группе собрать мнения и прийти к единому решению (например, в случае тренинга по интеграции индивидуальных и коллективных ценностей), но в данном случае – с его последующей рефлексией и шерингом. Такой тренинг, в отличие от «навыковых» тренингов, не предполагает директивности, научения «правильному» способу поведения, «правильным» установкам. Тренер и группа «вырабатывают» то поле, в котором участниками будут осуществляться самостоятельный поиск ответов на задаваемые и возникающие в процессе вопросы и обретение соответствующего образа поведения и мышления.

Тренинг этической направленности требует от ведущего не только высокого уровня квалификации, но и следования этическим принципам – диалогичности, толерантности, уважения, принятия. Особенно это актуально в случае применения таких методов тренинга, как *фасилитация* (здесь в узком смысле – сбор мнений), *модерация* (сбор мнений с целью выработки единого понятия, представления), *шеринг* (метод получения обратной связи от участников в конце занятия с целью индивидуального осознания, закрепления и переноса полученного на тренинге опыта в жизнь), поскольку эти методы предполагают нерефлексивное принятие тренером любых (но при этом соответствующих технике «этической безопасности») высказываемых идей, мнений и оценок, а также индивидуальной или групповой рефлексии после проведения упражнений, ролевых и деловых игр, в связи с видеоанализом и т. д.

Специалист по прикладной этике должен иметь как универсальные компетенции тренера, так и компетенции, связанные с указанной профессиональной спецификой, а именно должен понимать и уметь формулировать специфические цели, задачи, результаты и принципы тренинга этического содержания; разбираться в типологиях тренингов; уметь по назначению применять методы тренинга (основные из них – мини-лекция, фасилитация, модерация, индивидуальная работа, работа в малых группах, ролевая игра, деловая игра, метафорическая игра, тематические упражнения, дискуссия, «мозговой штурм», анкетирование, разминки, шеринг, видеоанализ). Он должен уметь разрабатывать тренинг, включая методическое обеспечение, осуществлять предтренинговую диагностику и посттренинговое сопровождение, оценивать результативность тренинга, а также управлять групповой динамикой и обеспечивать психологическую и этическую безопасность – свою и группы.

Фасилитация (от англ. *facilitate* – помогать, направлять, облегчать) – одновременно процесс, группа навыков и набор инструментов, позволяющих эффективно организовать групповое обсуждение. Как мы уже отмечали, эта технология сейчас очень популярна, особенно в самоорганизующихся командах, организациях «холакратического» типа, «бирюзовых» организациях. В США

и европейских странах фасилитация развивается с 50-х гг. прошлого века, в России освоение этой технологии только начинается. Фасилитационные форматы могут применяться как непосредственно в обучении специалистов организации, так и в разработке, организации, проведении и сопровождении деловых мероприятий – совещаний, стратегических сессий, воркшопов. Методы фасилитации позволяют собирать информацию, анализировать проблемы, генерировать идеи, вырабатывать и оценивать варианты решения, достигать консенсуса и принятия решений, планировать действия.

Специфика фасилитации заключается в том, что ведущий, фасилитатор, занимает нейтральную позицию и не берет на себя принятие решения, а лишь помогает участникам идентифицировать проблемы и принимать решение с помощью конструктивного обсуждения. В этом плане фасилитация, безусловно, может считаться гуманитарной технологией. Она носит диалогичный и демократичный характер, основывается на соблюдении «этики дискурса» (Ю. Хабермас). Данная «этическая» ориентированность технологии фасилитации раскрывается в таких правилах, как исследование процесса в противовес всеведению; открытость и искренность; равенство всех участников; важность каждого мнения; установка на то, что «все люди умны и могут эффективно решать задачи» (Л. Дудорова).

Являясь технологией толерантного и бесконфликтного обсуждения сложных вопросов, в том числе этического характера, фасилитация в деятельности прикладного этика сегодня – незаменимый инструмент. С помощью фасилитационных техник можно быстро и эффективно осуществлять сбор идей и мнений по любой этической проблеме, проводить мониторинг настроений и уровня доверия коллектива, диагностику мотивации, индивидуальных ценностей, их интеграцию с ценностями организации, выработку единых ценностей и принципов корпоративной культуры и этики и многих других.

Прикладной этик должен знать и уметь подбирать методы и техники фасилитации в зависимости от цели и специфики мероприятия, условий и состава участников. На сегодня насчитывается

более 500 фасилитационных техник. Среди наиболее популярных – «Мировое кафе» (The World Café), «Поиск будущего» (Future Search), «Выход за рамки» (Work Out), «Открытое пространство» (Open Space), «Поляризация мнений» (Polarization of opinion), «Конференция поиск» (Search Conference), «Динамическая фасилитация» (Dynamic Facilitation), «Саммит позитивных перемен» (Appreciative Inquiry Summit) и др. Например, техника фасилитации «Мировое кафе» применяется для больших групп и помогает создавать живое обсуждение комплексного вопроса, актуального для организации. В нашем случае это может быть, например, принятие корпоративных ценностей или разработка программы управления КСО.

Прикладная этика, ориентированная на обеспечение «технологии эффективного взаимодействия» [1, с. 108], требует от специалиста по прикладной этике среди прочих овладения такими компетенциями, как способность внедрять нравственные практики в межличностные и социальные взаимодействия сферы бизнеса и в организационно-управленческую деятельность, способность работать с процедурами и приемами прикладной этики при разрешении вариативных моральных проблем, а также способность внедрять этические практики при принятии и реализации тактических и стратегических решений в управлении обществом, организациями и социальными сообществами. Полное овладение специалистом данными компетенциями сегодня немислимо без освоения таких гуманитарных технологий, как этический тренинг, деловая игра и фасилитация, что, в свою очередь, требует от прикладного этика систематической отработки тренинговых, игровых и фасилитационных технологий, методов и приемов.

Библиографические ссылки

1. Бахитановский В. И., Согомонов Ю. В. Введение в прикладную этику. Тюмень : НИИ приклад. этики ТюмГНГУ, 2006.
2. Щедровицкий П. Гуманитарные технологии и реальная политика // gtmarket.ru : [портал]. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/70> (дата обращения: 18.04.2019).

3. Гончаров С. А. Гуманитарные технологии в образовании и социальной сфере // cyberleninka.ru : [портал]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/gumanitarnye-tehnologii-v-obrazovanii-i-sotsialnoy-sfere> (дата обращения: 18.04.2019).

4. Алашеева Р. В. Современные трансформации персональной идентичности в сфере труда: «бирюзовая парадигма» (Ф. Лалу) // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2018. № 7(6А). С. 45–57.

5. Прикладная этика: «КПД практичности» // Ведомости. Вып. 32, специальный : Прикладная этика : «КПД практичности» / под ред. В. И. Бакштановского, Н. Н. Карнаухова. Тюмень : НИИПЭ, 2008. С. 82–108.

Контрольные вопросы и задания

1. Раскройте понятие «гуманитарные технологии».
2. В чем заключается специфика этического тренинга?
3. Каковы возможности технологии этико-прикладных игр (Э-ПИ) в деятельности прикладного этика?
4. Почему фасилитация – незаменимый инструмент специалиста по прикладной этике? Назовите основные методы и техники фасилитации, а также варианты их применения в процессе внедрения нравственных практик в организации.
5. Назовите основные принципы «этической безопасности» при организации и проведении этического тренинга, Э-ПИ и фасилитаций.

2.5. КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА И КОРПОРАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КОМПАНИЙ

Корпоративная культура. Корпоративные ценности. Корпоративное поведение компаний. Правила корпоративной этики.

Крупная компания (корпоративная структура), как правило, создается на основе договора об объединении предприятий-участников, формируемого в целях совместного выполнения хозяйственных, научных, культурных, управленческих и других функций компании (бизнеса).

Основным приоритетом крупной компании является улучшение качества жизни в России посредством реализации масштабных

приоритетных национальных инфраструктурных проектов. Идеи корпоративного поведения в этом случае очень важны, поскольку влияют на эффективность управления компанией и поскольку профессионалы являются основным активом, приносящим пользу компании и повышающим ее стоимость.

Корпоративная структура – это такая организация бизнеса, которая определяет место и роль каждого структурного подразделения или отдельного физического лица в компании, а также набор сводов и правил, которыми пользуется руководство в процессе ее управления. Так называемый структурный сценарий компании отводит менеджерам и лидерам основополагающие роли в процессе постановки целей и определения миссии компании, очерчивает взаимосвязи между структурой и внешней средой компании, что позволяет разработать четко определенный набор инструментов и способов взаимодействия, соответствующих выбранной цели.

Корпоративной культурой предусматривается, что кадровая структура воспринимает объединенные компании холдинга и людей, которые в ней трудятся, как семью, в которой каждый человек соответствует определенному месту в соответствии со своими потребностями, навыками и взаимоотношениями в системе иерархии. Руководство кадрового управления должно понимать, что люди являются «стержнем» любой организации. Если люди чувствуют, что организация реагирует на их потребности и поддерживает их личные цели, они обеспечат приверженность и лояльность.

Этическая составляющая корпоративной структуры рассматривает компанию как арену, где возникают постоянные конфликты индивидуальных и групповых интересов. Руководство должно стремиться к тому, чтобы менеджеры признавали реальность и знали, как бороться с конфликтами. В любой организации и за ее пределами различные группы интересов, каждая из которых имеет свою повестку дня, борются за ограниченные ресурсы компании. Не всегда достаточно дать всем сторонам то, что они хотят; в любой компании, в любой среде всегда будут сохраняться борьба и конфликт интересов.

Специфика российских компаний. Российские компании склонны проявлять специфические особенности и характеристики в стратегических, протокольных и этикетных целях. Вследствие этого российские бизнесмены и лица, принимающие управленческие решения, не всегда способны объединить такие, часто самоисключающие, компоненты, как этика, риски, безопасность и совершенствование (модернизация) производства, в единую сознательную систему. Корпоративная культура связана с планами, ожиданиями, мечтами, наставлениями и конкретными правилами компании. Кроме того, российские компании по-прежнему твердо убеждены в том, что прямые обращения к совести отдельных сотрудников могут достичь большего, чем путем внедрения культуры в производство, коммуникации и бизнес-процессы. Конечно, если корпоративная культура опирается исключительно на прямое обращение, она может в какой-то момент стать совершенно неуправляемой. В этом случае совет директоров либо владельцы могут не захотеть иметь дело с определенными негативными последствиями. Опыт показывает, что российские компании все чаще ощущают влияние корпоративной культуры в процессе решения своих проблем. В отечественной практике преобладают два мотива создания корпоративной специфики:

1) доступ к IPO, необходимость соответствовать международным стандартам ведения бизнеса;

2) необходимость повышения качества управления персоналом – интеграция компании (часто в связи со слиянием активов, слияниями и поглощениями), внедрение единых стандартов поведения (стандартов), формирование культурной идентичности.

Основанная на этических принципах системная стратегия развития любого бизнеса позволяет обеспечить компании прочную положительную репутацию (доброе имя или гуд-вилл), занятие определенного сегмента рынка, повышение конкурентоспособности, а также повышение инвестиционной привлекательности.

Реализация этических корпоративных ценностей в компании осуществляется на двух уровнях – корпоративном и общественном. Корпоративный уровень подразумевает повышение эффективности

корпоративного управления компании в целом, что связано с вопросами информационной прозрачности и открытости корпоративной структуры, отношений с акционерами и другими заинтересованными сторонами (кредиторами, партнерами, клиентами, поставщиками, персоналом компании, органами государственной власти и т. д.).

Общественный уровень выбирает инициативы собственника по увеличению социальной значимости компании, способствует определению ее места в социуме, взаимодействию с общественными организациями, СМИ и обществом в целом.

Корпоративная культура любой компании является уникальной и определяется множеством параметров (например, личностными качествами собственников бизнеса, структурой и динамикой соответствующего рынка, географическим месторасположением), и содержит в себе два основных аспекта – корпоративные ценности и корпоративные процедуры.

Корпоративные ценности являются качественными этическими параметрами, которые являются наивысшими нравственными категориями для сотрудников компании. Корпоративные процедуры – это зафиксированные официально и «неписанные» правила поведения, основанные на указанных ценностях нормы делового этикета.

При изучении корпоративной культуры компании в первую очередь оцениваются внешние, организационные характеристики: производимая компанией продукция, ее качество, а также технологии ее изготовления, оказываемые услуги или выполненные работы, управленческая иерархическая архитектура компании, корпоративное поведение сотрудников, взаимодействие, общение, корпоративный стиль, корпоративные атрибуты, слоганы, девизы и т. д.

Второй, более глубокий аспект корпоративной культуры определяется ценностями и принципами, разделяемыми сотрудниками компании (моральные эталоны и этические нормы), определяющими поведение персонала компании. Нормы корпоративного поведения могут быть закреплены рамками корпоративной культуры в форме кодексов или стандартов поведения [1, с. 1].

Корпоративные кодексы представляют собой определенный набор правил в форме общих принципов и рекомендаций по реализации корпоративных отношений и построению корпоративной среды компании. Как правило, внимание в корпоративных кодексах направлено на регулирование порядка осуществления акционерами права голоса, на процедуры формирования и деятельности совета директоров, на раскрытие и объемы информации и степень прозрачности деятельности компании, а также на другие механизмы и процедуры обеспечения и защиты прав инвесторов.

Кодекс корпоративного поведения может предоставить компаниям новые возможности, а значит, и потенциально повысить их стоимость. Одной из основных задач указанного кодекса состоит в создании на основе международных стандартов оптимальной модели корпоративного управления в условиях действующего законодательства. Соблюдение компаниями рекомендаций кодекса и соблюдение международных стандартов корпоративного управления является одним из основных факторов успешности и результативности компании на рынке и во взаимоотношении с акционерами, что способствует построению эффективной структуры управления компанией.

Стержень корпоративной этики формируется собственниками бизнеса и непосредственно связан с их накопленным жизненным опытом и мировоззрением, поэтому личностные качества собственников начинают воплощаться, реализовываться и проецироваться на создаваемые ими компании (корпоративные структуры) [2, с. 445]. Предприниматель создает бизнес для достижения своей определенной цели, в первую очередь это создание и рост стоимости компании (т. е. приобретение и увеличение объемов прибыли компании, а также сроков ее получения). При этом каждый сотрудник корпоративной структуры обладает индивидуальными способностями и возможностями, поэтому компания в целом – это своеобразный симбиоз интеллектуальных потенциалов ее работников [3, с. 1]. Как следствие, на ведущую позицию выходит задача создания такого внутрикорпоративного кодекса поведения и этики [4, с. 1], которые будут способствовать достижению общей цели –

увеличению стоимости компании. Для этого руководством компании культивируются те символы и ценности, которые являются универсальными нравственными требованиями и нормами поведения, реализуемыми в профессиональной деятельности, и используются как средство, которое будет способствовать динамичному развитию компании [1, с. 1]. Поэтому процедуры корпоративной этики должны быть направлены на оптимизацию взаимоотношений на всех уровнях иерархии бизнес-процессов как по горизонтали, так и по вертикали корпоративной структуры.

Управление компанией, которое основывается на стратегических целях акционеров и использует миссию компании как средство достижения обозначенных целей, должно быть этически корректным на всех его этапах. Необходимо сформировать такую систему ценностей и этических норм и процедур, которая могла бы обеспечить генерацию и сохранение интегральных и стабильных ценностей, принципов, правил поведения и принятия управленческих решений в компании. Обоснованная система норм должна быть устойчивой, но одновременно, она должна иметь возможность своевременно и адекватно адаптироваться к быстроменяющимся внешним и внутренним факторам функционирования компании в целях сохранения стабильности компании и обеспечения конкурентоспособности в занимаемом ею сегменте рынка.

Корпоративная этика позволяет унифицировать цели и стремления работников компании на всех уровнях, обеспечить четкую постановку задачи и определить условия ее оптимального решения [2, с. 445].

Правила корпоративной этики определяют как нормы поведения сотрудников компании, принципы взаимодействия между функциональными подразделениями корпоративной структуры, так и этические принципы взаимоотношений с внешней средой бизнеса, в том числе и с государством. Отношения внутри и вовне компании должны строиться по принципу справедливости, прозрачности, открытости, доброжелательности, взаимопомощи, уважительного отношения ко всем участникам бизнес-процессов и конкурентам, с соблюдением принципов демократизма, эффективности, оператив-

ности и законности функционирования бизнеса с применением государственного и научного походов при формировании корпоративной этики [3, 1]. Такая система этических правил и норм компании позволяет команде работать как единое целое на всех уровнях организационной структуры, что способствует достижению основной цели бизнеса.

На этапе формирования компании еще нет окончательно сформированной этической системы. Бизнес реализуется, основываясь на общечеловеческих этических принципах. На том этапе каждый сотрудник не нацелен на создание рыночной стоимости компании, а стремится защитить собственные интересы, достичь собственных целей и реализовать собственные амбиции. С течением времени в процессе взаимодействия построения общего бизнеса и создания компании сотрудники начинают стремиться к развитию и укреплению создаваемой внутренней структуры бизнес-единицы. К новому этапу становится закономерным возникновение потребности унификации норм и правил ведения бизнеса, а также межличностного взаимодействия. Происходит корректировка групповых целей, совмещение их с личными интересами, таким образом формируется уникальная внутренняя структура компании.

На этапе становления компании в связи с увеличением объемов реализованной продукции (работ, услуг) и ростом бизнеса соответственно увеличивается и количество контактов между заинтересованными лицами. Необходимость быстро принимать эффективные управленческие решения формирует потребность объединения личных целей. Понимание того, что важнейшей целью сотрудников всех подразделений является увеличение стоимости компании, приводит к необходимости формирования общих, корпоративных, этических правил ведения бизнеса [3, с. 1]. Для этого участники объединяются в команду, понимая все преимущества данного способа взаимодействия. Образовавшаяся структура, ориентируясь на достижение общих целей, одной из которых является максимизация стоимости компании, должна выработать систему единых внутрикорпоративных ценностей и правил поведения, единых принципов и правил принятия решений в компании, единых правил взаимодействия с внешним окружением и контрагентами бизнеса.

Единые правила корпоративной этики позволяют каждому сотруднику наиболее полно реализовать имеющиеся знания, способности, навыки и имеющийся опыт, дают возможность самосовершенствования, постоянного развития профессиональных качеств и карьерного роста. Объединенные едиными этическими принципами сотрудники компании ощущают себя неотъемлемой частью бизнес-процессов, а следовательно, и создателями определенных конечных продуктов, чем в итоге и увеличивают ее стоимость. Все вышеперечисленное является мощным мотивирующим фактором, дающим возможность всем участникам корпоративной структуры, задействованным в создании стоимости своей компании, почувствовать свою необходимость и значимость в общем деле, способствует сплочению команды, развитию внутрикорпоративного доверия при наличии солидарной финансовой ответственности за результаты своей работы. Чувство поддержки и доверия формирует особые взаимоотношения между сотрудниками внутри конкретной компании и определенного бизнес-процесса как по горизонтали (между бизнес-процессами), так и по вертикали, которая представляет иерархию бизнес-процессов [1, с. 1].

По мере развития бизнеса развивается и компания. Становление в ней этики деловых отношений способствует ее росту и развитию. Кроме того, вклад каждого сотрудника в развитие компании, т. е. оптимальное применение им имеющихся знаний, умение создавать и реализовывать идеи, направленные на количественное и качественное повышение эффективности, прибыльности и конкурентоспособности компании, имеет выражение в соответствующем денежном эквиваленте. Это также является сильнейшим мотивирующим фактором, направленным на увеличение стоимости компании. Сотрудник, получая заработную плату, которая имеет прямую зависимость от финансового результата, заинтересован в развитии бизнеса, в повышении стоимости компании, поскольку это напрямую затрагивает и его личные интересы. Поэтому сотрудник должен быть заинтересован в повышении своей индивидуальной ценности для компании, так как это позволяет ему претендовать на более высокую материальную компенсацию относительно его

вклада в общее дело. Реализуя стоимостный подход в собственной деятельности, «работник начинает рассматривать себя не просто как наемного работника, а как равноправного участника бизнеса, что позволяет развивать внутреннее предпринимательство» [5, с. 445].

Этические ценности в компании на данном этапе ее развития должны быть реализованы в полном объеме. Между акционерами и работающими по найму сотрудниками компании сформированы доверительные отношения, которые позволяют, с одной стороны, осуществлять эффективное руководство компанией, с другой – реализовать свои цели в рамках общей стратегии. Мотивационным фактором для сотрудников начинает выступать престижность работы в данной компании [1, с. 1]. На текущий момент времени фирма достигла наивысшего положения в существующем качестве своего развития. Принятые ранее правила корпоративной этики на данном этапе, как ни парадоксально, начинают замедлять развитие компании, так как для новых качественных изменений необходимо изменение сложившейся структуры, а это процесс длительный и достаточно болезненный, требующий переориентации на новый продукт или освоение нового рынка сбыта.

Одно из наиболее эффективных действий, которое может предотвратить спад, – качественное изменение существующей системы, что возможно, как отмечают эксперты [3, 5], только при проведении реорганизации компании. В целях осуществления реинжиниринга сложившейся структуры необходимо понимание и признание ее акционерами (собственником) того факта, что сформированная структура не является незыблемой, что новая конкурентная среда и новые технологии требуют принципиально иных подхода и поведения.

Осуществление преобразований и нововведений требует изменения прежде всего системы этических ценностей и процедур компании. Должны быть изменены взгляды и ценности сотрудников, их модели поведения в коллективе. Необходимо провести аттестацию сотрудников и экспертизу их профессиональных компетенций, способностей к обеспечению роста производительности труда, инновационной деятельности. На основании указанных процедур

в компании внедряются новые модели поведения и этики деловых отношений.

Функциональные изменения, затрагивающие управление компанией в целом (управление рисками, в том числе и этическими, организационной структурой), должны исходить от руководства компании, а изменения методов, технологий и должностных обязанностей – от сотрудников бизнес-единицы. Поощрение инициативы, идущей снизу, дает сотрудникам возможность сделать свою работу более эффективной и производительной на основе их собственного представления о ней. При достаточной мотивации сотрудники компании с готовностью выходят за рамки своих функциональных обязанностей и должностных инструкций, стремясь способствовать осуществлению преобразований, решению возникших проблем.

В результате преобразований должна быть создана и новая структура этических отношений на всех этапах бизнеса, которая будет соответствовать сложившейся ситуации и способствовать дальнейшему развитию и эффективному функционированию компании, а следовательно, и увеличению ее рыночной стоимости.

Библиографические ссылки

1. *Яхонтова Е. С.* Деловая этика и подходы к управлению персоналом // *ldst.ru* : [портал]. Студия развития Лидерства, 2011–2013. URL: <http://www.ldst.ru/leadership/delovaya-etika-i-podkhody-k-upravleniyu-personalom> (дата обращения: 25.07.2019).
2. *Городнова Н. В., Чернов С. С.* К вопросу влияния корпоративной этики на стоимость компании // *Проблемы современной экономики* : Евраз. международ. науч.-аналит. журн. 2009. № 4(32). С. 444–446.
3. *Ермишина Е. Б.* Корпоративная культура как основополагающий фактор успешного развития организации // *Науч. вестн. Юж. ин-та менеджмента*. 2017. № 1. С. 56–62.
4. *Вартанян А. М.* Кодекс корпоративного поведения как регулятор корпоративных отношений // *Проблемы гражданского права и процесса* : сб. науч. ст. Гродно, 2018. С. 375–382.
5. *Красникова Е. А., Морозько В.* Программа compliance в американских компаниях // *Корпоративный юрист*. 2008. № 1. С. 42–44.

Контрольные вопросы и задания

1. Что такое «корпоративная культура»? Что составляет основу корпоративной культуры?
2. Как влияют на развитие компании ее этические принципы?
3. Как осуществляется реализация этических корпоративных ценностей в компании?
4. Что такое «корпоративный кодекс»? Какие возможности для компании открывает внедрение в ее деятельность корпоративного кодекса?
5. Каковы причины создания корпоративной специфики в Российской Федерации?

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

ЭТИКА БИЗНЕСА

Анализ выгод и затрат (англ. *cost-benefit analysis*) – метод оценки, применяемый при принятии решений и позволяющий определить как преимущества (выгоды), так и недостатки (затраты), связанные с определенным проектом или политикой. Для того чтобы облегчить принятие решения по предлагаемому проекту, желательно составить список всех его преимуществ и недостатков и охарактеризовать каждый из них как можно более подробно. Затем лицо, принимающее решение, может сопоставить все «за» и «против» друг с другом и, по крайней мере в идеале, принять решение, основанное на знании всех соответствующих факторов.

Блеф (англ. *bluffing*) – поведение, направленное на формирование преувеличенного представления о себе, своих возможностях и средствах ведения конкурентной борьбы. В прикладной этике блеф исследуется и обсуждается преимущественно в рамках бизнес-этики, однако в целом получает мало внимания среди исследователей. В большинстве случаев блеф оказывается побочной темой для обсуждений в контексте более общих исследований бизнес-торгов или ситуаций переговоров. В этической литературе часто встречаются примеры блефа в контексте купли-продажи домов, автомобилей, а также игры в покер. Тем не менее ряд исследователей (например, Дж. Бренкерт) считает, что блеф широко распространен за пределами бизнеса и покерных игр – в социальном управлении, некоммерческих видах деятельности и даже в семейных отношениях. Блеф можно обнаружить в играх и конкурентных ситуациях, не подразумевающих переговоры. Дж. Бренкерт приводит разнообразные примеры блефа в игровых видах спорта и военных действиях. Блеф может возникать и в повседневных ситуациях, когда некто желает заполучить нечто, доступ к чему заблокирован кем-то другим, и использует для этого некоторый вид «ловкого»

поведения, вербального или невербального, искажающего истину. Таким образом, карьерист может, используя блеф, добиться значительного продвижения по «служебной лестнице», открывая «закрытые двери» и попадая в «круг избранных». Аналогичным образом соискатели при приеме на работу могут блефовать в процессе собеседования.

Бойкот (англ. *boycott*) – акт добровольного, преднамеренного воздержания от использования, покупки чего-либо, а также от взаимодействия с человеком, организацией или страной как выражение протеста, обычно по моральным, социальным, политическим или экологическим причинам. Бойкот осуществляется в тех случаях, когда одна сторона или более просят потребителей отказаться от использования услуг или товаров организации с целью достижения некоторой цели. Цель бойкота может быть инструментальной (например, достижение изменений политического курса) или предельно выразительной (например, выражение морального презрения). В подавляющем большинстве случаев подразумевается и то и другое. Термин «бойкот» впервые был использован в спорах между британским управляющим Чарлзом Каннингемом и его ирландскими работниками. Отказ этих работников обрабатывать его землю в рамках кампании защиты прав трудящихся 1880 г. привел к появлению в английском языке глагола «бойкотировать». Когда Бойкотт начал бороться против этой забастовки, работники поклялись подвергнуть Бойкотта полному ostracismu.

Взятничество и вымогательство (англ. *bribery and extortion*) – различные, но связанные между собой коррупционные действия, которые могут представлять значительную угрозу для системы социального обеспечения, законных бизнес-практик и политической стабильности. В подавляющем большинстве юрисдикций оба действия считаются незаконными, и существует общераспространенное согласие о том, что они аморальны. Однако этический анализ взятничества и вымогательства осложняется двумя факторами. Во-первых, на практике зачастую бывает трудно отличить их друг от друга; во-вторых, моральная вина участников взятничества и вымогательства может существенно различаться в разных

обстоятельствах. Современные исследования в этике бизнеса фокусируются на природе и объяснении взяточничества и основных видов вымогательства, а также на вариантах их пересечения. Значительное внимание уделяется анализу их морального статуса.

Коллективная ответственность (англ. *collective responsibility*) – ответственность организаций, групп и сообществ. Понятие коллективной ответственности, как и понятия личной и разделяемой ответственности, в большинстве случаев выражает причинную ответственность моральных агентов за вред в мире и ответственность, которую мы приписываем им за причинение такого вреда. Таким образом, оно, как и два других понятия, почти всегда является понятием скорее моральной, чем чисто причинной ответственности. Но, в отличие от двух других понятий, оно не связывает причинную ответственность или вину с отдельными индивидами и не локализует источник моральной ответственности в свободной воле индивидуальных моральных агентов.

Понятие коллективной ответственности связывает причинную ответственность и вину с группами и локализует источник моральной ответственности в коллективных действиях, предпринимаемых этими группами. Поскольку понятие коллективной ответственности подразумевает, что именно группы, а не их индивидуальные члены являются моральными агентами, в последние годы оно подверглось тщательному исследованию как методологическими, так и нормативными индивидуалистами. Методологические индивидуалисты оспаривают саму возможность связывания моральной деятельности с группами, а не с их индивидуальными членами. Нормативные индивидуалисты утверждают, что коллективная ответственность нарушает принципы индивидуальной ответственности и справедливости. В ответ на эти возражения сторонники коллективной ответственности стремятся показать, что коллективная ответственность, а также групповые намерения, коллективное действие и групповая вина метафизически возможны и могут справедливо приписываться агентам, по крайней мере в некоторых, если не во всех, случаях.

Компромисс (англ. *compromise*) – разрешение конфликтной ситуации путем взаимных уступок или сама уступка, осуществляемая для достижения какой-либо цели. Компромисс является неизбежной частью сосуществования людей – от бытовых ситуаций выбора до больших вопросов мировой политики. Эдмунд Берк отмечал, что «всякое правление, а в действительности каждая человеческая выгода и наслаждение, как и каждое благоразумное действие, основываются на компромиссе и взаимообмене». Для создания и использования многих выгод социального сотрудничества индивиды так или иначе должны идти на уступки по отношению друг к другу. Несмотря на свою широкую распространенность, компромисс порождает ряд сложных философских проблем. Одна из проблем является концептуальной: что есть компромисс и чем он отличается от аналогичных социальных явлений, например, консенсуса и заключения сделок? Другая проблема связана с сомнительной этикой компромисса, особенно по поводу морально значимых вопросов. Компромисс может играть благотворную роль, способствуя сотрудничеству, но он также может подразумевать и принесение в жертву важных ценностей. Могут ли существовать моральные доводы в пользу подлинного морального компромисса, и если да, то какую форму они могут принимать? Существуют ли какие-либо границы морального компромисса? Все ли моральные обязательства в конечном счете являются предметом переговоров и переуступок? Этот круг вопросов по поводу компромисса активно обсуждается исследователями в настоящее время.

Конфликт интересов (англ. *conflict of interest*) – совокупность обстоятельств, создающих риск того, что профессиональное суждение или действия в отношении первичного интереса будут чрезмерно подвержены влиянию вторичного интереса. Первичный интерес – это главные цели профессии или деятельности, например, защита клиентов, здоровье пациентов, цельность исследований и обязанности государственного служащего. Вторичный интерес включает в себя личную выгоду и не ограничивается только финансовым усилением. Он также включает в себя такие мотивы, как желание профессионального успеха или желание доставить

радость семье и оказать услугу друзьям. Эти вторичные интересы сами по себе не считаются неправильными, но становятся нежелательными, когда приобретают больший вес, чем первичные интересы. Правила конфликта интересов в публичной сфере главным образом фокусируются на финансовых отношениях, поскольку они являются относительно более объективными, поддающимися количественному измерению, и обычно подразумевают политическую, правовую и медицинскую сферы.

Корпоративная культура (англ. *corporate culture*) – в широком смысле культура любой организованной группы или учреждения, в узком смысле – культура бизнес-корпорации. В большинстве контекстов, однако, оба этих смысла являются взаимозаменяемыми. В бизнес-этике ведутся споры по вопросу о том, что является более важным для корпорации – стратегия, часто рассматриваемая как основание для принятия решения, или корпоративная культура, существенным образом определяющая поведение корпорации. Однако тема корпоративной культуры выходит за рамки споров по поводу того, что является более важным. Проведенный в 2009 г. Ресурсным центром этики (США) национальный опрос по бизнес-этике зафиксировал наличие этического компонента корпоративной культуры. Его результаты показывают, что этическая корпоративная культура «продолжает оказывать глубокое влияние на давление, наблюдаемые проступки, сообщения о наблюдаемых проступках и степень репрессивных реакций, направленных против сообщающих». Также обнаруживается, что действия и представления топ-менеджеров приводят этическую культуру компании в движение и оказывают значительное влияние на результаты деятельности.

Корпоративная социальная ответственность (англ. *corporate social responsibility*) – широкий многозначный термин, в целом указывающий на то, что у бизнеса есть обязанности, выходящие за пределы рентабельности. Эти обязанности могут включать в себя благотворительность, социально прогрессивные схемы найма и стимулирования, более тесное взаимодействие с сообществом, заботу об окружающей среде и будущих поколениях посредством

«устойчивой практики». Корпоративная социальная ответственность часто противопоставляется представлению о том, что единственной целью частной компании является максимизация экономической эффективности, приносящей наибольшие доходы акционерам. Термин также используется для обозначения саморегулирования бизнеса. Деятельность в русле корпоративной социальной ответственности может быть мотивирована необходимостью для бизнеса проявлять различные инициативы или необходимостью удовлетворения интересов стейкхолдеров.

Корпоративное управление (англ. *corporate governance*) в самом широком смысле – правила, политические курсы, обычаи, институты и законы, влияющие на деятельность организации. В этом смысле корпоративное управление связано с явлениями, которые философы называют «прескриптивными» («предписательными») или направляющими действие. Правила, политические курсы и другие элементы управления – это то, что направляет или контролирует фирму. Термин «корпоративное управление» обычно употребляется в отношении коммерческих фирм, т. е. таких фирм, которые создаются с целью получения прибыли своими собственниками. Коммерческие фирмы могут быть либо «частными», т. е. находящимися в собственности конкретной группы инвесторов, либо «публичными», когда их акции обращаются на бирже. Иногда термин «корпоративное управление» применяется к предприятиям, находящимся в собственности государства. Вообще определения понятия «корпоративное управление» весьма разнообразны. В современном мире, где корпорации доминируют во все более крупных сегментах общества, вопрос о том, как они управляются, т. е. вопрос о корпоративном управлении, является жизненно важным.

Коррупция (англ. *corruption*) – в широком смысле форма мошенничества или криминальной деятельности, осуществляемой человеком или организацией, наделенными властными полномочиями, часто с целью незаконного приобретения выгоды. Несмотря на то что литература о коррупции, ее причинах и последствиях огромна, в настоящее время имеется существенный недостаток в хорошо разработанных подходах к проблеме коррупции. Отчасти

это связано с тем, что концептуальный анализ является прерогативой философии, и очень немногие философы фокусируют свое внимание на теме коррупции. Многие подходы исходят из представления о коррупции как о злоупотреблении властью со стороны государственных должностных лиц, мотивированных личной выгодой. Например, Дж. С. Най дает следующее определение коррупции: «Коррупция – это злоупотребление властью со стороны государственного чиновника для личной выгоды». Хотя определения в этой области неизбежно являются до некоторой степени условными и связанными с целями конкретных исследователей, определение Дж. С. Ная оказывается проблематичным, поскольку оно претендует на статус общего определения, пригодного для использования в связи с коррупцией во всех ее главных формах и институциональном окружении.

Позитивная дискриминация (англ. *affirmative action*) – меры, предпринимаемые с целью увеличения представительства женщин и меньшинств в таких сферах, как трудоустройство, образование и культура, из которых они исторически были исключены. В тех случаях когда эти меры подразумевают преференциальный отбор (отбор на основе гендера или национальности), позитивная дискриминация порождает интенсивную полемику. Исторически и на международном уровне поддержка позитивной дискриминации была направлена на достижение таких целей, как преодоление неравенства в сфере занятости и оплаты труда, расширение доступа к образованию, поощрение разнообразия. В разных странах и регионах причины и характер осуществления позитивной дискриминации разные. В некоторых странах, например в Индии, используется система квот, согласно которой определенный процент государственных и политических должностей, а также вакансий в школах должен быть зарезервирован для членов определенной группы. В других странах, где квоты не используются, членам меньшинств отдают предпочтение или уделяют особое внимание в процессах отбора. В США позитивная дискриминация в сферах занятости и образования была предметом правовых и политических споров. В 2003 г. решения Верховного суда США позволили

образовательным учреждениям рассматривать расовую принадлежность как фактор при приеме студентов при запрете использования квот. В других странах, например в Великобритании, позитивная дискриминация считается незаконной, поскольку не выражает одинакового отношения ко всем расам и национальностям. В таких странах основное внимание уделяется обеспечению действия принципа равных возможностей.

Совесть и профессионалы (англ. *conscience and professionals*) – тема исследований в современной бизнес-этике и в профессиональной этике, связанная с различием совести частной, личной, индивидуальной, религиозной и совести профессиональной. Некоторые исследователи (например, М. Уикклер) указывают на то, что проявления совести у профессионалов могут основываться на понимании ими норм и стандартов соответствующих профессий. Такие проявления совести обозначаются как «проявления совести, сохраняющие профессиональную цельность».

Этика бухгалтерского учета (англ. *accounting ethics*) – часть этики бизнеса и область прикладной этики, исследование моральных принципов и ценностей в их применении к регистрации, обобщению, обработке и распространению финансовой информации о хозяйствующих субъектах (например, предприятиях и корпорациях). Этика бухгалтерского учета развивается в рамках профессиональной этики. Принципы бухгалтерского учета были разработаны в XV в. итальянским математиком Лукой Пачоли и позднее были усовершенствованы профессиональными организациями и независимыми компаниями. В настоящее время во многих странах образовательные программы высших учебных заведений по бухгалтерскому учету включают в себя курсы этики. Также обучающие программы по этике для бухгалтеров и аудиторов предусмотрены во многих компаниях. Особое внимание к этике бухгалтерского учета в настоящее время связано с бурным развитием бухгалтерских услуг, а также с имевшими большой резонанс провалами в деятельности некоторых корпораций. Эти провалы в значительной степени пошатнули устоявшееся общественное восприятие бухгалтерской профессии. Стремление организаций бороться с прояв-

лениями мошенничества в бухгалтерском учете выражается в разработке этических мер и регулятивов, применяемых в профессиональной среде.

Этика маркетинга (англ. *marketing ethics*) – область прикладной этики, исследующая моральные принципы осуществления и регулирования процессов создания, продвижения и предоставления продукта или услуги покупателям и управления взаимоотношениями с ними. Такие важнейшие области этики маркетинга, как этика рекламы и этика продвижения, тесно связаны с этикой медиа.

Этика потребления (англ. *ethics of consumption*) – часть бизнес-этики, исследующая моральные принципы использования продуктов в процессе удовлетворения потребностей. В рамках этики потребления исследуются основания, в которых укоренены человеческие потребности в товарах и желания приобретения этих товаров; анализируются явления «этичного потребления» и «ответственность за потребление». Значительное место в этике потребления занимают вопросы, связанные с применением нормативных этических теорий и обязательствами, налагаемыми этими теориями на потребителей. В ходе исследований критически осмысливаются общественные движения, практики и кампании, выдвигающие на первый план «этичное потребление».

Этика рекламы (англ. *ethics of advertising*) – область этики маркетинга, в рамках которой исследуются моральные принципы коммуникации между продавцом и покупателем, а также моральные принципы рекламного бизнеса. Часто под «этикой рекламы» понимают и сам набор таких принципов. Этическая проблематизация рекламы и рекламного бизнеса связана как с очевидностью выгод самой рекламы, так и с очевидностью выгод некоторых ее элементов, несовместимых с этическими стандартами. Общераспространенной является точка зрения, согласно которой этична реклама, не допускающая лжи и подлога, а если и допускающая их, то «в пределах приличия». Этика рекламы стремится разработать такие принципы морального порядка, которые можно было бы применять в качестве общих правил к противоречивому полю

рекламной деятельности. При этом одно из важнейших положений – то, согласно которому одной из целей человеческой свободы является аутентичный моральный ответ. Любые попытки информирования или убеждения, для того чтобы быть моральными, должны уважать человеческую свободу. С моральной точки зрения благая реклама – та, которая стремится побудить людей к рациональному выбору и действию; плохая реклама – та, которая побуждает людей к разрушительным поступкам по отношению к себе и к обществу.

Этический кодекс (англ. *code of ethics*) – документ, в котором излагаются моральные принципы, установленные организацией и используемые для оказания влияния на профессиональное поведение ее сотрудников и членов. Этические кодексы, как правило, разрабатываются и применяются профессиональными органами, особенно в тех сферах, в которых практически отсутствует государственное регулирование. Члены организаций должны придерживаться этих правил и положений для того, чтобы оставаться в хороших отношениях с организациями и обеспечивать эффективность их деятельности.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ И БИМЕДИЦИНСКАЯ ЭТИКА

Аборт (англ. *abortion*) – искусственное прерывание беременности. В современной этике аборт часто определяется как преднамеренное убийство эмбриона или плода (например, С. Дуайер). Проблема аборта – одна из самых важных и острых в биомедицинской этике. Полемика вокруг аборта имеет долгую историю и в настоящее время интенсивно обсуждается среди исследователей и в обществе как с моральной, так и с правовой точек зрения. В этических дискуссиях обсуждаются следующие вопросы: 1) является ли аборт морально оправданным? 2) имеет ли плод (эмбрион, концептус и зигота) какие-либо моральные или юридические права? 3) является ли плод человеком и следует ли его защищать? 4) суще-

ствует ли какой-либо морально значимый разрыв в биологическом процессе развития от одноклеточной зиготы до рождения? Этот перечень вопросов не является исчерпывающим для современной биомедицинской этики, но задает перспективы дальнейшего этического анализа. В настоящее время выделяются три главных взгляда на аборт: крайне консервативный (его придерживается, в частности, католическая церковь), крайне либеральный (его придерживается, в частности, П. Сингер) и умеренный, занимающий промежуточное положение между двумя крайними взглядами.

Зависимость (англ. *addiction*) в широком смысле – ощущаемая человеком навязчивая потребность в чем-либо. Термин «зависимость» часто используется для обозначения таких явлений, как лекарственная зависимость, зависимость от наркотиков (наркомания), в настоящее время все больше применяется для обозначения психологических зависимостей (интернет-зависимость, игромания и пр.). Этику зависимость интересует прежде всего с точки зрения ее влияния на автономию.

Информированное добровольное согласие (англ. *Informed consent*) – доктрина в медицинской этике и медицинском праве, согласно которой для медицинского вмешательства в целях обследования или лечения, особенно несущего риски, должно быть получено согласие пациента. Получение согласия возможно при соблюдении определенных условий (обязательность согласия, исчерпывающая информированность, получение согласия до медицинского вмешательства, его добровольность, возможность отзыва согласия в любое время и без объяснения причин).

Согласие должно быть получено у пациента или его законного представителя. Добровольность согласия определяется как отсутствие принуждения в таких формах, как угрозы, авторитарное навязывание стороннего мнения, подтасовка информации. Согласие должно основываться на предоставленной в доступной форме обстоятельной информации о предстоящем вмешательстве, вероятных осложнениях, вариантах процедур и условий их оказания. Информированное добровольное согласие выступает механизмом защиты прав как пациента, так и врача. Информированное добровольное

согласие должно быть обязательным условием для участия испытуемых в любом виде экспериментов над людьми – психологическом или клиническом.

Моральный статус животных (англ. *the moral status of animals*) – тема исследований в современной этике и биоэтике. В настоящее время широко распространено мнение, согласно которому все люди, и только люди, заслуживают полного и всестороннего морального рассмотрения, что человеческие интересы значат больше, чем интересы других существ. Таким образом, если человек испытывает точно такую же боль, как и животное, то, при исключении какого-либо другого морально значимого соображения, прекращение человеческой боли оказывается морально более важным. Однако даже многие из тех, кто утверждает, что человеческие интересы имеют моральный приоритет, считают, что по крайней мере некоторые животные имеют определенные интересы, которые следует учитывать с моральной точки зрения, даже если они при этом считают эти интересы относительно незначительными.

Нейроэтика (англ. *neuroethics*) – относительно новая субдисциплина философии. Нейроэтика разделяется на два направления исследований. Первое связано с этическими вопросами, проистекающими из исследований нейронауки и других наук о сознании (психиатрия, социальная и когнитивная психология и т. д.); второе направление – более теоретическое и посвящено тому, как науки о сознании освещают традиционные философские вопросы, например, вопросы о природе человека и существовании свободной воли (А. Роскис). Как отрасль прикладной этики, нейроэтика появилась в ответ на расширение человеческих возможностей вмешиваться в деятельность разума (в широком смысле). Аналогичным образом, биоэтика появилась как ответ на достижения в соматической медицине. Подобно тому как медицинские достижения последних пятидесяти лет (например, появление возможности создания человеческой жизни «в пробирке» и ее сохранения в тех случаях, когда она более не представляет особой ценности для пациентов) спровоцировали появление новых и насущных этических проблем, достижения в области понимания ментальных процессов и вмешательства

в эти процессы породили насущные вопросы о том, следует ли использовать эти достижения, и если да, то в каких случаях.

Опыты на животных (англ. *animal experimentation*) – использование животных в различных экспериментах, связанных с изучением различных переменных, которые влияют на поведение или исследуемую биологическую систему. Практика в области биомедицинских и поведенческих наук породила многочисленные этические проблемы в отношении использования животных в образовании, тестировании и исследованиях. Этические вопросы, возникающие при проведении экспериментов на животных, являются предметом споров. Точки зрения в этих спорах менялись на протяжении XX столетия. Разногласия сохраняются по поводу того, какие процедуры полезны и для каких целей, а также по поводу того, какие этические принципы применимы к каким видам животных.

Предварительные медицинские указания (англ. *advance directives*) – заявления компетентного пациента, в которых указывается, кто должен действовать в качестве представителя (заместителя) и какое лечение пациент будет принимать в случае будущей недееспособности и особенно в случаях неизлечимой болезни или необратимой потери сознания. Предварительные медицинские указания появились в ответ на растущую сложность и распространенность медицинских технологий. В ходе многочисленных исследований было установлено, что медицинская помощь умирающим имеет существенные недостатки: она неоправданно затянута, болезненна, дорога и эмоционально обременительна как для пациентов, так и для их семей.

Сельскохозяйственная этика (англ. *agricultural ethics*) – область прикладной этики, в рамках которой исследуются этические проблемы или вопросы, возникающие в связи с производством и распределением продуктов питания и изделий из волокна. В узком понимании сельское хозяйство – это использование технологий для возделывания сельскохозяйственных культур или ведения животноводства. Такое понимание исключает различные формы добычи, охоты или рыболовства, которые на протяжении веков

способствовали удовлетворению потребностей человека в пище. Оно также исключает деятельность, осуществляемую за пределами сельскохозяйственного производства, а именно транспортировку, измельчение или забой, дальнейшую переработку, производство продуктов питания или изделий из волокон, а также розничные продажи. В более широком смысле сфера сельского хозяйства может включать в себя все эти виды деятельности и может быть расширена до включения различных методов управления природными ресурсами (например, лесное хозяйство).

СПИД (синдром приобретенного иммунодефицита) (англ. *AIDS*) – спектр состояний, вызванных заражением вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ). СПИД стал образцовым заболеванием для этического анализа, посвященного вопросам контроля инфекционных заболеваний и общественного здравоохранения. Этические проблемы, связанные с ВИЧ/СПИДом принято концептуально разделять на две части: жизнь до и после появления средств, сохраняющих жизнь. Такое разделение позволяет не только естественным образом понять способы решения этических проблем исторически, в сравнении с настоящим временем, но также и с точки зрения определения этической значимости ВИЧ/СПИДа для развитых и развивающихся стран.

Эвтаназия (англ. *euthanasia*) – практика прекращения жизни человека, страдающего неизлечимым заболеванием и испытывающего вследствие этого невыносимые страдания. Эвтаназией также называют усыпление животных, в том числе лабораторных и бродячих. Существует два основных вида эвтаназии: пассивная эвтаназия («метод отложенного шприца» – намеренное прекращение медиками искусственных мер по поддержанию жизни) и активная эвтаназия (введение умирающему медицинских препаратов, приводящее к быстрой и безболезненной смерти). К активной эвтаназии можно относить и самоубийство с врачебной помощью (предоставление больному по его просьбе препаратов, сокращающих жизнь).

Добровольная эвтаназия осуществляется по просьбе больного или с предварительно высказанного согласия. Недобровольная эвта-

назия осуществляется без согласия находящегося в бессознательном состоянии больного на основании решения родственников, опекунов и т. п. В случае «компетентного решения» считается, что люди имеют право принимать решения, которые другие считают неразумными, поскольку их выбор проходит через компетентно обоснованный процесс и совместим с их личными ценностями.

Отношение к эвтаназии сильно разнится в разных странах – от легализации до категорического запрета. Общая закономерность такова: чем страна экономически более развита и чем меньше влияние религиозных организаций, тем толерантнее отношение к эвтаназии. Принятая 39-й Всемирной медицинской ассамблеей в Мадриде в октябре 1987 г. Декларация об эвтаназии фактически запрещает активную эвтаназию, но допускает пассивную: «Эвтаназия, как акт преднамеренного лишения жизни пациента, даже по просьбе самого пациента или на основании обращения с подобной просьбой его близких, неэтична. Это не исключает необходимости уважительного отношения врача к желанию больного не препятствовать течению естественного процесса умирания в терминальной фазе заболевания».

Экологическая этика (англ. *ecological ethics*) – прикладная дисциплина, являющаяся синтезом этики и экологии. Экологическая этика увязывает представления о природных системах и правилах взаимодействия с ними.

Основателями экологической этики можно назвать немецкого теолога, врача, музыканта и философа Альберта Швейцера и американского эколога, зоолога и философа Олдо Леопольда. А. Швейцер выдвинул принцип «благоговения перед жизнью» как основание универсальной этики и мировоззрения, как этику ответственности за все, что живет. Если наносится вред какой-либо жизни, необходимо осознание, насколько это необходимо: нельзя делать ничего, кроме неизбежного, даже самого незначительного. Смысл существования человека – в постоянном самосовершенствовании. В центр экологической этики А. Швейцер ставит нравственность, а О. Леопольд – экологическое знание в структуре этического: конфликт с природой обусловлен экзистенциальным непониманием

людьми своей общности со своей планетой. О. Леопольд вводит новый термин – «экологическая совесть».

В конце XX в. экологическая этика стала претендовать на статус самодостаточной дисциплины, дающей систему нравственных принципов и императивов поведения человека в природном мире. В 1992 г. в Рио-де-Жанейро была принята Декларация ООН по окружающей среде и развитию. В ней закреплены основные принципы экологического права. Документом ЮНЕСКО «Экологическая этика» общими принципами провозглашаются уважение ко всем формам жизни, биоразнообразие, поддержание устойчивости биосферы, экологическая справедливость, предосторожность, общее достояние природных ресурсов.

Более архаичные, но более конкретные принципы экологической этики выработаны в культурах малых народов, живущих за счет ограниченных природных ресурсов. Эти знания, приложимые к локальным местообитаниям, институционализированы в религии и мировоззрении коренных народов (indigenous knowledge).

Учебное издание

Цепелева Надежда Петровна
Кузубова Тамара Сергеевна
Алашеева Россияна Вячеславовна
Бельский Игорь Сергеевич
Городнова Наталья Васильевна
Дороненко Ольга Евгеньевна
Макаенко Яна Александровна
Маклаков Владимир Тихонович
Маклаков Кирилл Владимирович
Медведев Вячеслав Альбертович

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ

Учебное пособие

Заведующий редакцией *М. А. Овечкина*
Редактор *Т. А. Федорова*
Корректор *Т. А. Федорова*
Компьютерная верстка *Г. Б. Головина*

Подписано в печать 13.03.2020. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Цифровая печать.
Уч.-изд. л. 7,8. Усл. печ. л. 9,0. Тираж 30 экз. Заказ 14.

Издательство Уральского университета.
Редакционно-издательский отдел ИПЦ УрФУ
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Тел.: +7 (343) 389-94-79, 350-43-28
E-mail: rio.marina.ovechkina@mail.ru

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-58-20, 350-90-13
Факс +7 (343) 358-93-06
<http://print.urfu.ru>

ДЛЯ ЗАМЕТОК

